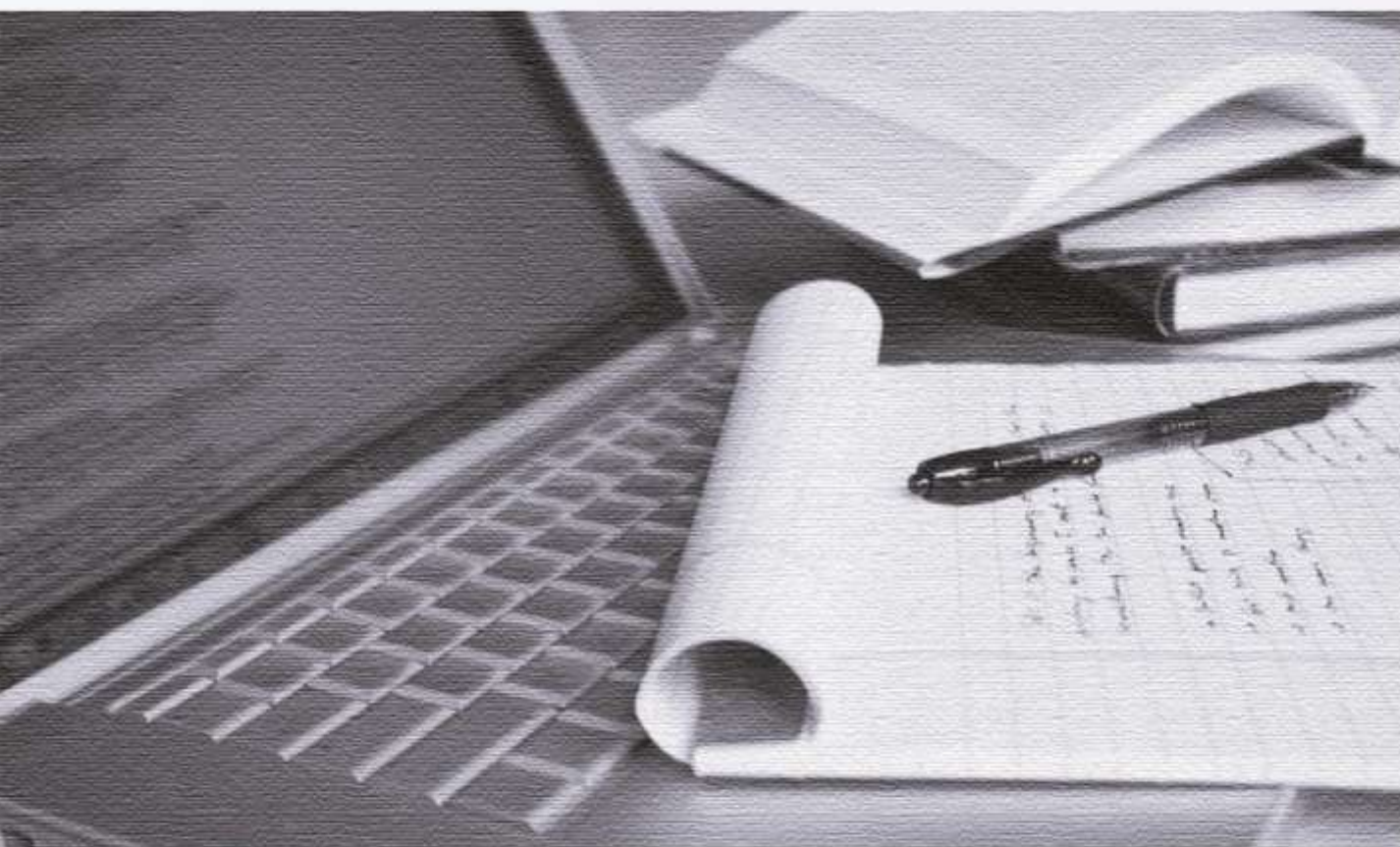

16+

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ISSN 2500-1795

№ 2 / 2025

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 2

ISSN 2500-1795

16+

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 80962 от 30.04.2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/25-2>

Периодичность издания: 2 раза в год (1 раз в полгода)

Форма распространения: сетевое издание

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки: русский, английский

Индексируется и размещается: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань».

Главный редактор: О.М. Култышева

Редакционная коллегия: Л.Ф. Алексеева, А.Н. Безруков, М.Р. Галиева, Е.В. Киричук, Л.В. Кушнина,
Л.А. Нефёдова, Д. Мэтякубов, Н.С. Саньярова.

Адрес редакции: Россия, 628609, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск,
ул. Мира, д. 3 Б, каб. 305.

Адрес издательства: Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4. Тел./факс: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Подготовлено в издательстве НВГУ.

Подписано в печать 20.11.2025

Гарнитура Times. Объем 2,55 МБ, 6,9 п.л.

Заказ 2347. Цена: «Бесплатно»

© Нижневартовский государственный университет, 2025

NIZHNEVARTOVSK PHILOLOGICAL BULLETIN № 2

ISSN 2500-1795

16 +

Founder: FGBOU VO “Nizhnevartovsk State University”

The Journal is Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Registration certificate
EL No. FS 77 – 80962 dated 04/30/2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/25-2>

Frequency of publication: 2 issues per year.
Distribution form: online edition
Distribution territory: Russian Federation, foreign countries
Languages: Russian, English

Indexed and placed: Russian Science Citation Index (RSCI),
Electronic and library system IPRbooks, the Electronic and library system Lanbook, CyberLeninka.

Editor-in-chief: O. M. Kultysheva.

Editorial Board: L.F. Alekseeva, A.N. Bezrukov, M.R. Galieva, E.V. Kirichuk, L.V. Kushnina,
L.A. Nefedova, D. Matyakubov, N.S. Sanjyarova.

Editorial office address: Russia, 628609, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nizhnevartovsk,
st. Mira, 3 B, office. 305.

Publisher's address: Russia, 628616, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra,
Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4. Tel./fax: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

CC license type supported by the journal: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Prepared by the publishing house NVGU.
Signed to print: 20.11.2025
Times typeface. Volume 2.55 MB, 6.9 pp
Order 2347. Price: “Free”

© Нижневартровский государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

- Ахматзанова А.В.*
УКЛАД РУССКОЙ ЖИЗНИ И РОДНАЯ ПРИРОДА В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
К.Д. БАЛЬМОНТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «РОССИЯ», «МОСКВА»)6
- Безруков А.Н.*
ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АНДРЕЯ БИТОВА: ОБОСНОВАННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАНЕРЫ13
- Кульшишева О.М., Чапаева Д.М.*
АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.А. БЛОКА И М.А. БУЛГАКОВА22
- Новикова Е.В.*
СЕМЕЙНО-Родовая ПАМЯТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ХРОНОТОПА В ПОВЕСТИ Е. Д. АЙПИНА «У ГАСНУЩЕГО ОЧАГА»28
- Рацой А.И.*
РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА ПРОПОВЕДИ В СВЕТЕ РИТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ35
- Саньярова Н.С.*
ОБОСОБЛЕНИЕ, ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ И ВАРИАНТНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ45
- Щербина С.И., Скворцов К.В.*
АМБИСЕМИЯ ТЕРМИНА «ПОБЫВАЛЬЩИНА» (НА ПРИМЕРЕ УСТНОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ
ПРОЗЫ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ)59

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

- Бурнышева В.А.*
«АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» Л. КЭРРОЛЛА КАК ОБРАЗЕЦ БЫТОВАНИЯ ПАРАДОКСА И
НОНСЕНСА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ69
- Галиева М.Р.*
СЛОВО КАК ФИЛОСОФСКИЙ И МИФОЛОГО-РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНЦЕПТ77
- Гутникова О.А.*
ОТРАЖЕНИЕ ПОДРОСТКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)86
- Зыкова С.А., Антонова А.В.*
СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА93
- Ярцева С.В.*
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ101

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусейнова Л.С.*
ПОРТРЕТ КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ108

CONTENT

DOMESTIC PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

- A.V. Akhmatzanova*
THE WAY OF RUSSIAN LIFE AND NATIVE NATURE IN THE EMIGRANT WORKS
OF K.D. BALMONT (BASED ON THE POEMS «RUSSIA» AND «MOSCOW»)6
- A.N. Bezrukov*
ANDREY BITOV'S DISCURSIVE STRATEGIES: A JUSTIFIED EXPERIMENT
OR CONVERGENCE OF ARTISTIC MANNER13
- O.M. Kultysheva, D.M. Chapaeva*
APOCALYPTIC MOTIFS IN THE WORKS OF A.A. BLOK AND M.A. BULGAKOV22
- E.V. Novikova*
FAMILY-GENEALOGICAL MEMORY AS A KEY COMPONENT OF THE ARTISTIC
CHRONOTOPE IN THE STORY BY E. D. AIPINA «AT THE FADING HEARTH».....28
- A.I. Ratsoy*
THE DEVELOPMENT OF THE ART OF PREACHING IN THE LIGHT
OF RHETORICAL TRADITIONS35
- N.S. Sanjyarova*
ISOLATION, PARCELLATION AND VARIANT SYNTACTIC CONSTRUCTIONS45
- S.I. Shcherbina, K.V. Skvortsov*
THE AMBISEMY OF TERM «POBYVALSHINA» (USING THE EXAMPLE
OF THE ORAL NON-NARRATIVE PROSE OF WEST SIBERIAN OLD-TIMERS)59

FOREIGN PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

- V.A. Burnysheva*
“ALICE IN WONDERLAND” BY L. CARROLL – AS AN EXAMPLE OF THE EXISTENCE
OF PARADOX AND NONSENSE IN CHILDREN'S LITERATURE69
- M.R. Galieva*
WORD AS A PHILOSOPHICAL AND MYTHOLOGICAL-RELIGIOUS CONCEPT77
- O.A. Gutnikova*
REFLECTION OF TEENAGE IDENTITY IN LITERARY TRANSLATION (BASED ON GERMAN) ...86
- S.A. Zykova, A.V. Antonova*
THE MODERN APPROACHES TO THE SCIENTIFIC TEXT CREATION93
- S.V. Yartseva*
THE COGNITIVE ASPECT OF THE LANGUAGE INTERFERENCE101

THEORY OF LITERATURE

- L.S. Huseynova*
PORTRAIT AS A LITERARY CATEGORY108

УДК 821.161.1

doi.org/10.36906/2500-1795/25-2/01

Ахматзанова А.В.

**УКЛАД РУССКОЙ ЖИЗНИ И РОДНАЯ ПРИРОДА
В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ К.Д. БАЛЬМОНТА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «РОССИЯ», «МОСКВА»)**

Аннотация. Настоящая статья исходит из того, что проблема исследования эмигрантского творчества К.Д. Бальмонта существует как ведущая в бальмонтоведении. С 1921 по 1937 год – время почти непрерывного творчества и, как утверждал сам поэт, духовного одиночества. Тема дома и родной природы является актуальной для всей русской литературы XX века, в том числе для литературы Русского зарубежья, и без этой глубинной связи с Россией литература эмиграции вообще не состоялась бы. Образы русской жизни и русских «светлых» пейзажей становятся сквозными в творчестве К.Д. Бальмонта. Поэт тоскует по Родине и приводит в поэтических строках свои детские воспоминания о стране, находясь вдали от неё. Тема Родины, воспоминания об укладе русской жизни прослеживаются не в каких-то отдельных стихотворениях, а как бы включаются в лирико-тематические узлы эмигрантского творчества поэта в целом. Так, образ Родины и картины русской природы являются основополагающими в эмигрантских сборниках К.Д. Бальмонта (1923–1937) («Моё – Ей. Россия», «В раздвинутой дали (Поэма о России)», «Северное сияние (Стихи о Литве и Руси)», «Голубая подкова (Стихи о Сибири)»). В настоящей статье проанализированы значимые в рамках нашего исследования стихотворения раннего периода эмиграции «Россия» (1923) и «Москва» (1926). Целью исследования является раскрытие своеобразия поэтики лирических образов и сюжетов эмигрантских стихотворений К.Д. Бальмонта, посвященных русской жизни и родной природе. В ходе исследования были выявлены некоторые особенности эмигрантской поэзии К.Д. Бальмонта, а именно: автобиографичность, музыкальность, символичность, образность, умелое использование изобразительно-выразительных средств. Таким образом, эмигрантская лирика 1920-х годов в контексте поэзии русского зарубежья выявляет как новые тенденции, так и стремление поэта сохранить накопленное из своего прежнего опыта.

Ключевые слова: Бальмонт; Россия; Родина; родная природа; эмигрантская лирика; художественный мир.

Сведения об авторе: Ахматзанова Анастасия Владимировна, преподаватель русского языка и литературы БУ «Радужнинский политехнический колледж».

Контактная информация: 628462, г. Радужный, мкр. 6, д. 27; тел.: +7 (34668) 2-30-08; e-mail: cherepuhina_anastasiya@mail.ru.

A. V. Akhmatzanova

THE WAY OF RUSSIAN LIFE AND NATIVE NATURE IN THE EMIGRANT WORKS OF K.D. BALMONT (BASED ON THE POEMS «RUSSIA» AND «MOSCOW»)

Abstract. This article proceeds from the premise that the study of K.D. Balmont's émigré work is a central issue in Balmont studies. From 1921 to 1937 was a time of almost uninterrupted creativity and, as the poet himself asserted, spiritual solitude. The theme of home and native nature is relevant to all Russian literature of the 20th century, including the literature of the Russian diaspora, and without this profound connection to Russia, émigré literature would not have existed at all. Images of Russian life and “bright” Russian landscapes become recurring themes in K.D. Balmont's work. The poet yearns for his homeland and, in his poetry, recounts his childhood memories of the country while living far from it. The theme of the homeland and memories of the Russian way of life are not traced in isolated poems, but rather are integrated into the lyrical and thematic threads of the poet's émigré work as a whole. Thus, the image of the Motherland and scenes of Russian nature are fundamental in the émigré collections of K.D. Balmont (1923–1937) (“Mine to Her. Russia”, “In the Divided Distance (Poem about Russia)”, “Northern Lights (Poems about Lithuania and Rus”)), “Blue Horseshoe (Poems about Siberia)”). This article analyzes poems from the early period of émigré life, “Russia” (1923) and “Moscow” (1926), which are significant within the framework of our study. The aim of this study is to reveal the unique poetics of the lyrical images and plots of K.D. Balmont's émigré poems dedicated to Russian life and native nature. The study revealed several characteristics of K.D. Balmont's émigré poetry, namely: autobiographical quality, musicality, symbolism, imagery, and the skillful use of figurative and expressive means. Thus, the émigré lyrics of the 1920s in the context of the poetry of the Russian diaspora reveals both new tendencies and the poet's desire to preserve what had accumulated from his previous experience.

Key words: Balmont; Russia; Motherland; native nature; emigrant lyrics; artistic world.

About the author: Akhmatzanova Anastasia Vladimirovna, teacher of Russian Language and Literature at the Raduzhninsky Polytechnic College.

Contact information: 628462, Raduzhny, 6th microdistrict, 27; tel.: +7 (34668) 2-30-08; e-mail: cherepuhina_anastasiya@mail.ru.

Проблема исследования эмигрантского творчества К.Д. Бальмонта существует как определяющая в бальмонтоведении, так как многие тексты до настоящего времени остаются почти не изученным «белым пятном» как в творческой, так и в его личной биографии. Начиная с 1990-х годов появились значительные работы и публикации, в которых на обширном, хотя и *локальном* материале произведений и писем поэта освещаются периоды его более чем двадцатилетней жизни вне России, начиная с отъезда в июне 1920-го, но и они не дают целостной картины специфики творческой деятельности Бальмонта-эмигранта.

Несмотря на то, что и до эмиграции поэт подолгу проводил вне России, связь с нею не оборвалась до конца жизни. «В русской диаспоре не было, пожалуй, другого, кроме Бальмонта, поэта, для которого физическая изоляция от страны своего языка и детства, первых литературных шагов и последующего признания, от знакомого читателя и от родного пейзажа переживалась бы так остро и столь продолжительно» (Крейд 1992: 9).

В эмиграции автор не высказывает в стихах своих политических пристрастий и не дает ответов на злободневные темы 1920-х годов, а старается «с той стороны смотреть на мир, с которой смотрит Бог, со стороны духа» (Бальмонт 2010: 193). Синонимом любви к России в творчестве К.Д. Бальмонта являются детские воспоминания о Шуйской глубинке и воспоминания его творческого становления в столице, г. Москве.

В 1923 году, находясь в Париже, поэт создаёт свой третий эмигрантский сборник «Моё – ей. Россия», в который входит стихотворение «Россия» (Бальмонт 2008: 10). В этом произведении есть признаки пейзажной и гражданской лирики, так как оно выражает любовь к Родине через весенние образы:

*Ручьи, луга, болота, склоны,
В кустах для зайца уголок....*

Идея стихотворения в том, что Отчизна всегда остаётся в сердце, лирическому герою никогда не забудутся красоты ее русских просторов:

*Вновь с нами ласточка живая,
Заморского отвергшись края,
В родимую влюбилась в ширь.*

Для лирического героя слово «Россия» едино, то есть здесь множество ассоциаций и воспоминаний о весеннем пробуждении родной природы:

*И сердце, ничего не зная,
Вновь знает нежно, как она,
Что луговая и лесная,
Зовёт к раскрытости весна.*

Произведение можно отнести к элегическому жанру, так как здесь помещены глубокие переживания героя, он испытывает непомерную тоску по родной земле, но всячески убеждает себя отогнать подобные мысли, «утихомирить дух». Несмотря на глубокую тоску по Родине, в стихотворении преобладают светлые цвета:

*От солнца – ласка властелина,
Весь мир – одно окно лучу.
Светла в предчувствии долина.*

Для К.Д. Бальмонта, как для поэта-символиста, луч и свет здесь имеют особое, символическое значение: «ласка властелина» есть Божья благодать. Здесь вновь появляется характерный для Бальмонта дооктябрьского периода творчества образ животворящего Солнца. А ласточка (упомянутая выше), вырвавшаяся из заморского края, – символ человека, который находится на чужбине, но сердцем рвется на Родину.

В последних строках лирический герой утверждает, что родной край в «покрове весны» – единственное в мире счастье. Учитывая обстоятельства, в которых написано стихотворение «Россия», можно утверждать, что в нем есть автобиографические мотивы.

По смыслу текст можно разделить на две части (пейзажные зарисовки и описание внутреннего состояния лирического героя), которые чередуются и переплетаются. Но неразделенное на строфы произведение предстает перед читателем как единый поток ощущений автора. В стихотворении «Россия» не встретилась бытовая детализация русской жизни, но чувства, которые испытывает лирический герой, а с ним и автор по отношению к Родине, знакомы каждому русскому человеку, по тем или иным причинам отлучённому от своей страны и родных просторов.

Автор в пейзажной лирике даже глубже, чем в любовной, во многом благодаря своей поэтической подлинности, умелому использованию художественных средств. В тексте есть эпитеты («слабые листочки», «ласточка живая», «родимая ширь»), метафоры («в сердце хмель», «заизумрудился овраг», «в предчувствии долина»), синекдоха («весь мир – одно окно лучу»). Также К.Д. Бальмонт использует следующие незаурядные слова: «заизумрудился», «отвергшись», «голубино», «раскрытость», «вдунул», часть из которых справедливо можно отнести к окказионализмам. Такой поэтический инструментарий свидетельствует о нетривиальном душевном и лирическом опыте.

Музыка в лирике Бальмонта – универсальный образ-символ, пронизывающий всё поэтическое пространство. В этом стихотворении встречаются образы-символы свирели, воркованья, пастушьей дудки, а прием звукописи – аллитерация – *свирель-хмель-апрель* – создает почти физическое ощущение капли. Это закономерно, ведь Бальмонт принадлежал к старшим символистам и к символизму в целом, для которого музыкальность была основополагающим началом.

Култышева О.М., Малютин А.Д. считают: «Взаимосвязь между музыкой и литературой безусловна. <...> Стоит также заметить, что художественное слово насыщается наибольшим поэтизмом и музыкальностью в лирических произведениях, где передается вся буря движения чувств за счет более сильной ритмической организованности» (Култышева, Малютин 2023: 21).

Стихотворение Константина Бальмонта «Москва» (1926) не вошло ни в один прижизненный сборник, но имеет точную датировку – 28 октября, и с нею приписку – *Lacapan – Ocean, Gironde* (Бальмонт 1990: 341-342). Оно является ярким примером поэзии, где переплетаются лирический образ Родины и глубокий символизм, характерный для творчества автора.

Композиционно стихотворение разделено на три части, связанные лирическим сюжетом и общей темой любви к Родине. В первой части лирический герой предстает в образе маленького мальчика, раскрывшего том старой книги, который гласит: «Москва... как много в этом звуке...». Здесь представлена аллюзия на роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Конечно, ребёнок не поймет и не оценит глубины этих слов. Но, вспоминая это уже повзрослевший герой заключает: «Люблю, как лучший звук, Москву!»

Тем самым, произведение отражает особое, часто двойственное, отношение Бальмонта к Москве – столице, полной как величия и красоты, так и мрачных мотивов, тёмных времен и событий.

Вторая часть «Москвы» является своеобразным экскурсом в историю нашей страны. Во-первых, примечательно, что автор обращается к городу на «ты», одушевляя его как «пламенную силу». Во-вторых, Бальмонт вспоминает о сложнейших вехах в летописи нашей страны, утверждая, что Москва всегда была сильна «в бою с язычниками». *Безумцы-опричники, татары с кликом, Наполеон с высокомерностями ...* со всеми этими угрозами пришлось справиться столице, и лирический герой торжественно провозглашает: *«Мы зажгли святой пожар свечой копеечною»*. Очевидно, это аллюзия на высказывание Евгения Базарова, героя романа Ивана Тургенева «Отцы и дети». Далее воодушевляющие строки вдруг резко меняют тональность, герой обращается к современному ему миру, замечая, что *«И в этот час в тебе – змея, тоска томительная»*, говоря о непростом послереволюционном времени. Завершается вторая часть жизнеутверждающими строками о приходе освободительной весны, поэт прочит столице великое будущее:

*Ты будешь вольная сверкать,
Вся в зорях пламенная!*

В этой части стихотворения К.Д. Бальмонт запечатлел уклад русской жизни сразу в нескольких непростых эпохах для нашей страны. Также ряд мотивов, исследованных нами в стихотворении «Россия», встречается в этой части «Москвы»: образ животворящей весны, «солнечные», пламенные образы.

Третья часть этого лирического этюда снова автобиографична. Здесь пред читателем лирический герой, который «отделён и отлучён» от всего, что он считает родным. Но несмотря на то, что физически герой находится не на Родине, не в Москве, духовно он ощущает себя там: *«Я – духом там, хоть телом – тут»*. В финале произведения появляются излюбленные поэтом пейзажные зарисовки, образы природы: «синий облак дыма», «зелёный луг», «родная река». Опять, как и в стихотворении «Россия», лирический герой пытается себя приободрить, утверждая:

*Не раз и в чуждом иноверце
Москва зажглась как Русский Храм.
Я капля крови в этом сердце,
Ему всю кровь мою отдам!*

Герой верит в будущую справедливость, ведь *«там, где Бог, неправды нет»*.

Бальмонт мастерски использует эпитеты, метафоры и сравнения для создания ярких, запоминающихся образов. Например, используя эпитеты, он описывает Москву как «златоглавую», «древнюю», «белокаменную», но при этом и как «тихую», «мрачную» или «волшебную».

Как и другие произведения Бальмонта, «Москва» отличается мелодичностью, сложной рифмовкой и использованием звукописи, которая позволяет создавать особую музыкальность.

В стихотворении проявляется вся характерная для Бальмонта любовь к «светозвуку», а также символистское стремление передать иррациональное и мистическое.

И этот текст прошел сквозь призму бальмонтовского «музыкального» мировидения. Даже само слово «Москва» автор называет здесь лучшим звуком. Представлены звуковые образы символы (*шёпот, колокольный звон, звук таинственной молитвы, зов отца, голос Божий*), которые становятся неотделимы от настроения лирического героя.

Основные особенности произведения и представленных лирических образов:

– дуальность Москвы. Одновременно город-сказка и место тайн, страхов. Автор использует контрастные образы, чтобы передать двойственную природу города. - мистика и символизм. Используются характерные для символизма элементы, такие как символы («весна освободительная», «сила пламенная»), намеки на невидимое, образы, вызывающие мистические ассоциации, аллюзии («копеечная свеча»).

– город как живой организм. Москва предстает перед читателем как нечто одушевленное, обладающее собственной жизнью, настроением и даже душой. - воспевание и критика. Поэт восхищается величием Москвы, но также выражает тревогу перед ее тайнами и мощью, что создает напряжение и осложняет восприятие произведения.

Таким образом, стихотворение «Москва» – это не просто описание города, а лирический этюд, в котором отражаются сложные переживания поэта о прошлом, настоящем и будущем страны и ее духовном начале.

Поэтическое слово важно и своим звучанием, и своим значением. В поэзии Бальмонта читатель и сегодня находит упоенность жизнью, ее весной, ее цветением, ее красотой. Юношеская одухотворенность, обнадеженность, радость бытия звучат в тех стихах Бальмонта, которые всего более привлекают как тонких ценителей, так и всех воспринимающих стихи непосредственно, всей душой, как высокую музыку слова.

«Судьбе Бальмонта, разнообразной и пёстрой, знавшей и горечь утрат, периоды мрачного отчаяния и ад ностальгии, при всём драматизме отдельных ее периодов, всегда как бы не хватало единой смысловой направленности, той духовной напряженности, которая соединяет жизнь и творчество между собой, намагничивает и придает единый смысл», – утверждает Е. Иванова (Цит. по: Иванова 1989: 22). Исследователи по-разному относились и относятся к творчеству поэта. Многие, как и Е. Иванова, считают, что в его поэзии главное звук, а не смысл. Но всё же, когда дело касается темы родной земли, автор вполне конкретен и однозначен. Несмотря на все тяготы, находясь в вынужденной эмиграции, Бальмонт искренне любит свою Родину, владимирский уголок детства, дорогую сердцу столицу, в которой впервые получил широкую известность, а также родную природу, одухотворенную образами весны и солнца. Не принимая современный расклад политических сил, поэт сохраняет теплые воспоминания о стране и выражает искреннюю надежду на счастливое будущее России.

ЛИТЕРАТУРА

Бальмонт К.Д. Где мой дом: стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. Москва: Республика, 1992. 447 с

Бальмонт К.Д. Моё – Ей. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2008. 80 с.

Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Край Озириса; Где мой дом?: Очерки (1920–1923); Горные вершины: Сборник статей; Белые зарницы: Мысли и впечатления. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.

Бальмонт К.Д. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1990. 397 с.

Иванов В. Эссе, статьи, переводы. Bruxelles, 1985.

Иванова Е. Судьба поэта // Бальмонт К.Д. Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 3-22.

Култышева О.М., Малютина А.Д. Интеграция музыки и литературы в системе образования: межпредметные связи // Нижевартовский филологический вестник. 2023. № 2. С. 19-25. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/02>.

© Ахматзанова А.В.

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АНДРЕЯ БИТОВА: ОБОСНОВАННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАНЕРЫ

Аннотация. В статье осуществлен анализ малой прозы Андрея Битова – писателя-постмодерниста, автора уже классических текстов XX века, таких как «Пушкинский дом», «Оглашенные», «Улетающий Монахов», «Новый Гулливер», «Похороны доктора». Манера письма А.Г. Битова находится в рамках поэтики литературного эксперимента, причем это объективно касается и формы, и содержания. Его жанровые приоритеты сложны при дешифровке, исследователи с трудом определяют канонический тип и вид прозы А. Битова, ибо для него жанр является подвижной системой, влияющей на смысловую динамику. Контур коннотаций данного автора расшатывается, так как главной действенной силой все же является язык, а также стилевая контаминация. Не исключается в ряде повестей и романов Андрея Битова нарочитое использование интертекстуальности. Открыто яркой отсылкой становится классика, причем образцовая, например, диалог с А.С. Пушкиным. В работе осуществлен анализ малой прозы А. Битова с позиций объективации стиля, художественного дискурса. Можно констатировать, что писатель создает свои тексты на грани интеллектуальной наррации и философского повествования. Проза Андрея Битова это не только вымышленный мир, или нарочитая реальность, это еще и синкретическая версия взгляда на достаточно сложные вопросы бытия. Анализ художественных текстов ориентирован на рецептивную эстетику, герменевтику, компаративизм. Научная новизна статьи заключается в том, что проза Андрея Битова рассматривается как вариант дискурсивных стратегий, которые предопределяют конвергенцию художественной манеры писателя. Данный материал можно использовать в школьной и вузовской практике, при изучении истории русской литературы XX века, поэтики и эстетики постмодернизма, а также творчества А.Г. Битова.

Ключевые слова: Андрей Битов; постмодернизм; проза; интертекстуальность; автор; диалог; рецептивная эстетика; читатель; поэтика.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал).

Контактная информация: 452450 Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; тел.: 8(34784)4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru.

ANDREY BITOV'S DISCURSIVE STRATEGIES: A JUSTIFIED EXPERIMENT OR CONVERGENCE OF ARTISTIC MANNER

Abstract. This article analyzes the short fiction of Andrei Bitov, a postmodernist writer and author of classic 20th century texts such as “The Pushkin House”, “The Catechumens”, “The Flying Monk”, “The New Gulliver”, and “The Doctor's Funeral”. Bitov's writing style is rooted in the poetics of literary experimentation, and this objectively applies to both form and content. His genre priorities are complex to decipher; researchers struggle to define a canonical type and form of Bitov's prose, as genre is a fluid system for him, influencing the dynamics of meaning. The contours of this author's connotations are shaky, as language and stylistic contamination remain the primary motivating force. A deliberate use of intertextuality is not excluded in several of Andrei Bitov's stories and novels. Classics, and exemplary ones at that, for example, the dialogue with A.S. Pushkin, become overtly vivid references. This paper analyzes Andrei Bitov's short fiction from the perspective of the objectification of style and artistic discourse. It can be concluded that the writer creates his texts on the border between intellectual narrative and philosophical narrative. Andrei Bitov's prose is not only a fictional world or a deliberate reality; it is also a syncretic perspective on the complex issues of existence. The analysis of these literary texts focuses on receptive aesthetics, hermeneutics, and comparativism. The scientific novelty of this article lies in the fact that Andrei Bitov's prose is considered as a variant of discursive strategies that determine the convergence of the writer's artistic style. This material can be used in school and university practice, in the study of the history of 20th century Russian literature, the poetics and aesthetics of postmodernism, and the work of A.G. Bitov.

Key words: Andrei Bitov; postmodernism; prose; intertextuality; author; dialogue; receptive aesthetics; reader; poetics.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Branch in Birsik).

Contact information: 452450 Russia, Republic of Bashkortostan, Birsik, st. International, 10; tel.: 8 (34784) 4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru.

Русский литературный андеграунд представляет собой достаточно сложное и противоречивое явление. Многие фигуры этого сегмента художественного творчества до сих пор остаются некоей загадкой для читателей, слушателей, и тем более исследователей (Савельева 2016). Одно из имен, столь должным образом примечательное в массе критических исследований – это имя Андрея Битова. Его творчество следует соотносить с первой волной русского постмодернизма, периодом, намечающим новую поэтику, новый язык, новый взгляд на тематически разнородные пределы.

Проза А.Г. Битова стала классикой русской литературы XX века, и не безосновательно, ибо в ней конципировано сращиваются разные пласты мировой культуры, национальной

истории, новой философии (Витгенштейн 2019). Необычайно открыта в текстах данного писателя связь прошлого, т.н. пережитого с настоящим, с сегодняшним днем, даже не буквально, а онтологически. Следовательно, природа дискурсивного письма Андрея Битова и нуждается в определенной оценке и анализе. Автор не дает фактически буквальных ответов на вопросы (Рыбальченко 2011) насущного дня, но всецело магистрали смысловых путей его произведений оправданы и логически верны. На наш взгляд, у Битова выстраивается иная [современная] мифология (Мирошниченко 1999) оценки действительности, что, собственно, и притягивает читателей, привлекает исследователей. Можно на примере прозы Битова говорить о актуальной концепции мифопоэтического порядка, а это ценно как в социальном, культурологическом, философском, а главное – художественном планах. Тематика его текстов концентрична, допускается в ряде моментов движение к некоему абсолюту, или периферии, но базовые – концептуальные, бытийные стержни – писателем поддерживаются основательно.

Дом, семья, в целом жизнь, творческий процесс, счастье, мир – вот ряд важных для А. Битова составляющих мифологического порядка. Модель новой эстетической реальности по законам постмодернистского письма не может быть однозначно прочитана и дешифрована (Рикёр 2008), периодически необходимо возвращаться к текстам Битова, перечитывать, может даже вкладывать новые смыслы, но контекстуально оправданные. Рождение и смерть, боль и счастье, радость и отчаяние, индивидуальное и общее, надежда и крах – все это становится предметом точечного анализа в рамках индивидуального стиля А.Г. Битова. При этом он не столько находится в ситуации наращивания смыслового потенциала, сколько продуцирует версии дискурсивных колебаний.

Романы, малые формы, рассказы, повести практически все прозаическое наследие (Андрианова 2011) Андрея Битова направлено на дешифровку так называемой жизненной правды. Реальность его текстов представлена без серьезного украшения, без должной идеализации, без выборки только положительных факторов и моментов. Порой картинка настолько поэтически проста, что искать в ней и что-то видеть не получается, но конфликт позиций, крайностей и придает событиям действенный характер. Начиная играть с текстами Андрея Битова, исследователь понимает, что методы прочтения тоже должны быть альтернативными. Пред-допущение, вариант, а не императив, фрактальный рисунок смысла, дестабилизация художественного мира – вот то, что является координатами, на наш взгляд, верной трактовки его текстов. Актуальность работы сводится к спектральной оценке дискурсивных стратегий А. Битова; обозначение примет индивидуального письма на примере его малых форм дает основание объективно оценивать роль и статус данного автора в литературном процессе (Безруков 2020) XX века. Новизна исследования в вероятном, импульсном обозначении точки отсчета как А. Битову удастся скоординировать параметры новой художественной модели, при этом создать эффект приращения смыслов.

Отметим, что сам автор не исключает при этом символический вектор метафорики, писатель формирует типичные, понятные, и, бесспорно, значимые модели жизненных реалий. Настоящее как бы создается на основе уже готовых блоков, при этом и мировая

культура, и национальная, играют в должном равновесии позиций. Комбинаторика текстов Андрея Битова сложна не формальным наслаиванием одного элемента на другой, но линейной последовательностью суммы градационных модулей. Не маловажно, что читатель обретает с подачи текстов Андрея Битова определенную уверенность в естественной устроенности жизни, но жизни, которую нужно и осознать, и принять, да и самому объективировать. Как таковая алгоритмизация здесь, безусловно, есть, и это может быть противоречит поэтике (Безруков 2016) постмодерна, а может и дополняет дискурсивные стратегии писателя. Фактурность эмоций, которая рождается с помощью сюжетной канвы его текстов, значимая составляющая литературного эксперимента А.Г. Битова. Смысловые подвижки на уровне языкового синтеза, без должной, манипуляционной воли автора, организуют ассоциативный фон, влияющий на то, чтобы художественная коллизия разрешилась неоднозначно. Противоречие в данном случае финальный, значимый итог художественного творчества. Размывая контуры формы, автор тем самым допускает и подвижки в содержательном плане.

Постмодернизм Андрея Битова это особый вид конвергенции, реализующийся в тонкостях и нюансах авторского письма (Боброва 2016). Его художественная манера на первый взгляд близка Венедикту Ерофееву (Безруков 2018), может даже Виктору Пелевину, либо Татьяне Толстой, Евгению Попову, Владимиру Сорокину, но при тщательной верификации буквальных совпадений на границе принципов с указанными авторами не происходит. Должным образом автор определяет свой, уникальный набор литературных средств. Не исключается манипуляция, игра, симулятивный тон, погружение в поток интеллектуальных интенций, кодирование и деконструкция, смысловая дисперсия. Фактически у Андрея Битова поэтика постмодернизма имеет выверенный, кристаллизованный характер, ибо это новый взгляд (Мейер-Фраац 2021) в литературе, если мы касаемся текстов 1960-70-х годов. Для Битова является также важным совместить буквальное и образцовое, нарочито естественное с идеальным. Видимо, этим и объясняется столь сильное причастие к классике (Безруков 2017), так как она дает не только намек на смысловые ряды, но и пропагандирует точное, изящное значение. Причем калейдоскоп вариантов у Битова не безразмерен, жизненный срез все же находится в рамках социального, природного, метафизического устройства.

Можно отметить, что стиль или языковая манера письма Андрея Битова находит свой законченный вид уже в режиме читательской реакции / рецепции, в момент сращения реципиента с художественным сознанием писателя. На наш взгляд, граница, или фронтир полюсов и не нужен, срез только нарушает естественный ход разверстки мыслей и соображений. Это же влияет и на тематическую нелинейность, которая, безусловно, должна быть претворена в литературном произведении. У А.Г. Битова сложение сюжетной канвы с объективностью тем происходит в спектрально-расширенном режиме. Ритмика его повествовательных текстов уже с заголовочного комплекса направлена на обоснованный и желанный эксперимент, или диверсификацию художественной модели. Например, «Бездельник», «Сад», «Жизнь в ветреную погоду», «Образ», «Глухая улица», «Лес»,

«Обоснованная ревность», «Похороны доктора», «Вкус» и т.д. Видим, что практически каждый заголовок есть метафорический оборот, даже обертон авторского взгляда на тот или иной предмет, объект, состояние. Еще с раннего периода у Битова выработан ступенчатый механизм связности с читателем, причем он происходит на уровне ассоциативных рядов. Диалог (Бахтин 2000) на уровне языка складывается в гармоничное единение – наращивается эмоциональное переживание за счет буквальной прорисовки кадра и в дополнительном ответвлении, эмпирики пережитого. Весьма примечателен для иллюстрации этой мысли повесть «Жизнь в ветреную погоду», где главный герой – писатель Сергей – переживает момент творческого кризиса. Он переезжает с семьей из города на дачу: «Наконец они переехали...» (Битов 2022: 93), и испытывает новые ощущения, он по-новому начинает понимать и ценить жизнь, а здесь и близких, и родных, по-другому относится он и к себе. Причем конструктивно критикуя: «Так потекли дни. Время было неподвижно, а дни уходили. И странно было, оглянувшись, увидеть, что их прошло уже так много. И он никак не мог освоиться с тем, что прохождение времени можно было видеть только взглядом назад и только большими отрезками, тогда как в каждый настоящий момент было оно неподвижно. Работать он не работал. Ложась спать, он не понимал, куда девалось время» (Битов 2022: 96).

Герой повести А. Битова «Жизнь в ветреную погоду» не может не меняться, но происходит это в рамках строгой условности. Автор складывает для героя некий блок испытаний: это быт, условия проживания, семейные отношения, внешний погодный фактор. Думается, что художественный мир данного текста основывается на прямом контрасте **буквального и недостижимого**. Образы отчасти дезориентированы в пространстве, время для них тяжелое испытание, которое не помогает, но калечит, трансформирует, но и исправляет: «За городом, в кругу семьи, на солнце, воздухе и воде, он, напротив, внешне успокаивался, молодец, в общем, начинал хорошо выглядеть. Тут был покой, а дела свои он очень толково успел все либо закончить, либо отложить – специально, чтобы хотя бы за городом иметь возможность спокойно жить и работать над тем, над чем работать считал он своим долгом» (Битов 2022: 97). Стоит заметить, что особый драматизм воплощается как в различных формах и жанрах Андрея Битова. Например, «Пушкинский дом», «Оглашенные», «Улетающий Монахов», «Битва», «Дни человека», «Преподаватель симметрии» и т. д. Однако часть текстов не может быть четко классифицирована как роман, или повесть, дифференциация, порой, становится исследовательской задачей, которая решает с трудом. Но для постмодернизма приметы жанра, вроде бы, и не важны, главная составляющая – координация на язык, дискурсивную парадигму.

Поток сознания, который воспроизводится главным героем повести, строен и необычен. Но это не сложный вариант оценки, а рефлексивный вариант. Сергей в ходе сближения с сыном начинает переоценивать и свой опыт, свое состояние, которое не является образцом и идеалом: «Это бездеятельное состояние открыло ему, например, что у него есть сын. Барахтаясь в море времени, он все больше сидел дома и постоянно видел рядом сына, существо столь совершенно живое, что становилось стыдно всего неживого в себе, а тем более такой неживой вещи, как фиксация и переживание в себе этого

неживого...» (Битов 2022: 97-98). Манера А. Битова на уровне языка явно отлична, он подводит читателя к важным составляющим жизни уверенно и ненавязчиво: например, «Иногда, томясь от безделья, вспоминая город, слышал он вдруг какое-нибудь глупое гульканье сына и тогда оборачивался и видел протянутую ручку и радость, раскрывающуюся на его лице оттого лишь, что они видят и узнают друг друга... Тогда Сергей ощущал, как отлетает от него неживое его облако и что-то удивительно счастливое и легкое разворачивается в его груди, что можно назвать по-всякому и можно назвать любовью» (Битов 2022: 98).

Поведенческая модель героев у А. Битова имеет расширительный характер: главный герой – Сергей – общаясь со своим отцом, проецирует вариант отношений и на себя с сыном. Дублирование, эффект зеркальности в дискурсе Битова удачен: «А с теми, кто тебе равнодушен, просто и легко лишь потому, что – обоснованно или нет – ставишь себя над ними – непонятное превосходство: им прощаешь. Вернее, не замечаешь. А отец им не ровня, вот его прощать надо. Это еще детский атавизм – желание равенства. Равенства тут и быть не может. Тут обратное равенство, другая зависимость – отца от сына, и всегда, пожалуй, именно эта зависимость и была. «И у меня с сыном так же, – думал Сергей, – и у меня...» (Битов 2022: 108). Реверс, обратный ход дает возможность главному герою не только дать оценку своим действиям, но и дать интенцию читателю, который также вместе с ним разбирается в превратностях судьбы, устройстве жизни.

Не маловажен для А. Битова пейзаж, который и фон, и иллюстрация, и дополнительный элемент психологической разверстки. В повести «Жизнь в ветреную погоду» дана весьма качественная прорисовка внешних реалий, взгляд автора удивительно философичен: «Они ехали лесом, и дорога была безветренной, тихой: казалось, теплый летний день, – и вдруг выехали на открытое пространство. Тут были поля, пахоты, раздолбанный проселок мелькнул у косога сарая, и тощая корова покосилась налитым дикостью глазом из кювета, дальше поля обрывались, шли луга и жидкий кустарник, который во все стороны трепал ветер, и больше ничего... Ветер расчистил горизонт и странно четко глядел вдали синий лес, высотой с траву. Сергей лениво смотрел в окно и думал, что эта невыразительная пустошь необыкновенно близка и понятна ему. Какое-то ласковое, прохладное, успокоительное чувство поселилось в Сергее, когда взгляд его, не напрягаясь, скользил по этому ровному пространству и ему почти не на чем было задержаться. Взгляд был как бы тонкой, вдруг ожившей нитью, связавшей Сергея с природой, – две чашки весов, висящих на нити взгляда: он сам и пустошь – на одном уровне, в полном равновесии...» (Битов 2022: 108-109). Стоит указать на то, что **визуальная модель** мира Андрея Битова по своей органике цельна, полновесна, многолика (Тюленева 2018), так как художник выбирает разные составляющие бытия, при этом сплетает из них не контур, но объемное живое полотно. Событий ряд его текстов наслаивается как некий калейдоскоп, стереоскопичность дает возможность под разными углами оценки-зрения дать оценку наметившейся основной магистрали. У Андрея Битова художественная деталь модифицируется в концепт, стандарт коннотаций в этом случае утяжеляется контекстуальными параллелями. Таким образом, дискурсивные

стратегии позволяют писателю замысел текста реализовать не в линейной проекции, но в экзосфере пульсирующего характера. Для конструкций Андрея Битова жизненная правда становится не только импульсом выстраивания художественной модели, но мифологическим конгломератом. Постмодернизм, авангард, да и неореализм не исключает подобные интенции, авторы склонны к тому, чтобы текстовый массив налично оставался знаковым комплексом, его же смысловая составляющая срабатывала в момент столкновения с читательским мышлением, воображением, памятью.

Событийный пласт повести А. Битова «Жизнь в ветреную погоду» утяжелен к финалу встречей с родственниками; это тоже некое испытание героя. Уходит же Сергей от шума и суеты весьма тривиально – нужно погулять с сыном, ну а здесь вновь радость жизни, живая природа, возможность оценить красоту и динамику пространства. Итоговым же событием становится приезд старых знакомых, причем к девушке герой испытывает определенные чувства, которые обостряют его внутренний мир, Сергей не может не реагировать на нее. Безымянный тон, задается автором не случайно, события могут быть растиражированы, перенесены на других. Для Битова важно подчеркнуть естество и правильность реакции. «Жизнь в ветреную погоду» есть текст, направленный на изучение человека, его натурального величия, где-то наивной скромности, где-то открытого просвещения. Поведенческая модель в итоге обретает философское звучание, Сергей обретает некую истину для себя, истину, граничащую с зоной комфорта, счастья (Цуркан 2022): «Вечерами, когда он, опустошенный, с легким, нереальным звоном в голове, спускался вниз и пил с женой чай, он думал, что именно это называется счастьем. Он включал приемник, и французенка пела свою песенку, чай был крепок и горяч, жена, бесконечное его знакомство, не то шила, не то пила с ним чай – была рядом, и никуда не надо было Сергею уезжать от нее, и сын еще не спал и протягивал им игрушку... И Сергею казалось, что это тот самый мир и покой, который он будет вспоминать всю свою жизнь – ведь жизнь неизвестно как еще может повернуться» (Битов 2022: 126-127).

Таким образом, проза Андрея Битова на примере малого жанрового формата есть обоснованный эксперимент. Дискурсивные стратегии автора как показывает анализ повести «Жизнь в ветреную погоду» многогранны, они не сводятся к нарочито постмодернистским приемам, ибо вбирают ряд традиционных средств, при этом функционально используемых несколько комбинаторно. Андрею Битову удастся выстроить синкретически новую модель оценки действительности, более эмоциональную и эмпирически обоснованную. В этом, пожалуй, и ценность данного автора для литературы второй половины XX века. Далее русский постмодернизм приобретет иные контуры. Писатели будут сознательно дополнять поэтику художественной наррации, смешивая и соединяя разнородные формы и средства. Следовательно, А. Битов, а также Вен. Ерофеев, Саша Соколов – представители раннего этапа постмодерна – все же стремились к популяризации ценности дискурсивного письма в зоне конвергенции частной манеры.

ЛИТЕРАТУРА

Андрианова М.Д. Авторские стратегии в романной прозе Андрея Битова. Санкт-Петербург: Библиотека Академии Наук, 2011.

Бахтин М.М. Собр. соч. в 7-ми т. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М.: Русские словари, 2000.

Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. Санкт-Петербург: Гиперион, 2018.

Безруков А.Н. Принципы античной драмы в условиях постмодернистской поэтики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-3(58). С. 20-22.

Безруков А.Н. Циркуляция танатологических мотивов в русской классике // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. Том Выпуск 7 (13). Тверь: Тверской государственный университет, 2017. С. 31-36.

Безруков А.Н. Элементы восточной поэтики как регулятивный инструментарий современного литературного процесса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 1. С. 138-145. DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-138-145.

Битов А.Г. Обоснованная ревность: повести. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.

Боброва А.В. Языковые средства экспликации пространственных характеристик концептов «одиночество» и «уединение» (на материале художественной прозы А. Битова) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7(172). С. 45-50.

Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: Издательство АСТ, 2019.

Мейер-Фраац А. Текст границы в творчестве Андрея Битова // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в Русской и Центральноевропейских культурах.: Сборник статей / Редколлегия: Н.В. Злыднева (отв.ред.), Ж. Хетени (отв.ред.) [и др.]. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 229-251. doi.org/10.31168/4465-3095-3.11.

Мирошниченко О.С. Пушкин и мифология русской культуры в прозе Андрея Битова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1999. № 2. С. 6-9.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008.

Рыбальченко Т.Л. Онтологические аспекты проблематики новых новелл романа А. Битова «Преподаватель симметрии» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1(13). С. 84-101.

Савельева М.С. Творчество Андрея Битова в трактовках российской и русской зарубежной литературной критики. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2016.

Тюленева Е.М. Стратегия шахерезады и поиск Второго в «Преподавателе симметрии» А. Битова // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 140-144.

Цуркан В.В. Концепт «счастье» в прозе А. Битова 1960-1980-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 1. С. 97-103. doi.org/10.15393/uchz.art.2022.707.

© Безруков А.Н., 2025

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.А. БЛОКА И М.А. БУЛГАКОВА

Аннотация. В настоящей статье проводится сравнительный анализ апокалиптических мотивов в поэме А.А. Блока «Двенадцать» и романе М.А. Булгакова «Белая гвардия». Исследование фокусируется на эсхатологической образности как ключевом инструменте художественного осмысления революции и Гражданской войны. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного изучения осмысления библейских текстов в русской литературе переходной эпохи. В работе доказывается, что, несмотря на общность тематики, авторы демонстрируют принципиально различные стратегии репрезентации исторического катаклизма. Поэма Блока интерпретируется как воплощение идеи необратимого конца, где центральными становятся символы мирового пожара и демонической вьюги, а амбивалентный образ Христа в финале подчеркивает парадоксальное сочетание надежды на преображение и осознания разрушительной природы революционного хаоса. В противовес этому, роман Булгакова рассматривается через призму циклической модели истории, где апокалипсис понимается как этап необходимого разрушения, ведущего к возрождению. Особое внимание в статье уделяется анализу системы сновидений, выполняющей пророческую функцию и насыщенной апокалиптической символикой, а также трансформации пространства Города под воздействием демонических сил. Методологической основой статьи выступают сравнительно-исторический и структурно-семантический подходы, позволяющие выявить специфику художественного воплощения эсхатологических и апокалиптических тем. Структурно-семантический анализ раскрывает символику ключевых образов и сцен. Сравнительный подход позволяет выявить два различных способа художественной рефлексии: блоковская модель стремительного конца противопоставляется булгаковской концепции апокалипсиса как трагического, но необходимого преображения, что отражает разнообразие творческих ответов на исторические потрясения начала XX века.

Ключевые слова: Блок; Булгаков; «Двенадцать»; «Белая гвардия»; апокалиптические мотивы; эсхатология.

Сведения об авторах: Кулышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета; ORCID 0000-0002-3916-9896; Чапаева Диана Муратовна, студент 4 курса кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru; loveis171203@mail.ru.

*O.M. Kultysheva, D.M. Chapaeva***APOCALYPTIC MOTIFS IN THE WORKS OF A.A. BLOK AND M.A. BULGAKOV**

Abstract. This article provides a comparative analysis of apocalyptic motifs in A.A. Blok's poem "The Twelve" and M.A. Bulgakov's novel "The White Guard". The research focuses on eschatological imagery as a key tool for artistic interpretation of the revolution and the Civil War. The relevance of the work is determined by the need for a systematic study of the understanding of biblical texts in the Russian literature of the transitional era. The paper proves that, despite the commonality of the subject, the authors demonstrate fundamentally different strategies for representing the historical cataclysm. Blok's poem is interpreted as the embodiment of the idea of an irreversible end, where the symbols of world conflagration and demonic blizzard become central, and the ambivalent image of Christ in the finale emphasizes the paradoxical combination of hope for transformation and awareness of the destructive nature of revolutionary chaos. In contrast, Bulgakov's novel is viewed through the prism of a cyclical model of history, where the apocalypse is understood as a stage of necessary destruction leading to rebirth. The article pays special attention to the analysis of the dream system, which performs a prophetic function and is saturated with apocalyptic symbols, as well as the transformation of the City space under the influence of demonic forces. The methodological basis is based on comparative historical and structural-semantic approaches, which make it possible to identify the specifics of the artistic embodiment of eschatological and apocalyptic themes. The structural and semantic analysis reveals the symbolism of key images and scenes. The comparative approach allows us to identify two different ways of artistic reflection: Blok's model of the impetuous end is contrasted with Bulgakov's concept of the apocalypse as a tragic but necessary transformation, reflecting the diversity of creative responses to the historical upheavals of the early 20th century.

Key words: Blok; Bulgakov; "The Twelve"; "The White Guard"; apocalyptic motifs; eschatology.

About the authors: Olga Mikhailovna Kultysheva, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation of Nizhnevartovsk State University; ORCID 0000-0002-3916-9896; Chapaeva Diana Muratovna, fourth-year student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation of Nizhnevartovsk State University.

Contact information: 628609 Nizhnevartovsk, st. Mira, 3b, room 305; tel.: 8 (3466) 273510; e-mail: kultysheva@inbox.ru; loveis171203@mail.ru.

Осмысление исторических катастроф через призму апокалиптических образов стало одной из характерных черт русской литературы начала XX века. В творчестве А.А. Блока и М.А. Булгакова эсхатологическая тематика получает глубокое художественное воплощение, раскрывая метафизическую сущность переломных исторических событий.

В поэме А.А. Блока «Двенадцать» эсхатологические ожидания русской культуры находят предельное художественное выражение. Как отмечает К.В. Мочульский, тема

«крушения старого мира» была центральной для Блока, восходя к «эсхатологическим предчувствиям его юности, слившимся сначала с апокалиптикой учителя Вл. Соловьева, потом с декадентским *fin de siècle* (болезнь века)». В «Двенадцати» эти ожидания превращаются в «исполнившееся пророчество» (Мочульский 2022: 399).

Центральным апокалиптическим символом становится мотив мирового пожара, который трактуется как очистительная жертва: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови – / Господи, благослови!» (Блок 1969: 20). Блок верил, что «старый мир кончен весь, со всем его дряхлым скарбом: религией, культурой, искусством» (Мочульский 2022: 399).

Символика хаоса получает развитие в мотиве демонической вьюги, которая становится универсальным образом революции как слепой силы. Мочульский указывает, что «революция – стихия – ветер. И ритмы и звуки – ветровые: мир закружился, полетел, все сорвалось с места». Е.В. Грудина усматривает в этой стихии демоническую природу, проводя параллель с «Откровением Иоанна Богослова»: «к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени» (Откр. 2021: 3:4).

Состояние двенадцати красногвардейцев характеризуется духовным ослеплением. Грудина интерпретирует их путь через евангельскую аллегорию о «слепых вождах слепых» (Грудина 2018: 60). Мотив вседозволенности («ко всему готовы, ничего не жаль») рассматривается как характерный признак отмены Божественного закона любви.

Центральным и наиболее дискуссионным образом в финале поэмы, безусловно, является фигура Христа. Как отмечает Мочульский, сам Блок переживал внутреннюю борьбу по этому поводу: хотя поэт был убеждён, что «Христос идет перед ними – несомненно», его сознание одновременно порождало «страшную мысль» о необходимости прихода «Другого» (Мочульский 2022: 409). Эту идею пародийности, а не сакральности образа развивает Грудина, указывая на ряд знаковых подмен: искажённое написание имени «Исус», водружённый вместо креста «кровавый флаг», а также двенадцать «апостолов» с «винтовочками стальными», что в совокупности позволяет ей говорить о явлении лжехриста (Грудина 2018: 59).

Интересно, что христологическая символика проецируется и на другой ключевой образ – Катьки. Исследователь М.Ф. Пьяных проводит тонкую параллель между героиней и Христом, акцентируя внимание на детали её описания: «зубки блещут жемчугом». Этот образный ряд перекликается со «снежной россыпью жемчужной» – традиционным атрибутом Спасителя, что, по мнению учёного, усиливает мотив жертвенности (Пьяных 1976: 26). Таким образом, Катька в рамках символического прочтения воплощает собой Россию, принесённую в жертву двенадцати красногвардейцам.

Глубоко личное понимание образа Христа получает развернутое выражение в тексте письма, которое Блок направил художнику Ю.П. Анненкову: «...Христос с флагом» это ведь «и так, и не так». Знаете ли Вы (у меня – через всю жизнь), что, когда флаг бьется за ветром (за дождем или за снегом и, главное, – за ночной темнотой), то под ним мыслится кто-то огромный, как-то к нему относящийся (не держит, не несет, а как – не умею сказать). Вообще

это самое трудное, можно только найти, но сказать я не умею, как может быть, хуже всего сумел сказать в «Двенадцати» (по существу, однако, не отказываюсь, несмотря на критики)» (Блок 1983: 514).

Помимо трудноуловимого образа Христа, важнейшим структурным элементом поэмы становится цветовая символика. В поэме «Двенадцать» противопоставление красного и белого цветов образует сложное, но целостное единство. Эта антиномия находит глубокое обоснование в библейских текстах, в частности, в пророчестве Исаи: «Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» (Ис. 2021: 1:18). Апокалипсис Иоанна развивает эту символику, связывая белый цвет с чистотой и праведностью, что проявляется в образах «белых одежд» святых (Откр. 2021: 3:4) и «белого престола» Вседержителя (Откр. 2021: 20:11). Сам Блок в «Записке о “Двенадцати”» отмечал: «Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над ними. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать” <...>». При этом радуга, будучи разложением белого света, символически объединяет духовное и земное. Ключевым для понимания этого единства становится образ очистительной жертвы: в Апокалипсисе одежды, «обагрённые кровью» (Откр. 2021: 19:13), и омовение «кровью Агнца» (Откр. 2021: 7:14), делающее одеяния белыми, раскрывают глубокую взаимосвязь красного и белого как символов искупительной жертвы и очищения.

Символика названия поэмы отсылает к тексту «Откровения»: «Подобное совпадение названия поэмы с номером главы и стиха "Апокалипсиса" вряд ли можно рассматривать как случайность». Апокалиптика в «Двенадцати» проявляется на всех уровнях текста, создавая многомерную картину исторического катаклизма, в которой парадоксальным образом сочетаются надежда на преобразование и осознание демонической сущности революционного хаоса.

В романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» апокалиптическая образность становится основой художественного осмысления Гражданской войны. Исследователи справедливо отмечают, что Апокалипсис выступает здесь «основным метасюжетом» (Гаспаров 1993: 101), что подтверждается уже эпиграфом из «Откровения Иоанна Богослова», задающим тему Страшного Суда. Эта смысловая доминанта определяет композиционное построение произведения, где «начало отражается в финале и наоборот – финал отсылает обратно к началу», создавая эффект циклического исторического времени.

Особую роль в раскрытии эсхатологической темы играет система сновидений, представляющая собой целостный художественный феномен. В условиях всеобщего крушения привычного мира сон становится пограничным состоянием, «временной смертью», через которую герои соприкасаются с потусторонним. Пророческая функция снов проявляется в вещих видениях, предрекающих гибель: в «вещем сне» Алексея Турбина о Рае содержится «намек на возможную гибель Николки», а также гибель Най-Турса. Эта линия получает развитие в сновидении Елены, где Николка является «с гитарой, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками» (Федунина 2011: 43).

Образность снов насыщена апокалиптической символикой. Параллель между «мученическим венцом» на лбу мертвого Най-Турса и «желтым венчиком с иконками» на лбу Николки во сне Елены актуализирует тему жертвенности. Атрибуты «райского» облика в сне Алексея Турбина отсылают к апокалиптическому образу Нового Иерусалима, противостоящего земному хаосу.

Пространство Города трансформируется под воздействием демонических сил. Петлюра и его войско осмысляются как «воплощение дьявольских сил», а сам Город становится «фантомом». Мотивы тьмы и тумана, сопровождаемые словами «тревожно», «страшно» или «неясно», создают атмосферу всеобщего размывания границ. Снежный «потоп» и метель в контексте эпитафии «обещает скорые перемены: одни склонны видеть в этом грядущий Апокалипсис, другие – очистительную бурю» (Орлова 2008: 20).

Внутреннее состояние героев характеризуется мотивом тоски и страха как предчувствия рокового конца: «мировую тоску ощущают и герои "Белой гвардии". Алексей Турбин, Елена, Русаков», а их страх есть «начало конца». Символика звезд, чье падение трактуется как знамение, непосредственно сигнализирует о катастрофе: «разрывается в замерзшей веси звезда Марс», «брызжет огнем», а следом «тотчас хлопнула вторая звезда» – и «исчезло все, как будто никогда и не было» (Булгаков 1989: 422).

Также образ Михаила Шполянского является ключевым для раскрытия апокалиптической тематики романа. Анализ его характера, выраженного через имя, позволяет выявить его связь с космическим противоборством сил света и тьмы. Павел Флоренский усматривает в этом имени исключительно сильную духовную составляющую, что вписывается в логику битвы последних времен: «Михаил самой этимологией своей указывает на высшую меру духовности, на особливую близость к Вечному: оно значит «Кто как Бог», или «Тот, Кто как Бог». Оно означает, следовательно, наивысшую ступень богоподобия. Это – имя молниевой быстроты и непреодолимой мощи, имя энергии Божией в ее осуществлении, в ее посланничестве. Это – мгновенный и ничем не преодолимый огонь, кому – спасение, а кому – гибель» (Флоренский 2007: 368). Однако в мире романа эта «энергия Божия» оказывается извращенной и служит иным силам. Шполянский, наделенный нездешней энергией и коварством, воплощает собой предвестие конца света. Булгаков прямо указывает на его демоническую природу: «Он молод. Но мерзости в нем как в тысячелетнем дьяволе. Жен он склоняет на разврат, юношей на порок...» (Булгаков 1989: 416). Эта характеристика напрямую связывает его с «человеком греха» из апокалиптических пророчеств. Михаил Семенович Шполянский в романе играет роль предтечи Антихриста, чье появление знаменует начало последней битвы. Эту двойственность небесного начала подтверждает Флоренский: «Небесное – не значит непременно хорошее, как и земное – не значит плохое» (Флоренский 2007: 369). Следовательно, в апокалиптической парадигме Булгакова имя Михаил несет в себе не созидательный, а разрушительный заряд потусторонней энергии, становясь знаком грядущего демонического царства.

Финал романа предлагает циклическую модель гибели и возрождения через «реализацию мифологической модели воскресения через смерть». Ночная тьма,

расцветающая россыпью звезд, утверждает цикличность времени: упадок, угасание и смерть ведут к новым возрождениям, что составляет суть булгаковского историософского апокалипсиса.

Анализ апокалиптических мотивов в «Двенадцати» Блока и «Белой гвардии» Булгакова выявляет различные стратегии художественного осмысления исторического катаклизма. Булгаков через циклическую модель времени и систему сновидений представляет апокалипсис как трагическое, но необходимое преобразование, ведущее к возрождению. Блок же создает образ стремительного, необратимого конца старого мира, где революционная стихия несет в себе как очистительное, так и демоническое начало, что находит наиболее яркое выражение в амбивалентном образе Христа, венчающем поэму.

ЛИТЕРАТУРА

Блок А.А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Л.: Художественная литература, 1983. Т. 6. Письма. 1898–1921. 784 с.

Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. М.Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1969.

Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Записки юного врача. Белая гвардия. Рассказы. Записки на манжетах. М.: Художественная литература, 1989. 623 с.

Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 304 с.

Грудинина Е.В. Трансформация образа Иисуса Христа в творчестве А. Блока: от ранней лирики к поэме «Двенадцать» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 54-64.

Мочульский К. В. Александр Блок / Константин Мочульский. Москва: Юрайт, 2022. 442 с.

Орлова О.А. Эсхатологические мотивы в творчестве М. А. Булгакова (на материале романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Орлова Ольга Анатольевна. Москва, 2008. С. 20-22.

Откровение святого Иоанна Богослова // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в синодальном переводе. М.: Московская патриархия, 2021. Гл. 20. 1357 с.

Пьяных М.Ф. «Двенадцать» А. Блока. Л., 1976. С. 26.

Федунина О.В. Система снов в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия»: сквозные мотивы // Челябинский гуманитарный университет. 2011. № 2. С. 42-45.

Флоренский П. Имена / П. Флоренский. М.: Эксмо, 2007. 369 с.

© Култышева О.М., Чапаева Д.М., 2025

**СЕМЕЙНО-РОДОВАЯ ПАМЯТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПА
В ПОВЕСТИ Е. Д. АЙПИНА «У ГАСНУЩЕГО ОЧАГА»**

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь пространства и времени с семейно-родовой памятью в повести в рассказах Е.Д. Айпина «У гаснущего очага». Автор, являясь представителем коренных малочисленных народов Севера – ханты, раскрывает тесную связь самосознания представителя своей народности с его родовым наследием и природной средой. Повествование построено на пересечении личных воспоминаний героя и культурных традиций хантыйского народа, переживающих период сильнейшего и, вероятно, необратимого кризиса. Художественный хронотоп в данном контексте выходит за рамки декорации событий произведения и становится полноценным участником событий, на протяжении веков формировавшим самоидентичность народа. Однако реальность диктует новые условия жизни, вынуждая отказываться от прежней модели существования. Базовый посыл произведения, отраженный также в его названии, свидетельствует о текущем процессе утраты важнейших составляющих народного самосознания, к которым относятся как материальные, так и духовные составляющие: культура, быт, обычаи и верования. Исчезновение традиционных обрядов и ритуалов, а также традиционных мест поселения, жилищ символизирует разрыв преемственности поколений и утрату духовного и материального наследия. Использование символа гаснущего очага подчеркивает трагическую неизбежность потери традиционных ценностей и культуры. Герой Е.Д. Айпина переживает глубокий внутренний конфликт, связанный с переосмыслением своего места в современном мире. В момент кризиса память предков приобретает исключительную ценность, поскольку позволяет сохранить культурно-историческую идентичность и обрести ориентиры в стремительно меняющемся мире. Автор осмысливает значение семейно-родовой памяти как необходимого компонента для сохранения культурного наследия коренных народов Севера.

Ключевые слова: память; хронотоп; традиции; очаг; пространство; время; хантыйский народ.

Сведения об авторе: Новикова Екатерина Владимировна, учитель русского языка и литературы МБОУ «СШ № 3» г. Нижневартовска.

Контактная информация: 628605 г. Нижневартовск, ул. Мира, 76б; тел.: 8 (3466) 45-95-81; e-mail: pupa8181@mail.ru.

E.V. Novikova

**FAMILY-GENEALOGICAL MEMORY AS A KEY COMPONENT
OF THE ARTISTIC CHRONOTOPE IN
THE STORY BY E. D. AIPINA «AT THE FADING HEARTH»**

Abstract. The article analyzes the relationship between space and time and family-genealogical memory in the story in the stories by E.D. Aipin “At the Fading Hearth”. The author, being a representative of the indigenous small peoples of the North-Khanty, reveals the close connection of the self-awareness of a representative of his nationality with his ancestral heritage and natural environment. The narrative is built on the intersection of the personal memories of the hero and the cultural traditions of the Khanty people, who are going through a period of the strongest and probably irreversible crisis. In this context, the artistic chronotope goes beyond the setting of the work's events and becomes a full-fledged participant in the events that have shaped the people's identity over the centuries. However, reality is dictating new conditions, forcing us to abandon the previous model of existence. The basic message of the work, which is also reflected in its title, is about the ongoing process of losing the most important components of national identity, which include both material and spiritual aspects: culture, everyday life, customs, and beliefs. The disappearance of traditional rituals and ceremonies, as well as traditional settlements and dwellings, symbolizes the breakdown of intergenerational continuity and the loss of spiritual and material heritage. The use of the symbol of a fading hearth emphasizes the tragic inevitability of the loss of traditional values and culture. The character of E.D. Aipina experiences a deep internal conflict related to the reevaluation of his place in the modern world. In times of crisis, the memory of one's ancestors becomes exceptionally valuable, as it allows for the preservation of cultural and historical identity and provides guidance in a rapidly changing world. The author explores the significance of family and ancestral memory as a crucial component in safeguarding the cultural heritage of the indigenous peoples of the North.

Keywords: memory; chronotope; traditions; hearth; space; time; Khanty people.

About the author: Novikova Ekaterina Vladimirovna, teacher of Russian language and literature of MBOU “Secondary School No. 3” of Nizhnevartovsk.

Contact information: 628605 Nizhnevartovsk, Mira Street, 76b; tel.: 8 (3466) 45-95-81; e-mail: pupa8181@mail.ru

Семейно-родовая память – важнейший компонент человеческого сознания, который играет значительную роль в формировании индивидуальной, социальной идентичности личности и в сохранении культурных традиций сообщества. В литературе этот феномен также обретает важное значение: служит фоном для развития сюжета, а также выступает мощным инструментом авторского высказывания. Еремей Айпин в повести в рассказах «У гаснущего очага» выражает всю многогранность феномена семейно-родовой памяти. В произведении показано, насколько глубоко связана жизнь человека с историей его рода.

Автор, являясь представителем коренных малочисленных народов Севера – ханты, особенно остро чувствует и передаёт эту связь, трагически переживая её потерю современным поколением земляков, которые всё чаще выбирают не традиционный уклад жизни, а так называемый «городской», отказываются от привычной среды обитания, а значит, и собственных древнейших народных традиций.

Хронотоп, как понятие, введенное Михаилом Бахтиным, объединяет время и пространство произведения, формируя уникальную атмосферу и контекст, в котором развиваются события и персонажи. При этом «...хронотоп в произведении всегда включает в себя ценностный момент, который может быть выделен из целого художественного хронотопа только в абстрактном анализе. Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены» (Бахтин 1975: 391).

Уже в самом названии повести о доминирующей эмоциональной окраске говорит образ именно гаснущего очага, как символа скорой потери. Очаг – традиционная метафора семейного уюта и общности, ещё теплится, но неизбежно потухнет, что трагически и по-своему смиренно декларирует автор в предисловии книги: «Итак, эта книга – о народе, утратившем Душу, утратившем Веру. О народе, уходящем из жизни. О народе, обреченном на медленную кончину» (Айпин 1998: 6).

Становится понятно, что огонь очага олицетворяет не только тепло домашнего уюта, но и искру духа, живую нить культурной преемственности, которая способна крепко объединить семью и род. Когда же огонь угасает, теряется объединяющая основа, которая обеспечивала целостность мировоззрения и жизненный путь целых поколений.

Исследователь аксиологии прозы Е.Д. Айпина, А.Н. Семенов подробно разбирает образ огня, ситуативным синонимом которого он называет у писателя и очаг, и подчеркивает: «Судьба отдельного человека, гибель огня его очага в прозе Еремея Айпина становится частью того поглощающего народ, его самобытность процесса, который можно определить, как гаснущий очаг» (Семенов 2023: 284-285). История героя и народа развиваются в одном ритме, и гаснущий огонь очага воспринимается как сигнал тревоги, предупреждение о потере важного наследия, без которого невозможно полноценное существование. Таким образом, символ гаснущего очага становится центральным аспектом хронотопа произведения, позволяя чётко ощутить течение времени и исторические перемены, охватившие жизнь хантыйского народа, связь прошлого с настоящим, а также четко увидеть авторскую позицию и ощутить эмоциональную насыщенность образа. Именно вокруг очага построен «дом», который является одним из базовых пространственных архетипов, и значит глубоко интегрирован в психику человека, отражен в его персональной и массовой культуре. «Дом как архетип присутствует в мифологии обских угров в различных понятиях: родина, семья, жилище, космос, религиозная общность. С точки зрения онтологии дом – это некое социокультурное пространство, отражающее законы общества» – подчеркивают исследователи творчества обских угров в контексте мифологем и архетипов (Рымарева, Себелева 2021: 51).

В повести «У гаснущего очага» мы наблюдаем, как пространство родного дома, которое у ханты охватывает и всю природу, окружающую людей, а также семейные традиции и воспоминания о предках становятся неотъемлемой частью жизни героев, формируя их взгляды и внутренние конфликты, а память о прошлом является важнейшей, базовой ценностью. Айпин признается: «Эту книгу я начал писать со дня своего рождения. Так мне казалось. Но сейчас думаю, что, возможно, она зародилась задолго до моего появления на свет. Ведь ее писали моя Мама и мой Отец, моя Бабушка и мой дед Роман, мой Крестный отец, старец Ефрем, и мой прадед Иван» (Айпин 1998: 5). Автор словно раздвигает время и захватывает в собственное существование весь свой род. Он не просто присутствовал в мире еще до своего рождения, он уже писал книгу, то есть осмысливал окружающий мир через призму восприятия жизни представителями своего рода, который ханты понимают шире, чем традиционную семью.

Подобный взгляд подразумевает, что автор не существует отдельно от своего окружения, а буквально встроен в непрерывную цепь поколений, перенимая опыт, традиции и дух своего рода. По сути, герой-повествователь в романе представляет собой итоговую точку притяжения множества голосов, переживаний и историй своих предков. А значит, время не течёт линейно, а скорее пульсирует круговоротом воспоминаний, судеб и образов. Благодаря этому приёму создаётся впечатление живого присутствия предшествующих поколений в повседневности настоящего, подчёркивая несомненный факт генетической и культурной преемственности.

Еремей Айпин стремится не просто запечатлеть собственное прошлое, задокументировать всё виденное в детстве, всё услышанное от родных, а воссоздать цельную картину утраченного мира в момент, когда он еще не ощущался утратой, и даже наоборот – был одной нескончаемой находкой, постоянным приобретением впечатлений и знаний. Родители героя повести – мальчика Романа, как опытные проводники, беспрестанно расширяли его мир, открывая ребенку особенное пространство вокруг, наполненное живой, одушевленной природой, связанными с ней историями, поверьями и приметами. Всё это герой повествования впитывает с невероятным интересом, безграничным доверием, складывая четкую картину народного мировоззрения.

Пространство и время в такой картине мира сливаются в единое целое, выходя далеко за пределы хронологии человеческой жизни, границ человеческого жилья. В таком видении мира находит отражение тесная связь человека как с природной средой, так и со своим родом. В какой-то момент становится очевидным, что понятие дома у Айпина не столько территориальное, пространственное, сколько эмоциональное, и его живая природа включает в том числе и людей, представителей рода. Исследуя образ родного дома в творчестве автора, айпиновед В.Л. Сязи отмечает: «Для героев повести, как и для самого прозаика, понятие дом – это не только жизненное пространство человека ... это, прежде всего – семья: любимая Мама, Отец, Старец Ефрем, дед Роман, бабушка, весь род Бобра – и весь хантыйский народ, которому и посвящена повесть, наполненная тоской и печалью по

былому величию малого народа и бесконечной преданностью северному краю (Сязи 2015: 86).

Таким образом, дом в повестях Е.Д. Айпина, как категория пространства, объединяет прошлое и настоящее, личное и общественное, человеческое и природное. Это место, где собирается вся душа народа. Тем большее ощущается потеря этого места, наиболее ярко выраженная в рассказе «Гора Осеннего Селения». Еремей Данилович глазами маленького Романа описывает это удивительное место – светлое и чистое, наполненное природными дарами – ягелем, брусникой, ключевой водой, по-особенному звучащее и заслуживающее такого уважения, что даже путники кланялись ему (Айпин 1998: 36). Для маленького Романа эта гора – целый мир: огромная, высокая, безусловно живая, одушевленная. Спустя годы выросший мальчик видит её вновь и с удивлением отмечает: гора маленькая, низенькая. Частично эта перемена обусловлена разрушениями, связанными с промышленным освоением традиционных земель ханты. Лесорубы вырубил бор, нефтяники установили неподалеку буровые вышки и стали наведываться в селение на горе, разрушая и разоряя его. Люди ушли из селения и именно это, по мнению Айпина, «уменьшило» гору. Тем не менее, оставаясь огромной и светлой в памяти героя, Гора Осеннего Селения продолжает служить ему опорой: «Я поспешил прочь. Шел, и память восстанавливала Гору Осеннего Селения из моего детства. Шел, и память шла со мной. И быть может, я счастливее многих, у кого не было Горы Осеннего Селения – высоты, на которую я взбираюсь всю жизнь...» (Айпин 1998: 36). Подобное противопоставление, а в то же время объединение настоящего и прошлого усиливает основную тему произведения – постепенную утрату традиционной культуры и попытку удержать её, опираясь на личную память и коллективные традиции.

Коллективные традиции играют ключевую роль в организации пространства и времени в повести Еремея Айпина, занимая центральное место в структуре художественного хронотопа. Церемонии, праздники и обряды, а также простые, ежедневные бытовые ритуалы, связанные с культурой хантыйского народа, образуют каркас, вокруг которого вращается жизнь героев. Тесно переплетенные с общеродовыми, внутрисемейные традиции создают прочную сеть связей, что четко соотносится с понятием семейно-родовой памяти как программы восприятия и передачи социального наследия, сформулированной исследователями: «Память «окрашивает» их чувствами, мифологизирует и трансформирует, передается потомкам в виде семейных историй, легенд. В последующих поколениях это закрепляется в своеобразии ментальных характеристик общности» (Логунова 2011: 18).

Один из интересных, необычных ритуалов описан в рассказе «Углеголовый Человек». Роман ждет возвращения уехавшего по делам отца и использует «верный способ», чтобы узнать о его планах в путешествии. Он мастерит из щепок и уголька маленького человечка. Создает ему «дом» в песке у печки и рисует там же «пути-дороги». Человечка он поджигает и смотрит – куда тот упадет, на какую из дорожек, оттуда и стоит ждать отца. Таким ритуалом, вероятно, снималось напряжение у людей, живущих без средств связи, вынужденных ждать своих родственников из далеких поездок. Углеголовый Человек «видит» далеко, но он ограничен во времени – не может заглянуть («послать глаз») в

завтрашний день. Это интересная деталь обряда также вписывается в концепцию особого хронотопа повести, ведь как формулируют исследователи: «Время семейной памяти – это время конкретных жизненных ситуаций, связанных с отдельными личностями или с определенным поколением в целом» (Линченко, Полякова 2019: 15).

История Углоголового Человека пронизана глубокой любовью членов семьи друг к другу, заботой о судьбе её отсутствующих членов, которую, впрочем, все выражают по-разному. Роман готов делать человека снова и снова, чтобы получить надежду на скорое возвращение отца. Мать Романа, наоборот, не хочет лишней раз задавать вопросы, на которые не будет четкого ответа. В любом случае, желанное возвращение отца – это долгожданное событие в том числе и потому, что он привезет вести о других членах семьи, которые по разным причинам не живут с семьей. Заканчивая рассказ, Еремей Айпин вновь связывает историю прошлого со своим настоящим, сокрушаясь об утраченном: «Теперь мне жаль, что в моем доме нет чувала и нет живого огня. И мои дети не могут сделать Человека с Угольной Головой и спросить его о моем возвращении из дальних путей-дорог» (Айпин 1998: 192).

Герой откровенно сожалеет о безвозвратно ушедшем времени, когда он мог легко обращаться к высшим силам через незамысловатый обряд, чувствовал себя частью большого целого и понимал свою связь с предками. Слышна печаль автора о том, что даже возможности прикоснуться к такой семейной «игре» нет у новых поколений. Отсутствие простых элементов домашнего хозяйства лишило детей возможностей познавать культуру предков, учиться мудрым законам природы и взаимоотношений в семье. Пространство дома с его атрибутами неизменно связано с незримым пространством традиции, потерю которой так остро переживает Еремей Данилович.

Семейно-родовая память в повести «У гаснущего очага» пронизывает все уровни повествования. Вся история повествования – это, по сути, обращение сквозь время главного героя к своим корням, которые и спустя годы держат древо его жизни, помогают осознать свое место в мире и найти силы для преодоления трудностей. Художественный хронотоп, выстраиваемый вокруг семейно-родовой памяти, становится не просто декорацией, но и активным участником в создании и развитии сюжетных линий. Е.Д. Айпин словно снова и снова пытается построить хрупкий мостик между временами, полностью осознавая при этом его несостоятельность, которую автор принимает скорее, как данность, с горечью, но без протеста. Таким образом, семейно-родовая память становится доминирующей темой, определяющей ход сюжета и настроение произведения, что позволяет читателю осознать масштаб произошедших перемен и глубину потери, испытанной автором и его героями.

ЛИТЕРАТУРА

Айпин Е.Д. У гаснущего очага Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обс. Севера / Еремей Айпин; Ил. Геннадия Райшева. Екатеринбург, М.: Сред. -Ур. кн. изд-во, Фактория Арктики, 1998. 250 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., «Худож. лит.», 1975. 504 с.

Линченко А.А., Полякова И.П. Как история становится семейной? Образы прошлого и исторические события в пространстве семейной памяти // Наука и образование: новое время. Научно-методический журнал. 2019. № 2. С. 14-17.

Логунова Л.Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора философских наук. 09.00.11. социальная философия. Кемерово, 2011. 267 с.

Рымарева Е.Н., Себелева А.В. Трансформация архетипов и мифологем в творчестве обских угров: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2021. 81 с.

Семёнов А.Н. Аксиология прозы Еремея Айпина: монография. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: ИП Симакова Г.В., 2023. 312 с.

Сязи В.Л. Образ родного дома/земли в повести Е.Д. Айпина «У гаснущего очага» // Вестник угроведения. 2015. № 2 (21). С. 82-87.

© Новикова Е.В., 2025

РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА ПРОПОВЕДИ В СВЕТЕ РИТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию становления и эволюции ораторского мастерства в контексте проповеднической деятельности, которое рассматривается через призму гомилетики – ключевой богословской дисциплины, изучающей принципы, методы и формы христианской проповеди. Используя историко-сравнительный, типологический методы, а также метод теоретического обобщения, автор охватывает длительный исторический период, начиная со времён зарождения христианского учения и заканчивая современными тенденциями проповеднических практик, и предлагает анализ ключевых этапов и особенностей развития гомилетики как научной и практической дисциплины. Особое внимание уделяется изучению взаимодействия гомилетики с риторическими традициями, которые играют важную роль в формировании и развитии проповеди как жанра. Начиная от полного отрицания приёмов риторики в первых веках христианства, проповедники постепенно приходят к необходимости применения своих знаний и образования в подготовке гомилий, соединяя духовное и рациональное начала в проповеди. Первым, кто применил и внедрил данную концепцию, был Ориген. В результате дальнейшего развития проповеднической деятельности к IV веку сформировалось два фундаментальных подхода к построению христианской проповеди: пророческий и риторический. Пророческая традиция, опирающаяся на ветхозаветную модель пророческого служения, характеризуется преобладанием эмоционального воздействия, прямой передачей божественного откровения и отсутствием сложной риторической обработки. В противовес ей риторическая традиция делает акцент на строгой структурированности проповеди, использовании ораторских приёмов и логической последовательности изложения материала согласно правилам античной риторики. На основе анализа исторических источников и богословских трудов раскрывается сущность каждого направления, их особенности и взаимодополняющий характер, создающий целостную систему церковного проповедничества. Исследование базируется на трудах ведущих специалистов в области гомилетики и опирается на фундаментальные работы по истории христианской проповеди, что позволяет представить комплексное видение проблемы взаимодействия пророческого и риторического начал в церковном проповедничестве.

Ключевые слова: история проповеди; гомилетика; риторика; христианская традиция; православная церковь.

Сведения об авторе: Рацой Анна Игоревна, учитель русского языка и литературы МБОУ «Гимназия № 2» г. Нижневартовска; ORCID 0009-0006-7341-3334.

Контактная информация: 628602, г. Нижневартовск, ул. Дружбы народов, д. 19а, каб. 406.; тел.: +7 (3466) 45-11-20; e-mail: annette.aga@mail.ru.

THE DEVELOPMENT OF THE ART OF PREACHING IN THE LIGHT OF RHETORICAL TRADITIONS

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the formation and evolution of oratory in the context of preaching, which is viewed through the prism of homiletics - a key theological discipline that studies the principles, methods and forms of Christian preaching. Using historical and comparative, typological methods, as well as the method of theoretical generalization, the author covers a long historical period, starting from the inception of Christian teaching and ending with modern trends in preaching practices, and offers an analysis of the key stages and features of the development of homiletics as a scientific and practical discipline. Particular attention is paid to the study of the interaction of homiletics with rhetorical traditions, which play an important role in the formation and development of preaching as a genre. Starting from the complete denial of rhetoric in the first centuries of Christianity, preachers gradually come to the need to apply their knowledge and education in the preparation of homilies, combining the spiritual and rational principles in the sermon. The first to apply and implement this concept was Origen. As a result of the further development of preaching by the 4th century, two fundamental approaches to building Christian preaching were formed: prophetic and rhetorical. The prophetic tradition, based on the Old Testament model of prophetic service, is characterized by a predominance of emotional impact, direct transmission of divine revelation and the absence of complex rhetorical processing. In contrast, the rhetorical tradition emphasizes the strict structuring of the sermon, the use of oratory techniques and the logical sequence of presentation of the material according to the rules of ancient rhetoric. On the basis of an analysis of historical sources and theological works, the essence of each direction, their characteristics and complementary nature are revealed, creating an integral system of church preaching. The study is based on the works of leading experts in the field of homiletics and relies on fundamental works on the history of Christian preaching, which makes it possible to present a comprehensive vision of the problem of interaction between the prophetic and rhetorical principles in church preaching.

Key words: preaching history; homiletics; rhetoric; Christian tradition; Orthodox Church.

About the author: Ratsoy Anna Igorevna, teacher of russian language and literature of Gymnasium No. 2 of Nizhnevartovsk; ORCID 0009-0006-7341-3334.

Contact information: 628602, Nizhnevartovsk st. Friendship of Peoples, 19a, office 406; tel.: +7 (3466) 45-11-20; e-mail: annette.aga@mail.ru.

Православная проповедь представляет собой уникальное явление духовной культуры, отражающее глубокую связь между богословием и языком. Междисциплинарный анализ проповеди помогает понять механизмы речевого воздействия, особенности построения и специфику эффективного религиозного текста, что делает данное исследование актуальным.

Гомилетика, наука о христианской проповеди, занимает особое место среди богословских дисциплин, поскольку непосредственно связана с важнейшей задачей служения священника – передачей людям Божественных истин и руководством их к спасению. Историческое развитие гомилетики отражает сложный процесс взаимодействия религиозных убеждений, культурных традиций и ораторского искусства.

В области анализа проповеди с позиций гомилетики и церковной риторики работали многие исследователи, такие как: В.В. Бурега, А.И. Сидоров, М.М. Тареев, Н.И. Барсов, А.В. Маслакова, И.В. Черняева, О.А. Прохватилова, В.В. Куклев, Е.Л. Барышева.

Исследователи сходятся во мнении, что проповедь является уникальным жанром, сочетающим в себе синтез религиозного содержания и языковых приёмов, и требует особого подхода в изучении.

Вслед за О.А. Прохватиловой, под проповедью мы будем понимать «речь религиозно-назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения» (Прохватилова 1999: 123). Задачами проповеди являются: 1) раскрытие и уяснение в сознании верующих богооткровенных истин христианской веры; 2) побуждение их сообразовать свою жизнь с христианским учением (Дронов 1986: 7).

Говоря о гомилетическом аспекте христианской проповеди, следует рассмотреть и понятие гомилетики, а также предпосылки её становления как богословской науки.

Гомилетика (от греч. *ὁμιλία* – «беседа») – это богословская дисциплина, тесно связанная с пастырским богословием. Определение термина в разное время давали Ориген, Мартин Лютер, Андреас Гиппериус и другие теоретики богословия (Большая российская энциклопедия).

В истории русской богословской науки термин «гомилетика» утвердился лишь в XIX столетии. Однако его принятие не было безоговорочным – некоторые исследователи выражали несогласие с использованием данного понятия.

Одним из наиболее заметных критиков термина стал В.Ф. Певницкий. По его мнению, название науки «гомилетика» не охватывало всего многообразия проповеднического искусства, а лишь отражало одну из форм церковной проповеди – гомилию. Учёный считал, что такой подход существенно сужает понимание предмета (Певницкий 1893: 4).

Певницкий выступал за возвращение к средневековым названиям науки о проповедничестве, которые, по его убеждению, были более точными и ёмкими. В своём курсе по теории и практике проповеди он использовал термин «церковное красноречие», считая его более соответствующим сути дисциплины (Певницкий 1906).

Несмотря на критику отдельных представителей богословской науки, термин «гомилетика» постепенно утвердился в научной среде и со временем стал общепринятым в богословском лексиконе. Сегодня он используется как основной термин для обозначения науки о церковной проповеди.

Гомилетика изучает принципы и методы христианской проповеди. В рамках гомилетики исследуются вопросы природы проповеди (например, сходство церковной

проповеди с ораторским искусством), её содержания и структуры (включая христианскую риторику) (Большая российская энциклопедия – электронная версия).

В.В. Бурега отмечает, что главным предметом церковной проповеди, Спасителем человечества в Священном Писании и одновременно недостижимым идеалом проповедничества является Иисус Христос. Практически все слова Христа, переданные евангелистами, являются проповедью, ставшей для последующих проповедников высочайшим образцом, поскольку «Его слово не результат обучения или усвоения истины, а плод полного её постижения» (Бурега, Томачинский 2018). Исходя из этого, В.В. Бурега выделяет характерные черты проповеди Иисуса Христа: власть как результат полного обладания истиной, простота и доступность изложения, неразрывная связь между вероучением, нравственным наставлением и Его жизнью, которая служит образцом исполнения Его учения. Проповедь Христа также включает основной принцип христианского наставничества – адаптацию учения к уровню понимания слушателей, т.е. проповедник должен вести человека от известного к неизвестному, учитывая его религиозные убеждения и мировоззрение.

В.В. Бурега, отмечая, что проповеди Иисуса Христа невозможно полноценно классифицировать, выделяет несколько основных форм Его проповеднического служения (Бурега, Томачинский 2018):

1. Экзегетическая проповедь – чтение Писания и разъяснение его смысла. К ним можно отнести посещения синагог, а также нагорную проповедь, где Христос придаёт новый смысл ветхозаветным заповедям.

2. Притчи. Этот метод изложения мысли широко применялся на Востоке и был близок аудитории Иисуса Христа. Притчи зачастую были единственным средством передачи глубоких религиозных истин. Христос не просто наследовал древнюю библейскую традицию, но развивал и систематизировал её применение.

3. Сентенции. Короткие назидательные изречения содержали простые и понятные истины, не нуждающиеся в обосновании. Например: «Каким судом судите, таким и вас будут судить; и какой мерой мерите, такой и вам отмерят» (Мф. 7:2). «Не здоровые нуждаются в врачах, а больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию» (Мк. 2:17).

4. Беседы. Примером служат разговоры с Никодимом, женщиной из Самарии и евреями. Они представляют собой живой обмен мнениями, состоящий из вопросов и ответов.

5. Монологи. Например, поучение о Страшном суде. В Евангелии есть речи Христа, которые не имеют единой темы (Мф. 21-25; Ин. 4:31-38; 5:19-47; 13:13 и сл., 14-17). Такие выступления больше напоминают собрание отдельных высказываний, обличений и идей, каждая из которых может быть проанализирована отдельно.

Продолжая и совершенствуя ветхозаветную традицию публичных выступлений пророков, Иисус Христос в своих обращениях отвергал приёмы классической греческой риторики, предпочитая простоту выражения, однако его речь была проникнута духовной силой.

В период христианской проповеди апостолов Христа, а также во времена ранней Церкви (I–II вв.) проповедь продолжает стремиться к максимальной простоте, не вступая в синтез с античной риторикой. Апостол Павел, будучи величайшим миссионером, в своих посланиях соратникам призывает учить со властью (Тит. 2:15), долготерпением и назиданием (2 Тим. 4:2), не просто утверждая и излагая учение, но и побуждая слушателей менять свою жизнь.

В раннехристианский период проповедническая деятельность характеризовалась отсутствием строгой структурированности и риторических подходов к составлению речей. Импровизационный характер проповедей являлся определяющим фактором их создания и произнесения, так как богословская концепция того времени базировалась на убеждении, что способность к эффективной проповеди является непосредственным проявлением Божественной благодати. Согласно христианскому вероучению, закреплённому в Священном Писании (Мф. 10:19-20), проповедник наделялся особым даром красноречия через действие Святого Духа. Теологическая доктрина рассматривала заранее подготовленную речь как потенциальное проявление недоверия к Божественному обетованию или попытку привнести в проповедь человеческое, а не внушённое свыше содержание. В связи с этим письменная фиксация проповедей не практиковалась, поскольку они воспринимались как сугубо устные формы духовного наставления, не предназначенные для сохранения в письменной традиции. Обоснование такого подхода коренилось в представлении о том, что истинная проповедь должна быть непосредственным результатом действия Святого Духа, а не результатом человеческого планирования и подготовки. Это обусловило специфику развития раннехристианской гомилетики как особой формы духовной риторики, основанной на принципах спонтанности и непосредственного духовного вдохновения (Бурега 2021).

На рубеже II–III веков произошло существенное изменение отношения к проповеди как к духовному явлению в связи с разработкой Оригеном Александрийским нового подхода. Он первым признал проповедь результатом не только божественного наития, но и личного творчества проповедника, требующего интеллектуальной подготовки. Ориген настаивал на необходимости применения дидакалов (церковных учителей) всех своих знаний и образования в подготовке гомилий, соединяя духовное и рациональное начала в проповеди. Его концепция включала признание роли человеческого фактора, важность риторической подготовки и тесную связь с экзегетикой (Сидоров 2004: 94-118).

Практическое воплощение идей Оригена проявилось в создании письменной формы проповеди и формировании корпуса записанных гомилий. Он установил гомилетическую форму как доминирующую в церковной проповеди, где каждый текст Писания истолковывался стих за стихом. Средняя продолжительность его гомилий составляла 30–60 минут, имея четкую структуру: вступление, основная часть и славословие. Ориген заложил основы научной гомилетики, соединив античную риторическую традицию с христианским вероучением, превратив проповедь из исключительно устного слова в литературное произведение с определенной структурой и методикой построения (Сидоров 2004: 94-118).

Этот подход к проповедям быстро стал общепринятым в Церкви, что послужило основой для разработки теории церковной проповеди. При этом в церковной практике всегда сохранялась и продолжает существовать традиция полностью импровизированной проповеди.

К IV веку сформировались и получили развитие две фундаментальные традиции построения проповеди. Н.И. Барсов охарактеризовал их как профетический и риторический (Барсов 1899: 283).

Профетическая традиция опиралась на ветхозаветную модель пророческого служения. Её отличительными чертами являлись преобладание эмоционального воздействия, прямая передача Божественного откровения, отсутствие сложной риторической обработки, акцент на нравственном обличении.

Риторическая традиция, напротив, делала упор на строгую структурированность проповеди, использование ораторских приёмов, логическую последовательность изложения, обработку материала согласно правилам античной риторики.

Оба направления не противоречили друг другу, а скорее дополняли, создавая целостную систему церковного проповедничества. Их синтез позволил сформировать уникальный жанр христианской проповеди, сочетающий в себе как непосредственное духовное воздействие, так и высокую культуру слова.

Как отмечает В.В. Куклев, развитие проповеди в Восточной и Западной церквях шло разными путями. На Западе долгое время не было выдающихся церковных проповедников, и, вероятно, в связи с этим именно там появились первые специальные трактаты по гомилетике. Ярчайшими образцами таких пособий стал труд блаженного Августина «О христианской науке» (Куклев 2012), а также «Пастырское правило» святителя Григория Двоеслова. В ходе дальнейшего развития отход от святоотеческих проповеднических парадигм в западноевропейском контексте привёл к трансформации гомилетического дискурса, который приобрёл схоластический характер и стал опираться на формализованное, механическое применение правил ораторского искусства (Куклев 2012).

В отличие от западных авторов, восточные отцы Церкви, создавая образцы проповеднического слова, не занимались теорией составления проповеди. Их взгляды на проповедь представлены в отдельных замечаниях и фрагментарных высказываниях (Древо. Открытая православная энциклопедия), а также в трактате святителя Иоанна Златоуста «О священстве» проводится теологический анализ пастырских функций, в частности подробно исследуется обязанность священника в проповеднической деятельности (Свт. И. Златоуст 1895-1906). В византийской (восточной) традиции содержание проповедей формировалось на основе святоотеческого наследия, в то время как их форма и внешняя структура базировались на общих риторических принципах, адаптированных для нужд проповеднической деятельности (Бильченко 1999: 30).

Таким образом, ранняя Церковь изначально ориентировалась на простую проповедь, основанную на личном опыте и вдохновении Святого Духа, однако постепенно появилась потребность в систематизации и интеллектуальном подходе к этому искусству, что выразилось в концепции Оригена, объединившего веру и знания. Сочетание двух моделей –

пророческой и риторической – позволило создать гармоничную основу проповеди, сочетающую внутреннее озарение и логически продуманное изложение, ставшую фундаментом дальнейших достижений византийского периода и всей последующей истории христианской гомилетики.

Русская риторическая традиция, по мнению В.В. Куклева, сохраняет преемственность с византийской культурой (Куклев 2012), однако долгое время с момента принятия христианства, в отечественной литературе не существовало самостоятельных пособий по гомилетике. Согласно А.В. Маслаковой и И.В. Черняевой, русские проповеднические пособия впервые стали появляться с XVII века.

Формирование гомилетического корпуса в указанный период опиралось на три ключевых компонента: авторитет Священного Писания; доступность патристического наследия благодаря переводам на русский язык (Иларион Киевский, Кирилл Туровский, Серапион Владимирский); наличие славянского перевода «Учительного Евангелия» (XV в., патриархи Каллист и Филофей), который функционально выступал как нормативный гомилиарий, предоставляя проповедникам готовые образцы проповедей на каждую неделю литургического года (Маслакова, Черняева 2023: 252-256).

1665 год ознаменовался ключевым событием в развитии отечественной церковной проповеди: публикацией архимандритом Иоанникием (Галятовским) гомилетического трактата «Наука, или Способ составления проповеди». В научной литературе данное сочинение единодушно признается первым систематическим руководством по искусству проповеди, созданным в восточнославянской традиции. Отличительной чертой труда выступает пристальное внимание к структурным аспектам проповеди и ориентация на её занимательность для аудитории, что коррелирует с основными принципами средневековой риторической практики западноевропейского образца. (Маслакова, Черняева 2023: 252-256). Анализируя это издание, А.И. Юрьевский заключает, что автор труда охватывает исключительно технологию создания проповедей, учитывая специфику различных религиозных событий и праздников, а также определяет обязательную структуру построения церковной речи: «экзордиум (приступ), наррация (повествование) и конклюзия (заключение)» (Юрьевский 1903: 16).

В XVIII веке развитие пастырской проповеди и гомилетики в Русской Православной Церкви было связано с трудами архиепископа Феофана Прокоповича, который акцентировал внимание на содержании, приближенном к реальной жизни, и, ориентируясь на образцы святоотеческих проповедей, вводил риторическую классификацию проповедей. Вклад митрополита Платона Левшина продолжил систематизацию гомилетических знаний, а издание в 1846 г. «Чтений о церковной словесности» Я.К. Амфитеатрова утвердило термин «гомилетика» как самостоятельную богословскую науку, отделив её от светской риторики. В XIX веке реформы духовного образования закрепили гомилетику как самостоятельную дисциплину, существенно продвинув её развитие (Маслакова, Черняева 2023: 252-256).

В развитии отечественной церковной проповеди выявилась бинарная оппозиция методологических подходов. Риторическая парадигма, представленная рядом

представителей (И.П. Триодин, А.В. Говоров, М.А. Чепик), отстаивала необходимость применения классических риторических инструментов для эффективной трансляции сакрального знания аудитории (Куклев, 2012). Сторонники этого направления проводили сопоставительный анализ проповеди и светского красноречия, выявляя как общие черты, так и принципиальные различия. Ключевым критерием разграничения, по формулировке Триодина, служила целеполагающая доминанта речи: «к чему будет относиться предмет или тема речи: к общей пользе или же только к общему развлечению» (Триодин 1915: 143).

Антитезой выступило антириторическое направление, зародившееся в отечественной гомилетике середины XIX века (Я.К. Амфитеатров, Н.А. Фаворский, Н.И. Барсов). Его последователи отрицали риторiku как основу проповеди, утверждая, что действенность слова пастыря определяется прежде всего его духовным авторитетом. Я.К. Амфитеатров, в частности, провозглашал примат простоты в проповедническом стиле, насыщенным Словом Божиим, без излишних украшений, если они не помогают передать истину. Я.К. Амфитеатров призывал пастырей избегать философских абстракций, риторических изысков и стихов (Амфитеатров 1846).

В начале XX века теории и практики церковной проповеди, такие как М.М. Тареев, А.И. Юрьевский, В.Ф. Певницкий и Г.И. Булгаков, объединили риторическое и антириторическое направления. Они подчеркивали важность благодатных даров Святого Духа, которые получает пастырь при посвящении, а также необходимость нравственно-психологических качеств проповедника и владения основами ораторского мастерства (Куклев 2012).

Начало XX века ознаменовалось формированием интегративной гомилетической концепции, предложенной ведущими теоретиками и практиками церковного слова (М.М. Тареевым, А.И. Юрьевским, В.Ф. Певницким, Г.И. Булгаковым). Данная модель диалектически преодолела антагонизм предшествующих риторического и антириторического течений. Её сторонники постулировали неразрывное единство: благодати Божией, сообщаемой пастырю в таинстве рукоположения действием Святого Духа, личностных нравственно-психологических качеств проповедника и обязательного владения арсеналом риторических приемов.

Современные исследования по гомилетике представлены трудами В.В. Буреги, архимандрита Симеона (Томачинского), В.В. Куклева и др. На современном этапе пособия по гомилетике объединяют существующие подходы и методы обучения проповедников для совершенствования искусства проповеди.

Таким образом, гомилетика – это дисциплина, изучающая принципы и методы христианской проповеди, начиная с ранних христианских времён и заканчивая современными представлениями.

Изначально проповедь строилась преимущественно на личной харизме и вдохновении проповедника, связанного с действием Святого Духа. Она была спонтанной и менее зависимой от техники ораторского искусства. Ветхозаветные пророки использовали

эмоциональное воздействие, прямую передачу Божественного откровения, простое и прямое изложение мысли.

Отправной точкой развития гомилетики считаются труды Оригена, который предложил новый подход, признавая, что подготовка проповеди требует не только божественного вдохновения, но и рационального анализа текста, что сделало возможным включение элементов классической риторики. Появились попытки соединить гомилетику с античными правилами риторики, а также впервые начали использоваться правила композиции, аргументы и структурированные элементы проповеди, заимствованные из классических канонов риторики.

Возникло две основные традиции построения проповеди: профетическая и риторическая, которые впоследствии стали иметь взаимодополняющий характер.

Русская гомилетика возникла как преемница византийских традиций, пройдя путь от первых письменных трудов в XVII веке до утверждения гомилетики как самостоятельной богословской науки в XIX столетии. Современные исследователи стремятся объединить разные подходы и методы, способствуя развитию искусства проповеди.

Сегодня многие проповедники продолжают балансировать между использованием традиционных техник риторики и стремлением сохранить живой опыт общения с Богом, что создает условия для дальнейшего синтеза гуманитарных наук и церковной проповеди.

Таким образом, отношение гомилетики к риторике прошло путь от первоначального отрицания до признания значимости ораторского искусства и активного включения его инструментов в практику проповеди.

ЛИТЕРАТУРА

Амфитеатров Я.К. Чтения о церковной словесности, или гомилетика. Ч. 1–2. Киев: тип. И. Вальнера, 1846.

Барсов Н.И. История первобытной христианской проповеди (до IV в.). СПб., 1885. 371 с.

Барсов Н.И. Несколько исследований исторических и рассуждений о вопросах современных. СПб., 1899. 390 с.

Бильченко Ф., епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад: Московская Духовная Академия, 1999. 324 с.

Бурег В.В., архимандрит Симеон (Томачинский). Гомилетика; Общецерковная аспирантура и доктрина им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Москва: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: Познание, 2018. URL: <https://clck.ru/3PztJj> (22.09.2025).

Бурег В.В. Гомилетика и современная церковная проповедь: проблемы и перспективы. 2021. URL: <https://clck.ru/3PztKb> (22.09.2025).

Большая российская энциклопедия – электронная версия. URL: <https://clck.ru/3PztP3> (22.09.2025).

Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://clck.ru/3PztS6> (12.09.2025).

Дронов М., прот. Настольная книга священнослужителя. М.: Изд. Московской Патриархии, 1986. 816 с.

Куклев В.В. Проповедь в гомилетике и лингвистике // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. URL: <https://clck.ru/3PztTf> (02.09.2025).

Маслакова А.В., Черняева И.В. История гомилетики в Русской Православной Церкви // Евангелие в контексте современной культуры: «Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека»: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Белгород, 12 мая 2023 года. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 252-256. EDN ZXPVQW.

Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: ВГУ, 1999. 362 с.

Святитель Иоанн Златоуст. О священстве. 1895–1906. URL: <https://clck.ru/3PztVx> (12.09.2025).

Сидоров А.И. Экзегетические труды Оригена: Гомилии на Ветхий Завет // Альфа и Омега. 2004. № 2 (40). С. 94-118.

Триодин И.П. Принципы красноречия и проповедничества. Екатеринославль: тип. С.И. Барановского, 1915. 246 с

Фаворов Н.А. Руководство к церковному собеседованию, или гомилетика. Киев, СПб.: Н. Я. Оглоблин, 1914. 259 с.

Юрьевский А. Гомилетика, или Наука о пастырском проповедании слова Божия. Киев: тип. ун-та св. Владимира, 1903. URL: <https://clck.ru/3PztXc>.

© Рацой А.И., 2025

ОБОСОБЛЕНИЕ, ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ И ВАРИАНТНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Аннотация. Система современного русского языка вариативна и потому представлена многообразными формами, рассматриваемыми под углом материальных отличий. В статье делается попытка показать обособленные члены предложения и обособленные парцеллированные конструкции как варианты синтаксические конструкции, подобно тому, как вариантами конструкциями являются парцеллированные конструкции и непарцеллированные. Применение метода аналогии, трансформационных преобразований и приема депарцелляции было явно недостаточно, чтобы считать данные синтаксические построения вариативными. Целью статьи является теоретическое обоснование признания обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций вариантами синтаксическими конструкциями, а также выявление между ними сходства и отличия. Обособленные парцеллированные конструкции рассматриваются на фоне обособленных членов предложения. Анализ взглядов ученых на данный вопрос показал, что обособленные члены предложения и обособленные парцеллированные конструкции обладают одинаковым признаковым набором обособления, таким, как: причина обособления; полупредикативные отношения; синтаксическая функция в предложении; синтаксическая связь между определяемым словом и определением; местоположение. Сходство обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций объясняется их единым механизмом обособления. Однако между ними наблюдается одно, но существенное отличие – в семантике. Обособленные парцеллированные конструкции в отличие от обособленных членов предложения отличаются характером самостоятельности, большей смысловой, эмоционально-экспрессивной нагрузкой, особой экспрессивностью. Наше раннее исследование также подтвердило, что обособленные парцеллированные конструкции обладают максимальной степенью интенсивности экспрессивности по сравнению с обособленными членами предложения. Обособленные члены предложения и обособленные парцеллированные конструкции являются вариантами синтаксическими конструкциями, где последние наделены большим семантическим весом, яркой экспрессией, выразительностью согласно ожиданиям экспрессивного синтаксиса.

Ключевые слова: вариативность; варианты синтаксические конструкции; обособленные члены предложения; обособленные парцеллированные конструкции; сходства и отличия.

Сведения об авторе: Саньярова Найля Смадьяровна, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби, ORCID: 0000-0002-0723-8893.

Контактная информация: 050040, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71; тел.: +77023335242; e-mail: n.s.sanjyarova@gmail.com.

N.S. Sanjyarova

ISOLATION, PARCELLATION AND VARIANT SYNTACTIC CONSTRUCTIONS

Annotation. The system of the Russian modern language is variable and therefore represented by diverse forms, viewed from the angle of material differences. The article attempts to show isolated sentence members and isolated partial constructions as variant syntactic constructions, just as variant constructions are partial constructions and non-partial constructions. The use of the method of analogy, transformational transformations and the technique of deparcellation was clearly insufficient to consider these syntactic constructions as variable. The purpose of the article is a theoretical justification regarding the recognition of isolated sentence members and isolated partial constructions as variant syntactic constructions, as well as the identification of similarities and differences between them. Isolated parcel constructions are considered against the background of isolated members of the proposal. An analysis of the views of scientists on this issue has shown that isolated members of a sentence and isolated partial constructions have the same characteristic set of isolation, such as: the reason for isolation; semi-predicative relations; syntactic function in a sentence; syntactic relationship between the word being defined and the definition; location. The similarity of the isolated members of the sentence and the isolated parcel constructions is explained by their single mechanism of isolation. However, there is one significant difference between them – in semantics. Separate parcel constructions, unlike separate members of a sentence, differ in the nature of independence, greater semantic, emotional and expressive load, and special expressivity. Our previous research also confirmed that isolated parcel constructions have a maximum degree of intensity of expressivity compared to isolated members of the sentence. Isolated sentence members and isolated partial constructions are variant syntactic constructions, where the latter are endowed with great semantic weight, vivid expression, expressiveness, according to the expectations of expressive syntax.

Key words: variability; variant syntactic constructions; isolated members of a sentence; isolated parcelled constructions; similarities and differences.

About the authors: Sanjyarova Nailya Smadjyarovna, PhD, Associate Professor, al-Farabi Kazakh National University, ORCID: 0000-0002-0723-8893.

Contact information: 050040, Kazakhstan, Almaty, al-Farabi Ave 71; tel.: +77023335242; e-mail: n.s.sanjyarova@gmail.com.

Введение

Известно, что система русского языка подвержена вариативности, которая «в синтаксисе представлена в особенно многообразных формах, поскольку одно и то же содержание, в принципе, может быть выражено более чем одним способом» (Дубровина 2015: 46), и, как следствие, – вариантами, под которыми автор понимает «синтаксические образования, в которых она реализуется и которые под тем или иным углом зрения материально отличаются друг от друга» (Дубровина 2015: 46).

Идея ученых о вариантности синтаксических образований, а именно парцеллированных конструкций и непарцеллированных конструкций, нашла свое подтверждение в работах отдельных ученых. Так, Е.В. Литвиненко пишет: «Парцеллированное предложение – это единое с точки зрения синтаксических связей предложение-высказывание, представленное несколькими фразами, иными словами, это расчлененный речевой вариант цельного (нерасчлененного) предложения – языкового инварианта» (Литвиненко 1984: 94). В статье А.Ю. Барановой и О.В. Четвериковой парцеллированные и непарцеллированные конструкции также считаются речевыми вариантами определенных языковых структур, «между которыми сохраняются те же отношения и те же формы связи, что и между частями соответствующей непарцеллированной конструкции» (Баранова, Четверикова 2015: 36).

Применение метода аналогии, трансформационных преобразований и приема депарцелляции относительно к обособленным членам предложения и обособленным парцеллированным конструкциям позволяет утверждать, что данные синтаксические построения являются вариативными.

1. Сравним обособленные члены предложения и обособленную парцеллированную конструкцию: «*А сколько их, горемычных, осталось лежать*» (Саин Муратбеков). – «*А сколько их осталось лежать. Горемычных*».

И наоборот: «*Встречаются целые рощи пальм. Тут и кокосовые, и финиковые, и саговые*» (Мухтар Ауэзов). – «*Встречаются целые рощи пальм, тут и кокосовые, и финиковые, и саговые*».

2. Сравним собственно обособленные присоединительные конструкции, расположенные в рамках простого предложения, и обособленные парцеллированные конструкции: «*Посуды очень много, и самой разнообразной*» (Юрий Казаков). – «*Посуды очень много. И самой разнообразной*».

И наоборот: «*Это обычные смертные. И притом сытые, не чуждые ничего житейского и далекие от подвижничества*» (Мухтар Ауэзов). – «*Это обычные смертные, и притом сытые, не чуждые ничего житейского и далекие от подвижничества*».

Мы рассмотрели предложения и конструкции, в которых обособленные определения и обособленные парцеллированные определения выражены прилагательными и адъективными оборотами. Сравнительный анализ показывает, что сомневаться в вариативности данных синтаксических построений не приходится. Вариантные синтаксические конструкции являются взаимозаменяемыми, они легко трансформируются в другие варианты. Не случайно, ученые, в частности М.М. Габышева, отмечают, что «парцеллятами могут стать и

обособленные члены предложения» (Габышева 2016: 259). Это суждение можно перефразировать, но с существенной оговоркой: обособленные члены предложения могут стать парцеллятами, но только обособленными. Именно поэтому парцеллированные конструкции вариативны, как выше отмечали ученые, с непарцеллированными конструкциями.

Таким образом, метод аналогии и трансформаций, прием депарцелляции и сравнительный анализ предложений показали, что обособленные парцеллированные конструкции являются вариантными синтаксическими конструкциями таких структур, как собственно обособленные присоединительные конструкции и обособленные члены предложения. При этом механизм обособления обособленных членов предложения и собственно присоединительных предложений в принципе ничем не отличается. Их обособление происходит в рамках простых предложений при одинаковых условиях. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на обособлении членов предложения и на обособлении парцеллированных конструкций, и в том и другом случае выраженных прилагательными и адъективными оборотами, которые являются, безусловно, вариантными синтаксическими явлениями в сфере обособления и парцелляции.

Однако для подтверждения их вариативности требуется теоретическое обоснование, опирающееся на результаты исследований ученых, в работах которых в той или иной мере освещались вопросы обособления и парцелляции на предмет их сходства и отличия.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование относительно признания обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций вариантными синтаксическими конструкциями.

Материалы и методы

Материалами для исследования стали научные труды разных лет в периодических научных изданиях, публикации в сборниках трудов и материалов конференций, а также диссертационные исследования, касающиеся вопросов обособления и парцелляции. В работе использовался метод аналогии, приемы трансформации и депарцелляции, а также методы сравнения и анализа обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций.

Результаты и обсуждение

Косвенное подтверждение нашего посыла имеется в работе Ю.В. Ванникова, который является автором теории парцелляции. Ученый считал обособление в пределах единой фразы «полупарцелляцией», а обособление членов предложения, интонационно-семантически вычлененные полностью, – парцелляцией (Ванников 1979: 96). Ученый показал, что обособление, например, парцеллированных определений ничем не отличается от обособления непарцеллированных определений ни по морфологическому составу, ни по способам их выражения, ни по наличию предикативно-атрибутивной связи. Как видим, Ю.В. Ванников косвенно подтвердил, что обособленные члены предложения и обособленные парцеллированные конструкции находятся между собой в отношениях вариативности и потому являются вариантными синтаксическими конструкциями.

Е.В. Литвиненко считает правомерным рассмотрение парцелляции как высшей ступени обособления, когда аналогичные структуры выступают как обособленные члены или же как парцелляты (Литвиненко 1984). Подобная точка зрения на соотношение обособления и парцелляции дана в концепции Б.Ю. Нормана. Ученый четко и недвусмысленно показал зависимость одного синтаксического явления – парцелляции – от другого – обособления: «И в результате любая словоформа, даже структурно обязательная, может проделать этот шаг на пути к самостоятельному высказыванию (или «субвысказыванию»). Наглядным свидетельством тому может служить такая разновидность обособления, как парцелляция, или отчленение словоформ, занимающих во фразе конечное положение» (Норман 2018: 189).

Как видим, ученые сходятся во мнении, что при соотношении обособления и парцелляции приоритет следует отдавать обособлению, а не парцелляции. Обособление – это широкое синтаксическое явление, оно затрагивает всю частеречную систему русского языка. Обособление парцеллят – это вершина обособления, одна из разновидностей обособления, которые должны отвечать условиям обособления. Именно поэтому обособленные члены предложения и обособленные парцеллированные конструкции свободно пересекаются в одной обособленно-парцеллированной плоскости как члены предложения, наделенные способностью расчленять предложения на самостоятельные структурно-смысловые экспрессивные отрезки, наделяя их особым смысловым весом и значимостью.

В лингвистической литературе обособленные члены предложения и обособленные парцелляты не рассматривались в качестве вариативных (во всяком случае нам такая точка зрения не известна). Мы считаем, что обособленные члены предложения и обособленные парцеллированные конструкции наделены по большей части одинаковым обязательным признаковым набором обособления: причина обособления; полупредикативные отношения; синтаксическая функция в предложении; согласование; местоположение. Совпадение по большей части этих признаков и выступает в качестве бесспорного языкового факта, что данные предложения являются в сфере обособления и парцелляции вариантными синтаксическими конструкциями.

В.А. Маслова считает, что «при исследовании синтаксических экспрессивных единиц нужно исходить из того, что экспрессивная синтаксическая единица – это вариант, модификация некоторой нейтральной инвариантной синтаксической единицы. Именно на ее фоне нужно рассматривать экспрессивные синтаксические единицы» (Маслова 1997: с. 65). Поэтому обособленные парцеллированные конструкции будут рассматриваться на фоне обособленных членов предложения, так как последние являются исходным материалом для их трансформации в обособленные парцелляты. Ученые считают, в частности К.З. Нуралиева, что «существуют синтаксические позиции, где грань между этими явлениями наиболее прозрачна: это проявляется в тех случаях, когда парцелляция частей аналогична обособленным оборотам» (Нуралиева 2013: 84). Такая грань убедительно показывает естественную структурно-семантическую и интонационную близость обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций – то есть наличие вариативности.

Появление в синтаксическом строе русского языка тех или иных языковых явлений вызваны конкретными субъективными причинами, которые позволяют лучше и полнее понять их природу. Так, на причину (цель) обособления еще в 1954 году впервые указал академик В.В. Виноградов в статье «Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка)»: «Обособленные члены и обособленные конструкции представляют собой своеобразные смысловые синтаксические единства внутри предложения, выделяемые средствами инверсии и интонации, – с целью придать более сильную выразительность содержащемуся в них понятию, образу, характеристике» (Виноградов 1954: 26). Причина обособления состоит в том, чтобы усилить экспрессивность заложенной информации через средства обособления.

Рассмотрим интерпретации **причины** обособления другими учеными. Например, согласно академическому мнению В.В. Бабайцевой, «причиной обособления является желание говорящего (пишущего) актуализировать (усилить) смысловую значимость той или иной части в общей семантике высказывания, а также пояснить, уточнить какую-либо часть высказывания» (Бабайцева 2015: 361). На первый план выходит желание адресата речи, который стремится посредством инверсии обратить внимание на значимую для него информацию.

Метафорическую причину одновременного появления парцелляции и обособления указывает и Н.Д. Арутюнова: для синтаксической прозы свойственно выделение членов предложения посредством их расчленения на интонационные обособленные отрезки (Арутюнова 1972: 191). Предложение *Его ослепил белый снег можно* преобразовать в два интонационно оформленных высказывания: *Его ослепил снег. Белый. Авторский комментарий звучит следующим образом*: «Здесь намечается попытка выхода за жесткие пределы стандартного синтаксиса письменной речи» (Там же). Как видим, причиной появления парцелляции стало «свободолюбие» автора, его желание вывести предложения на новый самостоятельный уровень, что стало возможным благодаря осознанному нарушению норм стандартного синтаксиса. Трансформация предложений показывает на явную вариативность данных предложений.

В диссертационном исследовании Е.В. Литвиненко сказано, что «предпосылки возникновения явлений обособления и парцелляции идентичны. Это – отсутствие прочной синтаксической связи между членами предложения и осложненность (перегруженность) предложения различными подчинительными и сочинительными связями» (Литвиненко 1984: 11). Причина обособления кроется в синтаксическом факторе, в синтаксических связях между определяемым словом и членами предложения, которые «отражают смысловые отношения, имеющие место между словами в предложении, так и коммуникативным намерением» (Литвиненко 1984: 31). Автор прямо указывает на идентичность обособления и парцелляции, хотя синтаксический фактор – это не причина, а скорее следствие прежде всего коммуникативных интенций пишущего.

Причиной возникновения обособления парцеллированных конструкций Е.А. Покровская считает появление в синтаксическом строе русского языка

неграмматического обособления: «В синтаксисе XX века появляется новый вид обособления второстепенных членов – неграмматическое обособление, необходимость которого лежит в коммуникативной плоскости, а не связана с полупредикативностью, двойными связями и отношениями, позицией обособленного компонента или его размером и т. д. Экспрессивность этого явления объясняется его ролью в актуальном членении предложения (актуализацией ремы или ее части) и зависит от силы связи обособленного компонента с главным словом» (Покровская 2001: 23). Неграмматическое обособление, в сущности, ничем не отличается от традиционного. Причина обособления также лежит в коммуникативной плоскости, т. е. в появлении потребности какую-то часть информации актуализировать, привлечь к ней внимание при помощи необычного построения высказывания. Как следствие – неграмматическое обособление повторяет характерные признаки обособления: полупредикативность, двойные связи и отношения и т. д. Отличие неграмматического обособления от традиционного Е.А. Покровская видит, прежде всего, в том, что неграмматическое обособление парцеллированных конструкций проявляется в большей экспрессивности, обусловленное актуализацией ремы или ее части, с чем мы полностью согласны.

На важность коммуникативного аспекта при обособлении парцеллятов указывает и Е.А. Красина. Автор подчеркивает, что «парцелляты как сегментированные фрагменты парцеллированных высказываний, подобно присоединяемым пояснительным обособленным оборотам, в предложениях реализуют коммуникативную функцию в тесной связи с контекстом и ситуацией» (Красина 2018: 117).

Очевидно, что высказывание Ф.И. Панкова о том, что грамматические и коммуникативные механизмы текстообразования позволяют «актуализировать важный для говорящего или пишущего компонент высказывания, снимающий существующие языковые запреты на постановку в ту или иную синтаксическую позицию различных словоформ» (Панков 2020: 253), можно также принять как указание на причину появления парцелляции в целом.

Следовательно, причина обособления второстепенных членов предложения и обособленных парцеллятов одинакова, она обусловлена, прежде всего, коммуникативно-семантическими предпочтениями адресатов речи: актуализировать, подчеркнуть экспрессию значимой информации, выделить, заострить внимание на чем-то важном и значимом. Реализовать все это можно лишь посредством внесения в предложение чего-то необычного, нестандартного, не согласующегося с обычными традиционными предложениями, а именно нарушением порядка слов в простом предложении или же вынесением какой-то части предложения за пределы основного высказывания, после точки.

Обособленные члены предложения, выражая добавочные сообщения, вступают в **полупредикативные отношения** со своими определяемыми словами, то есть выполняют полупредикативную функцию. Полупредикативная функция присуща и обособленным парцеллятам, на что указывают многие исследователи. Например, Е.В. Литвиненко пишет, что «как парцелляты, так и обособленные члены предложения, в особенности

парцеллированные и обособленные определения, приложения и обстоятельства, – это потенциальные носители дополнительной предикации, превращающие простое предложение из единицы монопредикативной в единицу полипредикативную (Литвиненко 1984: 87).

В диссертационном исследовании Я.Н. Пинегиной уделяется внимание и парцелляции определений, для которых характерен разрыв атрибутивных связей, приводящий к появлению у всей конструкции полипредикативности, эмоционально-экспрессивного подчеркивания [Пинегина 2006: 10].

В.В. Бабайцева, сравнивая предложения 2 «Хлестал в окна косой дождик, холодный, осенний» и предложение 3 «Хлестал в окна косой дождик. Холодный, осенний» указывает, что «в примере 2 постпозиция определений в структуре базового предложения позволяет квалифицировать их как обособленные. Обособление актуализирует их семантику и придает им полупредикативный характер. Присоединительная связь в примере 3 усиливает их предикативность» (Бабайцева 2011: 74). Очевидно, что любые свойства, в том числе и предикативность, у обособленных парцеллятов выражены ярче и сильнее, чем у обособленных членов предложения.

О предикативности отдельных присоединенных образований в обособленной позиции говорит и Р.Ж. Саурбаев: «Необходимо подчеркнуть, что не все виды парцелляции могут осложнять предложение и имеют тесную связь с базовым предложением, а лишь те, которые связаны с одной предикативной линией и выступают как полупредикативные конструкции к основной, являясь при этом добавочными, пояснительными» (Саурбаев 2011: 232).

Высокая актуализация обособленных парцеллятов посредством предикативности отмечается Л.П. Водясовой. Автор считает, что парцелляты «предполагают более высокий, чем в предложении, уровень смысловых отношений и более высокий, чем при соединении и подчинении, уровень общения. Их широкие семантико-коммуникативные возможности объясняются предикативной значимостью» (Водясова). Как видим, возможности обособленных парцеллятов в семантическом плане намного сильнее, чем у обособленных членов предложения.

Следовательно, полупредикативные отношения присущи в полной мере и обособленным второстепенным членам предложения, и обособленным парцеллятам, хотя у последних, по мнению В.В. Бабайцевой, Л.П. Водясовой, они выражены ярче и сильнее, очевидно, благодаря их семантико-коммуникативным и структурным возможностям.

Рассмотрим **синтаксическую функцию** обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций.

В.Ю. Юнгера считает, что «в процессе парцелляции образуется рематический ведущий компонент, который обладает потенциальной (иногда однородной) синтаксической функцией любого члена предложения» (Юнгера 2010: 106), что свойственно, заметим, и обособленным парцеллированным конструкциям.

Отмечая неоднозначность выделения присоединительных компонентов в качестве обособленных членов предложения, Ю.А. Южакова, М.В. Сомова вместе с тем пишут, что «по отношению к членам основного высказывания присоединительные конструкции

выполняют те же функции дополнения, определения, обстоятельства, подлежащего и сказуемого» (Южакова 2018: 183). Например, *присоединяемое определение*: «Чей-то голос далекий возник. То глухой, то протяжный и низкий, то внезапно похожий на крик» (К. Лисовский).

Между тем, отдельные авторы, в частности, Э.Ш. Гасымов и В.П. Черкес, рассматривая синтаксические конструкции, считают, что парцелляты могут быть выражены не только любым членом предложения, но и обособленным членом предложения (Гасымов, Черкес). И мы считаем, что точка зрения авторов заслуживает внимания по двум причинам: 1) парцелляты часто выступают в качестве обособленных членов предложения, 2) например, парцеллированные определения могут находиться только в обособленной позиции: «А кружки, из которых на пиру пьют, с собой притащил. Красивые такие, с орлами» (Гасымов, Черкес). Такие случаи мы квалифицируем как обособленное согласованное парцеллированное определение, выраженное адъективным оборотом (Красивые такие), и обособленное несогласованное парцеллированное определение, выраженное существительным (*с орлами*).

Следовательно, обособленные члены предложения и обособленные парцелляты выступают в одинаковой для них синтаксической роли – определения.

В вариантных синтаксических конструкциях **синтаксическая связь** между определяемыми словами и обособленными членами – согласование. Е.В. Литвиненко указывает, что «предложения с обособленными членами и предложения с парцеллятами однотипны по сложности их структуры и по наличию грамматических связей, существующих между их компонентами (Литвиненко 1984: 11). Между тем, Э.П. Лаврик считает, что в лингвистической литературе такое распространенное синтаксическое явление, как согласование, свойственное предложениям с изолированными адъективными фрагментами в виде присоединения и парцелляция, является недостаточно изученным. Такие конструкции наделены переходными и синкретичным характером, особой экспрессивностью (Лаврик 2009: 11). Однако согласование остается в силе, что признает и сам автор: «Предложения, возникшие в результате согласования базового компонента с присоединительным, парцеллированным или сегментированным фрагментом, обладают определенным зарядом предикативности и могут приобретать структурно-семантические признаки предложения синкретичного типа» (Лаврик 2009: 15).

Что касается **местонахождения** обособленных членов предложения и обособленных парцеллятов, то по большей части они находятся в постпозиции (инверсия). Отличие заключается в том, что обособленные члены предложения по отношению к определяемому слову могут находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции, но все-таки чаще всего – в постпозиции. Обособленные парцелляты без каких-либо осложнений повторяют свое местонахождение согласно первоначальному исходному обособленному предложению. Например, В.А. Маслова указывает, что большинство исследователей экспрессивного синтаксиса в качестве одного из конкретного отклонения от общих тенденций называют особенности расположения слов – инверсию экспрессивного синтаксиса (Маслова 1997: 65),

что характерно и для обособления. Отмечает роль инверсии в обособлении и парцелляции и Г.И. Шпарева: «Стилистическое назначение инвертированного порядка слов – экспрессивное выделение какого-либо элемента или элементов синтаксической структуры (высказывания), смысловая актуализация, поэтическая экспрессия» (Шпарева 2023: 121).

Следовательно, сравнение обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций показало, что у них одинаковое местоположение, как правило, в непосредственной постпозиции или же оторванной от определяемого слова другими членами предложения.

В заключение исследования уделим внимание отдельным работам, посвященным непосредственно обособленным членам предложения и обособленным парцеллированным конструкциям, в которых имеются специальные указания на их отличия.

Так, Е.В. Литвиненко пишет, что между обособлением и парцеллятом имеется существенное различие, которое заключается в том, что обособленные члены предложения ограничены в свободе перемещения, оставаясь внутри предложения, тогда как «парцелляты выносятся за рамки предложения, являющегося для них базовым, и в которое они без всяких структурных преобразований (исключая иногда только изменения в порядке слов) могут быть легко “возвращены”, как его полноправные члены» (Литвиненко 1984: 86). Во многом соглашаясь с автором, тем не менее, заметим, что обособленные члены предложения имеют больше свободы перемещения, чем парцеллированные конструкции. Если парцеллированные конструкции могут совершить один переход – легко вернуться в состав базового высказывания, то обособленные члены предложения могут сделать без труда два перехода, что говорит о большей свободе перемещений. При первом переходе обособленные члены предложения могут вернуться на свои привычные первоначальные позиции – перед определяемыми словами и стать необособленными членами предложения в рамках простого предложения. При втором переходе обособленные члены предложения могут выйти за пределы простого предложения посредством расчленения и стать обособленной парцеллированной конструкцией, при этом никаких изменений в порядке слов не потребуются. Такие переходы свидетельствуют о том, что обособленные члены предложения являются вариантными по отношению к необособленным членам предложения и вариантными по отношению к обособленным парцеллированным конструкциям. В целом же обособленные члены предложения и парцеллированные обособленные конструкции, впрочем, как и необособленные парцеллированные конструкции, не нуждаются в свободе перемещений. Их переходы сделаны осознано и целенаправленно, чтобы стать обособленными членами предложения или же обособленными парцеллированными конструкциями. Их уникальная способность состоит в том, что им позволено занимать в предложениях необычные, но предначертанные им места, соответствуя ожиданиям автора и читателя – заострить внимание на важном смысловом информационном фрагменте.

Кроме того, Е.В. Литвиненко считает, что тексты парцеллированных предложений и предложений с обособленными членами отличаются в коммуникативном плане: первые воспринимаются как образец разговорной речи, тогда как вторые – как литературно

обработанные, намеренно осложненные (Литвиненко 1984: 95). Мы считаем, что в письменной форме и те, и другие в любом случае подвержены тщательной литературной обработке в соответствии с замыслами авторов художественной прозы.

Мы солидарны с Б. Турсуновым, который в диссертационном исследовании выделил отличительные дифференцирующие признаки между обособленными членами предложения и, в частности, с обособленными парцеллятами. Основной, третий дифференцирующий признак заключается в характере их самостоятельности. Это значит, что «в результате все функции присоединения, так сказать, “возводятся в квадрат”, что и отличает этот структурный тип от прочих», т. е. обособленный компонент присоединительной конструкции несет большую смысловую, эмоционально-экспрессивную нагрузку по сравнению с обычными обособленными членами предложения (Турсунов 1993: 28). Ученый считает, что обособленные парцелляты наделены гораздо большей экспрессией, чем обособленные члены предложения.

Об особой экспрессивности обособленных парцеллированных конструкций пишет и Э.П. Лаврик: «Изолированные адъективные фрагменты обладают определенными специфическими функциями – актуализируют оценочную, качественную информацию. Изолированные прилагательные нарушают границы предложения и зачастую приобретают самостоятельный предложенческий статус. Такие конструкции обнаруживают переходный и синкретичный характер, благодаря чему обладают особой экспрессивностью» (Лаврик 2009: 11-12). В любом случае, обособленные парцеллированные конструкции-прилагательные обладают особой, необычной экспрессивностью в отличие от других экспрессивных явлений.

Ранее мы писали о специфике обособленных парцеллированных конструкций, сравнивая их с обособленными членами предложения и парцеллированными конструкциями. Результаты нашего исследования показали, что их принципиальное отличие состоит в семантике. Экспрессия как семантическая категория неоднородна с позиций интенсивности. Мы считаем, что обособленные члены предложения наделены минимальной степенью интенсивности, парцеллированные конструкции – средней, а обособленные парцеллированные конструкции обладают максимальной степенью интенсивности экспрессивности (см. Саньярва).

Следовательно, основное отличие между вариантными обособленными членами предложения и обособленными парцеллированными конструкциями сводится к тому, что последние наделены большей экспрессивной силой, выразительностью, что вполне согласуется с задачами экспрессивного синтаксиса.

Выводы

Вариативность русского языка проявляется в многообразных формах, позволяя одному и тому же содержанию выражаться несколькими формами, т. е. вариантами, и материально отличаться друг от друга (Дубровина). Ученые отмечают, что парцеллированные конструкции и непарцеллированные конструкции являются вариантными синтаксическими единицами (Е.В. Литвиненко; А.Ю. Баранова и О.В. Четверикова). Метод аналогии, трансформационных преобразований и прием депарцелляции позволил выявить, что

обособленные члены предложения и обособленные парцеллированные конструкции являются вариативными. Обособленные члены предложения можно трансформировать в парцелляты (М.М. Габышева), но только в обособленные. Теоретическое обоснование признания обособленных членов предложения и обособленных парцеллят вариативными нашли косвенное подтверждение в работах ряда ученых. В соотношении – обособление и парцелляция – приоритетным является обособление (Е.В. Литвиненко; Б.Ю. Норман). Фоном для выявления их сходных черт послужили обособленные члены предложения (В.А. Маслова), грань между которыми зачастую прозрачна (К.З. Нуралиева). Поскольку механизм обособления у обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций одинаков, то они в большинстве случаев наделены одинаковым признаковым набором обособления: причина обособления (В.В. Виноградов; В.В. Бабайцева; Н.Д. Арутюнова; Е.В. Литвиненко; Е.А. Покровская; Ф.И. Панков); полупредикативные отношения (Е.А. Покровская; Е.В. Литвиненко; Я.Н. Пинегина; В.В. Бабайцева; Р.Ж. Саурбаев; Водясова); синтаксическая функция в предложении (В.Ю. Юнгера; Ю.А. Южакова и М.В. Сомова), при этом отдельные авторы выделяют парцеллят в качестве обособленного члена предложения (Э.Ш. Гасымов и В.П. Черкес); согласование (Е.В. Литвиненко; Е.П. Лаврик); постпозиция, инверсия (В.А. Маслова; Г.И. Шпарева).

По большей части одинаковые свойства обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций позволяют считать их вариантами синтаксическими конструкциями.

Вместе с тем, ученые отмечают, что между обособленными членами предложения и обособленными парцеллированными конструкциями имеется существенное отличие, заключающееся в их семантике – особой, гораздо большей экспрессивности обособленных парцеллированных конструкций (Б. Турсунов; Э.П. Лаврик), т.е. специфика обособленных членов предложения и обособленных парцеллированных конструкций выражается в их неодинаковой степени интенсивности экспрессивности (см. Саньярова).

Таким образом, обособленные определения, выраженные прилагательными и адъективными оборотами, и обособленные парцеллированные определения, выраженные прилагательными и адъективными оборотами, являются однотипными вариантами синтаксическими конструкциями, что позволяет им постоянно пересекаться в едином обособленно-парцеллированном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. О синтаксических типах художественной прозы // *Общее и романское языкознание*. М.: Московский ун-т, 1972. С. 189-199.

Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: монография. М.: Флинта, 2015. 576 с.

Баранова А.Ю., Четверикова О.В. Текстобразующий потенциал обособленных членов предложения // *Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2015. Выпуск 3 (164). С. 31-38.

Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: Русский язык, 1978. 296 с.

Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (На материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 3-29.

Водясова Л.П. Парцеллят как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в прозе К.Г. Абрамова // Филология и литературоведение. 2014. № 9. URL: <https://philology.snauka.ru/2014/09/911> (10.08.2025).

Габышева М.М. Экспрессивная пунктуация в текстах средств массовой информации (на примере газетных текстов) // Вестник научных конференций. Наука, образование, общество: по мат. междунар. научно-практ. конф. 2016. № 9-6(13). С. 82-91.

Гасымов Э.Ш., Черкес В.П. Специфика употребления парцеллированных конструкций в романе Б. Акунина «Весь мир театр» // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 8 (44). DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.24> (10.08.2025).

Дубровина С.Н. Вариантные синтаксические конструкции // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 44-48.

Лаврик Э.П. Специфика синтаксической связи в предложениях с изолированными адъективными фрагментами // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2009. № 60. С. 10-15.

Литвиненко Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов (опыт диахронического исследования): дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1984. 401 с.

Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: учебное пособие. Минск: Высшая школа, 1997. 156 с.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию. М.: Ленанд, 2018. 232 с.

Нуралиева К.З. Специфика функционирования парцеллированных синтаксических конструкций в художественном тексте (на материале художественных произведений первой половины XX в.) // Известия Дагестанского гос. педаг. ун-та. 1013. № 4. С. 83-87.

Панков Ф.И. Парцелляция как лингвистический механизм текстообразования // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: мат. VIII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 2. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 103-107.

Пинегина Я.Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиа-текстах: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 19 с.

Покровская Е.А. Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ: автореф. дис ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 42 с.

Саурбаев Р.Ж. Структурно-семантический анализ парцеллированных конструкций (на материале английского и татарского языков) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политех. ун-та. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1. С. 231-235.

Саньярова Н.С. Специфика обособленных парцелированных конструкций в языке художественной прозы // Русистика без границы. Международно научно списание. София, 2025. Том IX. Кн. 2. С. 35-45.

Турсунов Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи: автореф. ... дис. докт. филол. наук. СПб., 1993. 36 с.

Шпарева Г.И. Репрезентация средств экспрессивного синтаксиса (парцелляции и инверсии) в русском, чувашском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2023. 202 с.

Южакова Ю.А., Сомова М.В. К вопросу о сущности присоединения и месте присоединительных конструкций в системе структурных типов простого осложнённого предложения // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. ст. III междунар. науч. практ. конф. (г. Пенза, 25-27 октября 2018 г.) / Под ред. канд. пед. наук, проф. Г.И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. М.Г. Лунновой. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2018. С. 179-185.

Юнгерова Ю.В. Структурные типы парцелированных конструкций в современном французском языке // *Lingua mobilis*. 2010. № 4 (23). С. 101-107.

© Саньярова Н.С., 2025

**АМБИСЕМИЯ ТЕРМИНА «ПОБЫВАЛЬЩИНА»
(НА ПРИМЕРЕ УСТНОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ
ЗАПАДНОСИБИРСКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ)**

Аннотация. Настоящая статья исходит из того, что понятийный аппарат классической фольклористики в настоящее время нуждается в коррекции и дополнении. В первую очередь речь идёт о тех его понятиях, которые призваны учитывать связь между периодом создания произведений устного народного творчества, их развитием и функционированием в современном постиндустриальном обществе. Изучение устного народного творчества народов Сибири, имеющего давнюю традицию, осуществляется под руководством сибирской фольклористической школы. Её достижения в мировом научном сообществе общепризнаны, вместе с тем нельзя не отметить недостаточную изученность произведений западносибирского старожильческого фольклора. Наличие «белых пятен» на фольклорной карте региона объясняется разными причинами, в числе которых – непростая административно-территориальная история современной Тюменской области. В статье представлен опыт освоения семантического объёма термина побывальщина в русской филологической науке и уточнена его конгруэнтность применительно к одноимённому прозаическому жанру, бытующему у носителей русских старожильческих говоров Тюменской области; обозначены языковые особенности и жанровое своеобразие побывальщины региона. Исследование основано на анализе, обобщении и систематизации современных достижений отечественной фольклористики, практике сбора, описания и картографирования диалектизмов русского языка в их синхронном состоянии.

Ключевые слова: термин «побывальщина»; языковые особенности побывальщины; жанровая специфика побывальщины; западносибирские старожильческие говоры; окказиональное значение термина.

Сведения об авторах: Щербина Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного технологического университета «Станкин»; ORCID 0000-0001-7869-8566; Скворцов Константин Викторович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета транспорта «РУТ-МИИТ»; ORCID 0000-0002-8772-0056.

Контактная информация: 127055, Россия, г. Москва, Вадковский переулок, д.1, ауд. 227; тел.: 8(499) 9729485; e-mail: qerbina@mail.ru; 127994, ГСП-4, г. Москва, ул Образцова, д. 9, стр. 9; skv-kv@mail.ru.

S.I. Shcherbina, K.V. Skvortsov

**THE AMBISEMY OF TERM «POBYVALSHINA»
(USING THE EXAMPLE OF THE ORAL NON-NARRATIVE PROSE
OF WEST SIBERIAN OLD-TIMERS)**

Abstract. This article proceeds from the fact that the conceptual framework of classical folklore studies currently needs correction and addition. First of all, we are talking about those concepts that are designed to take into account the relationship between the period of creation of works of oral folk art, their development and functioning in modern post-industrial society. The study of the oral folk art of the peoples of Siberia, which has a long tradition, is carried out under the guidance of the Siberian folklore school. Its achievements are widely recognized in the global scientific community, but it is important to note that the works of the Western Siberian old-timer folklore have not been sufficiently studied. The presence of “white spots” on the region's folklore map can be attributed to various factors, including the complex administrative and territorial history of the modern Tyumen Region. The article presents the experience of mastering the semantic scope of the term pastoral in Russian philological science and clarifies its congruence in relation to the prose genre of the same name, which is common among speakers of Russian old-fashioned dialects of the Tyumen region; the linguistic features and genre originality of the pastoral region are outlined. The study is based on the analysis, generalization, and systematization of modern achievements in Russian folklore studies, as well as the practice of collecting, describing, and mapping the dialects of the Russian language in their synchronous state.

Keywords: the term “pobyvalshchina”, the linguistic features of the pobyvalshchina, the genre specifics of the pobyvalshchina, West Siberian old-timers, occasional meaning of the term.

About the authors: Shcherbina Sergei Ivanovith, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages, Moscow State Technological University “Stankin”; ORCID 0000-0001-7869-8566; Skvortsov Konstantin Viktorovith, Candidate of Pedagog Sciences, Associative Professor of the Department of Foreign Languages Department of Foreign Languages, Russian University of Transport (RUT); ORCID 0000-0002-8772-0056.

Contact information: 127055, Russia, Moscow, Vadkovsky Lane, 1, room 227; tel.: 8(499)9729485; e-mail: qerbina@mail.ru; 127994, GSP-4, Moscow, Obraztsova Street, 9, Building 9; skv-kv@mail.ru.

В российской филологии *побывальщиной* изначально назывались устные рассказы, которые тесно связаны с былинной по содержанию и стилю, но утратили стихотворную структуру и напев. Ряд исследователей рассматривает побывальщину, не придавая ей статуса самостоятельности, в ряду жанров «быль», «бывальщина», «быличка», называя их разновидностями одного жанра («Побывальщина (также быль, бывальщина) – короткий устный рассказ о каком-либо невероятном случае или неординарной встрече, будто бы имевшей место в действительности» (Щербина 1999: 78); «Быличка – достоверный, с

народной точки зрения, устный рассказ о духах, хозяевах природных стихий и их контактах с человеком, независимо от его социальной, гендерной и возрастной принадлежности» (Блажес, Туров 2000: 134-135). Исследователь западносибирского старожильческого фольклора и особенностей говоров северных районов Тюменской области А.М. Кошкарёва замечает: «Наша сибирская побывальщина – это не передача содержания древних русских былин, это рассказ о событиях, имевших, по словам рассказчика, место в жизни; случаи, которые он якобы слышал от известного ему лица, который был участником или очевидцем события» (Кошкарёва 2010: 163). В этом определении понятия «побывальщина» актуализируется значение, закреплённое за термином Д.Н. Ушаковым: «Побывальщина – устный рассказ о действительно случившемся, пережитом» (Ушаков 1939: 163).

В качестве материала исследования использованы тексты, записанные в д. Антипино Тобольского района. Примечательно, что сама информант, Л.С. Абрамова, рассказанные истории называла «побывальщиной», подчёркивая этим, вероятно, интуитивно, не потенциально возможные события, а как уже свершившиеся, известные определённым лицам или на определённых территориях.

Случай на Шайтановской мельничке

На речке на Шайтанке, недалеко от Шайтановских юрт, стояла небольшая мельничка. Привозили сюда молоть зерно из соседних деревень и часто задерживались до поздней ночи, а то и на ночь приходилось остаться: мельница старая, жернова маленькие – медленно мелет. Падают вода на деревянные плицы, вертятся колёса, крутятся жернова – сыплется в ларь белая мука.

Как-то раз привез шайтановский мужичок зерно на муку размолоть да припозднился, не успел до ночи управиться. Не хотелось ему домой возвращаться с немолотым зерном, и решил он ночью на мельнице остаться. До утра, значит, зерно смолоть. Так и сделал: вертится колесо, гремят жернова, сыплется мука. Молол так, молол, вдруг в полночь остановилось колесо, замолкли жернова, только слышно, как вода шумит. «Что такое? – думает мужик. – Надо пойти посмотреть». Спустился вниз к огромному мельничному колесу и видит: сидит на колесе чёрный, зубы скалит. Струхнул мужик, стал татарскую молитву читать: «Смирла рах милла, рахмо. Смирла рах милла, рахмо». Лукавый говорит: «Я и так смиренно сижу». Татарин опять: «Смирла рах милла, рахмо...» – «Да смиренно я сижу», – говорит анчутка. Что делать мужику? Стал русские молитвы вспоминать, может, враг русской молитвы испугается, а вспомнить не может – не знает христианских молитв. На уме только обычай русских яйца на пасху красить. Вот он бормочет: «Русский бог Микола, красьненько яичко...» Вдруг чёрный кулем в воду упал, только до самого верха водой плеснуло, завертелось колесо, зашумели жернова. Кое-как выполз мужик к жерновам, собрал муку, а тут и крестьяне стали подъезжать. Хочет им татарин рассказать, что с ним было, а с языка только: «Бултых – та и на вода ... бултых – та и на вода». Так до конца жизни больше ничего сказать не мог ни по-татарски, ни по-русски.

Захотел от бабы избавиться, да клад нашел

Лонись пахал мужик поле босиком. Пашет - пашет, вдруг ему что-то ногу укололо, как будто гвоздь какой в земле. Стал он этот гвоздь теревить, выкапывать – отдается что-то в земле, стучит. Разрыл мужик землю, видит: в яме ящик старинный, нашел клад, значит. Стал он его вытаскивать, а клад не даётся. «Приведу, – думает, – жену, увидит она ящик-то, а я её и спихну в ямку, клада не достану, зато от бабы избавлюсь». Побежал мужик за женой, привел её. «Давай, – говорит, – клад добывать будем, не могу один вытащить». Подошли они к яме. Мужик и толкнул жену-то туда, а она схватилась за него, только платок с головы лахудры упал в яму. Теперь что делать? Стали они вместе ящик тянуть, да и вытащили. Серебра, поди, с пуд будет, и пошли они, радёшеньки, домой.

Пошутковать удумал

Шёл ночью подгулявший мужик домой короткой дорогой, через кладбище, да и в темноте от тропинки-то и отшатился. Угодил в старую могилу, вырытую кем-то давно и заброшенную, то ли место не понравилось, то ли лучше нашли. Испугался мужик, хмель сразу из головы вышибло, а когда опомнился, ещё больше в страх кинуло: светятся рядом вроде бы две точки, протянул руку: шерсть, рога. Давай молитвы читать. Читал, что вспомнил, протянул руку: рога, шерсть. Не черт, значит, успокоился мужик: видно, козел раньше него в яму угодил. Сидели вдвоем до свету. Утром слышит: вроде кто-то на телеге едет. Стал подавать мужик голос, а на телеге старик со старухой, по траву поехали, перепугались. Кричит, крестится старуха: «Поворачивай, старик. Нечистая сила!» Старик-то посмелее. «Побожись, – говорит, – что человек ты». Мужик божится, крестится. Бросил ему старик верёвку в яму, а мужик-то и удумал пошутковать: взял да и привязал сначала козла. Как увидела старуха козлиную голову над ямой, так памяти и лишилась, а старик понуждает лошадь, крестится да понукает, крестится да понукает.

Проходили по дороге бабы, вытащили и мужика, и козла.

Играть научился, да ноженьки лишился

Теперь на деревне гармонисты не те. Был у нас Ваньша Ахумов, будто сила нечистая в его гармони сидела – хоть плясать, хоть плакать заставит. Бывало, идёт по улице, деревяшкой постукивает, мехи во весь разворот, пальцы так и летают по пуговкам – сама гармонь идет и поет.

Сказывают, и ноги через эту гармонь лишился, страсть, как играть научиться хотел: гармонь купил, а не идет игра, пальцы не слушаются.

Посоветовали ему старики: «Если хочешь научиться играть, пойдешь в полночь в баню со своей гармошкой».

Так и сделал. Сидит в бане в полночь, на пуговицы нажимает, а у самого мурашки по коже от страха. Вдруг открывается дверь, заходит сам. Вроде мужчина, а ноги с копытами и хвост сзади. «Не так, парень, играешь», – сказал и руки ему по-своему поставил. Костность с пальцев как рукой сняло, играл до петухов, душа радовалась. Три

ночи ходил Ваньша музыке обучаться. К концу третьей ночи речь о расчете зашла. «Что хочешь проси, все сделаю», – говорит Ваньша. А тот смеется: «Ничего мне не нужно, все у меня есть, вот разве только пнешь меня изо всей силы коленкой». Сказал и прислонился к печке. Ваньша отнекивается, почернел хозяин, а Ваньшу в озноб бросило от страха. Размахнулся он, зажмурил глаза, да и пнул хозяина со всей силы: огненные брызги из глаз посыпались, ожгло ногу. Разлепил глаза – никого нет. Об печку ногу себе расшиб. Отрезали парню ногу, а играть-то играл, лучше него во всей округе гармониста не было.

Как мужик счастье не уберег

Шел как-то раз мужик с покоса домой урманом. Ничего не замечал, а как на дорогу вышел, к нему старичок-от припарился¹. «Давай, – говорит, – обменяемся сапогами». Удивился мужик: «Как это сапогами меняться, у меня сапоги удобные, привычный я к ним». Старичок не отстаёт: давай сменяемся, да и только. Уж до крыльца дошли, старик все свои сапоги расхваливает. И правда, сапоги у него хороши, с длинными голенищами, а у мужика такие коротенькие сапожки.

Ну что, думает мужик, теперь дома, сменяю, раз так просит. Снял сапоги и отдал старику. Тот взял сапоги, свои в обмен в угол поставил, и только дверь хлопнула. Глянул мужик в угол, а там стоят два куска бересты в круговую с березы снятые.

Смекнул тут мужик, что не простой старичок был и неспроста сапоги выменял. А дело было в ночь на Ильин день, когда, сказывают, папоротник цветет. Видно, зацепил мужик голенищем такой цветок в темноте, да и сорвал, не зная о том. Не захотел лесной хозяин с волшебным цветком расстаться, вот и отнял мужиково счастье вместе с сапогами.

Как солдатку клад достался

Шёл один солдат с мировой домой в Самарово через нашу деревню, пришёл к вечеру, пароход в евоно село неизвестно, когда будет, стал он проситься ночевать, а никто его не пускает. Время голодное, да и в домах одни женщины, дети да старики. Посоветовал ему дедко из Лютых, что в аккурат, напротив, в пятистенке жили, на заимку пойти, там дом пустой, никто в нем не живёт. «Если не боишься, – добавил, – чудится там». Ну, и дорогу показал.

Зашёл солдат в дом, шаньгу заглотнул, устроился на лавке, только засыпать стал, вдруг слышит голос: «Упаду-у, упа-ду-у». Сел солдат, посидел-посидел, тихо. Только устроился на боку, начал дремать, опять: «Упаду - у, да и так упа-ду – у». Терпел - терпел солдатко, разозлился да как гаркнет: «Падай!» Да словцо соленое какое-то добавил. Вдруг что-то как плюхнет на пол, и все затихло. Проснулся солдат, солнце в щели пробивается, а на полу – груда серебра. Видно, клад выходил, покоя людям не давал, вот солдатку и достался.

¹ Припарился — стал напарником в дороге.

3) сибиризмы (слова, заимствованные из языков коренного населения Обь-Иртышского междуречья: татар, ханты, манси, ненцев): *урман* (финно-угр.) – «большой массив леса», «тайга».

В числе особенностей побывальщины следует отметить и такую, как употребление слов – эвфемизмов. Например, «черный», «сам», «анчутка», «враг» – слова, заменяющие табуированное слово «чёрт». Запрет на употребление этого слова связан с народным представлением о способности «нечистой силы» вмешиваться в жизнь людей, «вводя их в грех». В качестве эвфемизмов используются слова, характеризующие «злого духа» на основе христианских представлений.

Малособытийность сюжета побывальщины, её лаконично-краткое содержание ощущается и в построении фраз. Чередование коротких, часто синтаксически однородных предложений, образует чёткий ритмический рисунок, в котором местами явно чувствуется тяготение к интонационно-синтаксическим параллелизмам: «Разрыл мужик землю, видит: в яме ящик старинный, нашел клад, значит». Важную роль в передаче стремительно развивающихся событий в подобных конструкциях приобретают глаголы – сказуемые, получающие логическое ударение и занимающие в связи с этим фиксированное место в конструкциях: «Стал подавать мужик голос. Кричит, крестится старуха».

В качестве основных выразительных средств побывальщины выступают уменьшительные формы слов, повторы и параномазия. Все они подчинены единой цели: созданию эмоциональной (одобрительной или отрицательной) характеристике событий или действующих лиц. Уменьшительная форма слов («мельничка», «мужичок», «старичок», «женка») способны не только характеризовать предмет или субъект действия, но и вызывать определенный эмоциональный настрой у слушателя, при этом экспрессивное направление включает самый разнообразный спектр чувств – от ласкательного, уменьшительного до иронического и даже уничижительного.

Повторы («посидел – посидел»; «черный – черный») усиливают семантику слова, в данных случаях действие и признак предмета. Обычно сказителем фигура повторения употребляется тогда, когда явлению приписывается дополнительная смысловая акцентуация.

Параномазия («Только устроился на боку, задремал. Опять: «Упаду-у да упаду-у»; «Бултых – та и на вода») придает фразе образность при сопоставлении случайно созвучных слов, способствует возможности установить их смысловые или семантические ассоциации, намекнуть на них.

Тематика побывальщин региона достаточно разнообразна: в первом приближении они классифицируются на бытовые побывальщины, связанные с промыслами, и побывальщины, в которых присутствуют мифологические персонажи и сюжеты. Однако нельзя не заметить, что сюжет не всех побывальщин включает встречу персонажа с ирреальным существом, поэтому зачастую нельзя провести строгую границу между циклами. Репертуарные элементы одного цикла могут органически встраиваться в сюжетную канву другого – их выбор находится в прямой зависимости от сложившегося в конкретной местности хозяйственно-бытового уклада, общекультурного ценза, мифологических суеверий и поверий, связанных с

отношением человека к природе. Это подтверждают и изыскания в области фольклорной сказки А.В. Себелевой и С.А. Симоновой (Себелева, Симонова 2024: 71-86).

Жанровая специфика побывальщины обусловлена прежде всего особенностями её содержания. Содержание побывальщины, вне зависимости от того, к какому циклу она относится, строится на авантюрном сюжете, основанном на смене всевозможных невероятных приключений из бытовой жизни, семейных отношений, которые раскрываются в подчёркнуто правдоподобной форме. Несмотря на преобладающий бытовой характер побывальщин, во многих из них встречаются и фантастические черты, например, встреча обывателя с нечистой силой, элементы волшебства. Подобные элементы сказочности, обыкновенно очень беглые, необходимы для самого повествования. В свою очередь бытовой элемент, развиваясь за счёт фантастического составляющего, остаётся преобладающим в жанре. В частности, «плач клада» в побывальщине «Как солдатку клад достался» является вставным эпизодом, центр всего повествования сосредоточен на изображении солдата, в котором угадываются черты характера и нормы поведения, традиционно приписываемые русским народным сознанием служивому человеку: сила духа, сноровка, неприхотливость к быту.

Мифологические символы и обряды в раскрытии сюжетной канвы побывальщины играют вспомогательную, разъяснительную роль, но они требуют у слушателя наличия определённых фоновых знаний. Так, например, с началом мифологизированной исторической традиции связывается сюжет о мужике, который сам того не ведая, отдал свою удачу «лесному хозяину». Чтобы понять, почему он «мужиково» счастье вместе с сапогами отнял, нужно знать легенду о магических свойствах папоротника.

Согласно народным преданиям и верованиям, человек, которому удалось раздобыть распускающийся накануне Ильина или Петрова дня красный цветок папоротника, становится удачливым, приобретает способность становиться невидимым, с его помощью человек может добыть богатство² (Забылин 2003: 439). Цветок папоротника не даётся в руки человеку, его трудно найти и увидеть, но еще труднее сорвать и удержать у себя – злые силы противодействуют этому. Впрочем, заполучить цветок папоротника можно было и случайно, не зная об этом. Однако и в этом случае цветок не достанется человеку: всегда найдутся силы (в конкретном случае «лесной хозяин» в образе старика), которые будут препятствовать тому, чтобы обыватель приобрёл магические знания.

Побывальщина отличается от прочих эпических жанров не только по своему содержанию, но и по назначению. Если назначение сказки заключено главным образом в

² День памяти Ильи-пророка приходится на 2 августа (20 июля по старому стилю). В Сибири к этому сроку оканчивался сенокос, и начиналась жатва: «Илья-пророк – косьбе срок», «Илья жниво зачинает». С этого дня нельзя было купаться в открытых водоёмах, потому что в воду обмакнул рога олень или конь Ильи-пророка, а сам Илья кинул в воду кусочек льда. День святых апостолов Петра и Павла православная церковь отмечает 29 июня (12 июля). В народной традиции — Петров день. К нему готовили основные орудия труда, используемые в новом сезоне. Петров день снимал запрет на вкушение мяса и плодов, строго соблюдаемый в течение весеннего периода. Например, в Сибири именно с этого времени было разрешено «брать» землянику и колоть баранов, или, как говорили крестьяне: «С Петрова дня барашкам лоб».

том, чтобы развлечь слушателя, былины – передать пафос возвышенного, рассказать о чем-то очень существенном или героическом, то побывальщина призвана, прежде всего, к научению слушателя, передаче некоего руководства к действию в повседневной жизни. Разумеется, дидактический элемент присущ любому жанру устного народного творчества, но в побывальщине он играет преобладающую роль. Замечательно иллюстрирует эту особенность жанра нравственная квинтэссенция побывальщины «Пошутковать удумал». Всему есть место в жизни: тяжелой работе и разудалому отдыху, мудрствованию и словоблудию – главное, чтобы все это органически сливалось с бытовой и коммуникативной ситуацией, было бы ко времени и месту. Несмотря на назидательный тон побывальщины, её поучение проникнуто светлым оптимизмом, свойственным народному созерцанию вообще.

Форма и приёмы повествования побывальщины однообразны. Наиболее яркой рефлексией побывальщины является указание на время, место или – реже – субъект действия. Если, положим, в сказке, быличке эти категории всегда обозначаются крайне неопределённо («в некотором царстве, в некотором государстве»; «за тридевять земель»; «жили-были когда-то»; «давным-давно, так что никто не помнит», «как-то раз», «неподалёку отсюда ... »), то в побывальщине они очерчиваются конкретно, придавая сюжету достоверность жизненного факта («На речке Шайтанке, недалеко от Шайтановских юрт, стояла небольшая мельничка»; «Был у нас Ваньша Ахумов ... »; «Шел один солдат с мировой домой в Самарово через нашу деревню ...»).

Рассказ в побывальщине ведётся просто, коротко, без отвлекающих внимание подробностей. В этом плане показательна побывальщина «Захотел от бабы избавиться, да клад нашел». В ней все повествование от начала до конца находится в непрерывном развитии действия, она лишена традиционной характеристики супругов, мотивации, по какой причине муж захотел избавиться от жены, здесь нет ни одного лишнего эпизода, традиционных прибауток и отступлений вне связи с основным действием.

Очевидно, что западносибирская старожильческая побывальщина, не обладая жёсткими жанровыми канонами и демонстрируя, зачастую, зависимость от ситуации общения, обнаруживает признаки других форм устной прозы. В первую очередь речь идёт о точках соприкосновения побывальщин, быличек и бывальщин, а именно: повествование о неординарном или сверхъестественном эпизоде, максимальное обеспечение достоверности излагаемых событий, использование стандартного набора мифологических образов, апелляция содержания не к традиции, а к событиям из жизни рассказчика или знакомых, временная приуроченность к настоящему или недавнему прошлому, этиологический финал: вывод морального толка, объяснение удач или, наоборот, неудач.

Вместе с тем западносибирская побывальщина демонстрирует черты и жанровой специфики. Побывальщина далеко не всегда заканчивается, в отличие от быличек, трагически. В то время, как побывальщина только сообщает о событиях, имевших место в чьей-то жизни, бывальщина и быличка не только их констатируют, но и транслируют потенциальную возможность повториться снова, например, в жизни слушателей. В отличие от побывальщины быличка и бывальщина не комментируют описываемую реалию, а лишь

сообщают об имевшем место сверхъестественном случае. Если бывальщина представляет развёрнутый рассказ с достаточно подробной характеристикой демонологических существ, действия которых могут усложняться и приобретать психологическую мотивировку, то побывальщина демонстрирует тенденцию превращаться в развлекательный или смешной рассказ, в котором суеверные представления разоблачаются, а их первоначальная функция устрашения утрачивается.

Обсуждение и заключения

Краткий анализ текстов показал, что для старожильской западносибирской побывальщины характерны традиции, свойственные разным жанрам устно-прозаического повествования.

Побывальщина как произведение устного народного творчества, не будучи объёмным по своему формату и однородным по своей природе, стремится к идейно-художественному единству, которое проявляется в разных его элементах.

Отсутствие достаточно обоснованного определения побывальщины объясняется её генетической связью, а зачастую и наличием переходных форм, с другими жанрами. Эти факты стали причиной появления разных определений термина, классификаций и жанровой соотнесённости прозаических произведений, обозначенных термином «побывальщина».

Смысловое дистанцирование термина *побывальщина* от хрестоматийного значения представляет случай не только его окказионального употребления, но и преднамеренного стремления обособить конкретную форму несказочной прозы, распространённой на территории Западной Сибири, от смежных жанров – бывальщины и быличек. Окказиональное употребление термина допустимо в качестве рабочего. Поиск в этом случае конвенционального средства выражения, не вступающего в противоречие с принятым в науке понятийным статусом термина «побывальщина», должен осуществляться с учётом широты тематического спектра всех форм устной прозы несказочных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

Блажес В.В., Туров С.В. Быличка // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. I. Ханты-Мансийск, 2000. С. 134-135.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, предания, обряды. М.: ЭКСМО, 2003. 606 с.

Кошкарёва А.М. Очерки сибирской словесности. Нижневартовск: НГГУ, 2010. 182 с.

Себелева А.В., Симонова С.А. История и эволюция жанра сказки сквозь призму отражения мира народа // Нижневартовский филологический вестник. 2024. № 2. С. 71-86. doi.org/10.36906/2500-1795/24-2/06 EDN: LYYBRF.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. III: П – РЯШКА. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. 714 с.

Щербина С.И. Художественные особенности побывальщины Тобольского края // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Нижневартовск: НГПИ, 1999. С. 78-81.

© Щербина С.И., Скворцов К.В.

УДК 82

doi.org/10.36906/2500-1795/25-2/08

Бурнышева В.А.

«АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» Л. КЭРРОЛЛА КАК ОБРАЗЕЦ БЫТОВАНИЯ ПАРАДОКСА И НОНСЕНСА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Настоящая статья происходит из понимания того, что «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла – не только увлекательная сказка для детей, но и сложное художественное произведение, раскрывающее тему границ человеческого разума и восприятия. Именно большое количество парадоксов и нонсенса придаёт ей уникальность, отличает от других произведений в жанре сказки. Как истинный математик, Льюис Кэрролл, не мог не включить в своё произведение задачи и загадки на логику. Их парадоксальность показывает читателю, что иногда, чтобы что-то понять, нужно выйти за рамки своего привычного мышления. В статье рассмотрены такие виды парадокса, как: одновременное становление, достижение цели, время, совпадение мысли и слова, вера и знание, удивление. Парадоксальные ситуации дополняются бессмыслицами, нелепыми поступками героев. Они помогают отразить мир Страны чудес, который не подчиняется известным правилам, а существует по своим. То, что считается странным и бессмысленным, здесь является нормой и несёт в себе определённую цель. Например, Мартовский Заяц смазывает часы сливочным маслом, чтобы те лучше работали; садовники перекрашивают белые розы в красный цвет, дабы Королева не узнала, что они посадили не тот куст; королевский суд над Валетом с целью обвинить его в краже десерта, несмотря на все доказательства его невиновности. Использование Льюисом Кэрроллом противоречивых и нелогичных ситуаций демонстрирует, как нелепости и противоречия могут быть инструментами для выражения глубоких мыслей и критики стереотипов, благодаря чему произведение становится образцом бытования парадоксов и нонсенса в детской литературе.

Ключевые слова: сюжет; парадокс; противоречие; нонсенс; бессмыслица.

Сведения об авторе: Бурнышева Виктория Андреевна, учитель русского языка и литературы, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей № 1 имени Александра Сергеевича Пушкина» г. Нижневартовск; ORCID 0009-0000-5932-450X.

Контактная информация: 628624 г. Нижневартовск, ул. Романтиков, д. 16, каб. 231; e-mail: vikka.burnysheva@mail.ru.

V.A. Burnysheva

“ALICE IN WONDERLAND” BY L. CARROLL – AS AN EXAMPLE OF THE EXISTENCE OF PARADOX AND NONSENSE IN CHILDREN'S LITERATURE

Abstract. This article is based on the understanding that Lewis Carroll's Alice in Wonderland is not only a fascinating fairy tale for children, but also a complex work of fiction that reveals the boundaries of the human mind and perception. It is the large number of paradoxes and nonsense that makes it unique and distinguishes it from other works in the genre of fairy tales. As a true mathematician, Lewis Carroll could not help but include logic puzzles and riddles in his work. Their paradoxical nature shows the reader that sometimes, in order to understand something, you need to go beyond your usual thinking. The article discusses such types of paradox as: simultaneous formation, achievement of a goal, time, coincidence of thought and word, faith and knowledge, surprise. Paradoxical situations are complemented by nonsense, ridiculous actions of the characters. They help to reflect the world of Wonderland, which does not obey known rules, but exists according to its own. What is considered strange and meaningless is the norm here and carries a specific purpose. For example, the March Hare lubricates the clock with butter to make it work better; gardeners repaint white roses in red so that the Queen does not find out that they planted the wrong bush; the royal court of the Jack in order to accuse him of stealing dessert, despite all the evidence of his innocence. Lewis Carroll's use of contradictory and illogical situations demonstrates how absurdities and contradictions can be tools for expressing deep thoughts and criticizing stereotypes, making the work a model of paradoxes and nonsense in children's literature.

Key words: plot; paradox; contradiction; nonsense; nonsense.

About the author: Burnysheva Victoria Andreevna, teacher of Russian language and Literature, Municipal Budgetary Educational Institution Lyceum No. 1 named after Alexander Sergeevich Pushkin, Nizhnevartovsk; ORCID 0009-0000-5932-450X.

Contact information: 628624 Nizhnevartovsk, Romantikov st., 16, office 231; e-mail: vikka.burnysheva@mail.ru.

В дилогии сказок про Алису, созданной английским писателем Льюисом Кэрроллом, приёмы парадокса и нонсенса нашли своё наиболее полное воплощение. В рамках данной статьи предметом рассмотрения станет первая часть – «Алиса в Стране чудес».

На первый взгляд может показаться, что это классическая сказка для детей, что является заблуждением. *«Сказка перегружена странностями и несуразностями. Наряду с вполне обычными приключениями, здесь царят глупости и нелепости, юмор и каламбуры»* (Пигулевский 2022: 64).

Уже после прочтения первых страниц внимательный читатель понимает, что перед ним не просто сказка, а глубоко интеллектуальное философское произведение, затрагивающее темы взросления, самопознания, веры в себя и восприятия реальности. Главное отличие этой сказки от других – отсутствие поучения и морализаторства. Прежде

всего своим произведением автор хотел развлечь детей, проверить их фантазию. Конечно, как и любое художественное произведение, «Алиса в Стране чудес» учит, но ненавязчиво. При этом каждый читатель видит в ней разные смыслы, выносит из нее личный урок.

Возникновение сказки, предназначенной для детей, но полюбившейся и взрослым, весьма случайно. Во время обучения математике в Крайст-Чёрч-колледже Оксфордского университета Льюис Кэрролл (настоящее имя – Чарльз Лютвидж Доджсон) познакомился с Генри Лидделлом, деканом колледжа (Как появилась «Алиса в Стране Чудес»). Со временем он стал другом не только для Генри, но и для его дочек – Логины, Эдит и Алисы. Кэрролл часто общался с девушками, ходил на прогулки. В одну из долгих лодочных прогулок по реке Темзе Алиса попросила своего взрослого друга сочинить про неё сказку, полную всяческих глупостей. Так, Льюис начал сочинять историю, включая в нее всё, что приходит на ум.

По сюжету маленькая девочка Алиса, следуя за таинственным белым кроликом, оказывается в фантастической стране, полной чудес и неожиданностей. Там она переживает череду приключений, связанных с постоянными трансформациями ее роста и встречами с необычными обитателями. Однако, пробудившись, Алиса осознаёт, что все эти события были лишь плодом её воображения во сне.

Алисе настолько понравилась эта невероятная история, что она попросила ее записать. Кэрролл не смог отказать в просьбе своей юной подруге. Он аккуратно переписал сказку в тетрадь, дополнил её рисунками, а затем подарил девочке на Рождество под названием «Приключения Алисы под землёй» (Как появилась «Алиса в Стране Чудес»).

Позже, по просьбе друзей, Льюис всё же решил издать книгу, доработав сюжет и изменив название на более интригующее – «Алиса в Стране чудес».

Являясь страстным математиком, любителем головоломок и логических задач, Льюис Кэрролл был твёрдо убеждён в том, что как взрослых, так и детей необходимо целенаправленно учить мыслить логически. Он искренне хотел показать: решение задач и загадок на логику, не только легко, но интересно. Стоит лишь изменить фокус внимания. Для реализации этой идеи Льюис выбрал самый простой и в то же время оригинальный способ – включить логические задачки в сюжет сказки «Алисы в Стране чудес». Тем самым автор позволяет читателю не просто познакомиться с увлекательной историей о приключениях девочки Алисы, а вместе с ней научиться понимать, как поступать в той или иной ситуации, выйти за рамки привычного, развить своё логическое мышление.

Логические задачки показывают парадоксальность привычных понятий, оставляя за собой почву для размышлений. У Кэрролла таких парадоксов множество. Изучим некоторые из них.

Парадокс одновременного становления. Во время своего путешествия Алиса неоднократно меняла размер под воздействием волшебных предметов и напитков. То она уменьшалась, то увеличивалась. Вот, что об этом говорит в своей статье В.И. Соломатина: «...когда «Алиса увеличивается», мы подразумеваем, что она становится больше, чем была до этого. Хотя верно и утверждение, что она становится меньше, чем сейчас. Бесспорно,

Алиса не может быть разных размеров в одно и то же время. Сейчас она больше, до того была меньше. Вот он парадокс! Она становится больше, чем была, и меньше, чем стала, в одну и ту же секунду. Убежать от настоящего – вот суть одновременности становления» (Соломатина 2016: 217). Кажется, что Алиса становится одновременно больше и меньше. Попытка представить это приводит к противоречию, поскольку в реальности такое невозможно, потому что всё происходит последовательно. Данный приём демонстрирует внутреннюю противоречивость и неопределённость Алисы, способствует раскрытию вопроса поиска себя.

Парадокс достижения цели. «Не будете ли вы добры сказать мне, по какой дороге я могу уйти отсюда? – Это в большой степени зависит от того, куда ты хочешь прийти, – ответил Кот. – Я не очень забочусь, куда именно... – сказала Алиса. – Тогда не имеет значения, по какой дороге ты идёшь, – возразил Кот. – ...так далеко, чтобы придти куда-нибудь, – добавила Алиса в виде пояснения. – О, наверно, так и получится, – сказал Кот, – если только ты пойдёшь достаточно далеко» (Глава VI). Чтобы достичь желаемого, нужно чётко представлять себе конечную точку. Без этого, сколько бы усилий ни прилагалось, результат будет нулевым. Однако, когда цель не определена, все направления кажутся равнозначными, что создаёт противоречие: с одной стороны, важно знать, куда стремиться, а с другой – есть свобода выбора маршрута. Автор отмечает, что Алиса не знает чего хочет, но при этом она не боится нового и открыта ко всему, что её может ждать.

Парадокс времени. Во время чаепития Алиса увидела у Шляпника часы, которые не показывают время, что ей показалось странным. «Что за смешные часы! – удивилась она. – Они показывают число месяца и не могут показать, который час. – А зачем? – пробормотал Шляпник. – Разве твои часы показывают, который год? – Конечно, нет, – с готовностью ответила Алиса. – Но это потому, что на них все время один и тот же год. – То же самое как раз и с моими, – заметил Шляпник» (Глава VII). Предполагается, что часы должны всегда показывать точное время, а именно час. Но время относительно и зависит от контекста. Даже если на часах написан месяц или год, это будет принадлежать к одному времени. Поэтому, как говорит, Шляпник, не имеет значения, что конкретно написано на часах. Здесь заложена мысль о том, что в Стране чудес время не имеет значения, оно абстрактно и существует само по себе.

Парадокс о совпадении мысли и слова. «Тогда говори то, что ты думаешь, – предложил Мартовский Заяц. – Я это и делаю, – поспешно ответила Алиса. – По крайней мере... по крайней мере, я думаю, что говорю, – это, знаете ли, одно и то же. – Совсем не одно и то же, – возразил Шляпник. – Ну, с таким же основанием ты можешь сказать, что «Я вижу, что ем» – то же самое, что «Я ем, что вижу!»» (Глава VII). На примере двух фраз Шляпник пытается показать Алисе разницу процессов (внутренний – думать и внешний – говорить). Утверждение соответствия между мыслями и словами – не всегда истинно или однозначно. Парадокс показывает, что любую истину, которую утверждает Алиса, можно поставить под сомнение. Это подчёркивает наличие иллюзий, а также поиска истины Алисой на протяжении всего произведения.

Парадокс о вере и знании. *«И Мок-Тартль продолжал, начав теми же словами: Да, мы ходили в морскую школу, хотя ты можешь не верить этому... – Я вовсе не говорила, что не верю! – прервала Алиса. – Нет, говорила, – возразил Мок-Тартль»* (Глава IX). Мок-Тартль и Алиса утверждают разное относительно того, что было сказано. Это создаёт противоречие, так как оба могут быть правы и неправы одновременно. То есть в мире волшебства границы между правдой и ложью размыты.

Парадокс удивления. *«Все страньше и страньше! – вскричала Алиса. (Она была так удивлена, что на мгновение совсем забыла, как правильно говорить по-английски.)»* (Глава II). Алиса утверждает, что забыла, как говорить по-английски, но при этом продолжает разговаривать на этом языке. То есть удивление препятствует выполнять привычные действия, что противоречиво, так как другие эмоции не мешают, а наоборот, помогают. Автор представляет Алису обычной девочкой, которой не чужды человеческие эмоции. Это делает её реалистичной, близкой и понятной читателю.

Стоит сказать, что помимо парадоксальных высказываний сюжет богат и бессмыслицами. Автор не жалеет фантазии и не ограничивается их количеством, показывая, что это является нормой для того места, где оказалась Алиса. Нелогичные ситуации создают сказочную атмосферу, стирая границу между реальным и фантастическим миром. Рассмотрим их.

Смазывание часов сливочным маслом. В разговоре о времени, мы узнаём, что Мартовский Заяц смазал механизм часов сливочным маслом, да к тому же с помощью хлебного ножа. *«Отстали на два дня! – вздохнул Шляпник. – Я говорил тебе – сливочное масло не годится для механизма, – добавил он, сердито смотря на Мартовского Зайца. – Это было превосходное масло, – виновато ответил Мартовский Заяц. – Да, но с ним попали внутрь крошки! – проворчал Шляпник. – Ты не должен был смазывать механизм при помощи хлебного ножа»* (Глава VII). Вместо того, чтобы использовать специальное масло и инструмент, Заяц выбрал то, что было под рукой. При этом он искренне не понимает, почему часы отстали, ведь масло было превосходным. Очевидно, Заяц подумал, если масло превосходное как продукт, то оно подойдёт для всего. Нелогично и то, что часы, по словам Зайца, не просто отстали, а отстали на два дня. То есть через сутки время повторяется, оно циклично. Получается, что на самом деле отставания не было, так как не может отстать время, которое не идёт вперёд. Через этот эпизод автор показывает, что в Стране нет привычного течения времени.

Изменение цвета белых роз на красный. По ошибке садовники посадили вместо красных роз белые. Для того чтобы не разгневать Королеву и не нарваться на казнь, они придумали покрасить розы в красный цвет. *«Не можете ли вы объяснить мне, – сказала Алиса, немного робея, – зачем вы красите эти розы? Пятёрка и Семёрка ничего не ответили, но посмотрели на Двойку. Двойка начал глухим голосом: Да вот, видите ли, мисс, дело в том, что здесь должен был быть красный розовый куст, а мы по ошибке посадили белый, и, если Королева заметит это, нам всем, знаете ли, снесут головы прочь. Поэтому, видите ли, мисс, мы стараемся изо всех сил, прежде чем она явится, чтобы...»* (Глава VIII).

Маленькая ошибка воспринимается садовниками серьёзно. Они считают, что совершили нечто страшное, то, за что можно лишиться жизни. Из-за чувства страха садовники пытаются исправить ситуацию краской, что совершенно бесполезно, так как розы всё равно белые, что и заметила в дальнейшем Королева.

У жителей Страны чудес особая реальность, которая подчиняется своим законам и правилам. То, что несерьёзно для нас, серьёзно для них. Автор иллюстрирует, как страх и тревожность перед возможной опасностью, могут преувеличивать важность мелкой проблемы. Изменение цвета белых роз на красный символизирует бесполезность поступка, вызванного страхом.

Королевский суд. В одной из глав описывается сцена суда, который устроили Червонные Король и Королева над Валетом, обвиняемым в краже кренделей. С первого взгляда все похоже на настоящий суд – подсудимый, судья, присяжные, свидетели. Но не все так хорошо, как кажется, поскольку формально настоящий суд на деле оказывается бессмысленным.

Во-первых, в роли судьи Король, что ему совершенно не подходит, как в прямом, так и в переносном смысле. *«Судьей, кстати, был сам Король. И так как он надел корону поверх парика, то имел очень стеснённый вид, что, конечно, было неприлично»* (Глава XI).

Во-вторых, несуразные показания свидетелей, не относящиеся к делу. *«Дай твои показания! – сказал Король. – Не дам! – ответила Кухарка... – Прошу прощенья, ваше величество, – начал он, – что я принёс с собой это, но я ещё не кончил пить чай, когда меня вызвали. – Ты должен был кончить, – сказал Король. – Когда ты начал? Шляпник посмотрел на Мартовского Зайца, который сопровождал его в суд под руку с Орешниковой Соней. – Это было четырнадцатого марта, я думаю, – сказал он. Пятнадцатого, – сказал Мартовский Заяц. – Шестнадцатого, – сказала Соня. – Запишите, – сказал Король присяжным»* (Глава XI).

В-третьих, присяжных представляли маленькие глупые животные, не осознающие, где они находятся и что от них требуется. *«У одного присяжного заседателя грифель пронзительно скрипел. Этого, конечно, Алиса не могла вынести. Она обошла кругом зала суда, стала за спиной присяжного и, скоро уловив удобный момент, выхватила у него грифель. Она действовала так быстро, что бедный маленький присяжный (это был Билль-Ящерица) так и не смог сообразить, что случилось с грифелем. После того как он безуспешно обшарил все вблизи, отыскивая его, Билль-Ящерица был вынужден до конца дня писать одним из пальцев, от чего было очень мало толку, так как палец не оставлял следов на доске»* (Глава XI).

В-четвёртых, странные правила, придуманные в момент. Например, Алиса должна была покинуть суд, так как стала выше остальных. *«Король, который в течение некоторого времени старательно записывал что-то в свою памятную книжку, закричал: – Молчать! – и прочитал по книжке: – «Правило Сорок Второе. Всем лицам больше чем с миллю ростом покинуть суд». Все смотрели на Алису. – Я – не с миллю ростом, – сказала Алиса. – Нет, с миллю, – возразил Король. – Около двух миль ростом, – добавила Королева. – Ну, я, во всяком*

случае, не выйду, – сказала Алиса. – Кроме того, это не постоянное правило: вы придумали его только сейчас. – Это самое старое правило в книге, – заявил Король» (Глава XI).

В-пятых, поспешное необдуманное решение о казни. Еще до вынесения приговора Королева готова всех казнить. «И сейчас же снести ему голову там, за дверями! – добавила Королева, обращаясь к одному из судебных приставов... Обезглавить эту Соню! Гнать Соню из зала суда... Долой ей голову! – заорала Королева на самых высоких нотах своего голоса... – Нет-нет! – возразила Королева. – Сначала казнь, приговор – потом!» (Глава XI).

В-шестых, бессмысленные улики. В качестве доказательства вины Валета используются стихи, которые, по мнению суда, он подделал. Даже чужой почерк и отсутствие личной подписи, не является оправданием для суда. Его заведомо считают виновным, а улика, даже не относящаяся к делу, оборачиваются против него. «То, что ты их не подписал, – возразил Король, – только ухудшает твоё положение. У тебя безусловно был какой-то злобный умысел, иначе бы ты подписался своим именем, как и подобает всякому честному человеку» (Глава XI).

Исходя из рассмотренных примеров можно увидеть, что парадокс и нонсенс присутствуют на протяжении всего сюжета «Алисы в Стране чудес». Мир, созданный Льюисом Кэрроллом, подчиняется своим правилам, где логика постоянно нарушается, ситуации противоречивы, а мелкие бессмыслицы перерастают в полнейший абсурд.

Сначала Алисе все чуждо, ей кажется, что ничего в этой волшебной стране не имеет смысла. Однако со временем она начинает привыкать и понимать, что за парадоксальными и бессмысленными ситуациями скрывается философия, которая заставляет посмотреть на мир под другим углом, наталкивает на глубокие размышления о жизни.

Парадокс и нонсенс выражают философские идеи автора, показывают неоднозначность известных истин, формируют единый стиль произведения, придавая ему образность и комичность.

ЛИТЕРАТУРА

Глава II. Озеро слёз // Азбука.ру. URL: https://azbyka.ru/fiction/alisa-v-strane-chudes-ljuis-kjeroll/#ch_0_7 (27.09.2025).

Глава VI. Поросёнок и перец // Азбука.ру. URL: https://azbyka.ru/fiction/alisa-v-strane-chudes-ljuis-kjeroll/#ch_0_7 (27.09.2025).

Глава VII. Безумное чаепитие // Азбука.ру. URL: https://azbyka.ru/fiction/alisa-v-strane-chudes-ljuis-kjeroll/#ch_0_7 (27.09.2025).

Глава VIII. Крокетная площадка королевы // Азбука.ру. URL: https://azbyka.ru/fiction/alisa-v-strane-chudes-ljuis-kjeroll/#ch_0_7 (27.09.2025).

Глава IX. История Мок-Тартля – фальшивой черепахи // Азбука.ру. URL: https://azbyka.ru/fiction/alisa-v-strane-chudes-ljuis-kjeroll/#ch_0_7 (27.09.2025).

Глава XI. Кто украл кексы? // Азбука.ру. URL: https://azbyka.ru/fiction/alisa-v-strane-chudes-ljuis-kjeroll/#ch_0_7 (27.09.2025).

Как появилась «Алиса в Стране Чудес», Льюис Кэрролл и суперобложка? // Школа жизни. URL: <https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/6933/> (27.09.2025).

Пигулевский В.О. Сказка Льюиса Кэрролла в контексте модерна и постмодерна // Южно-Российский музыкальный альманах. 2022. №2 (47). С. 63-68.

Соломатина В.И., Болотникова Е.Н. Страна чудес Льюиса Кэрролла, как зашифрованная философия современности // Евразийский научный журнал. 2016. № 4. С. 217-218.

© Бурнышева В.А., 2025

WORD AS A PHILOSOPHICAL AND MYTHOLOGICAL-RELIGIOUS CONCEPT

Abstract. The article deals with mythological, religious and philosophical aspects of the concept Word that form its inner content. The Word is one of the most significant notions inherent to all cultures as the word is the main tool of cognition and expressing thought, as well as communication. The article identifies three major levels of interpretation of the concept Word: mythological, religious, and philosophical. On the mythological level, the word is perceived as a magical and sacred entity, capable of creation or destruction, having a power to impact man and nature. Examples from Vedic, Zoroastrian, Slavic, and Uzbek linguocultures demonstrate that spoken words, names, and sacred speech formulas function as instruments of transformation and communication with supernatural powers. From the positions of Philosophy, Word being correlated with the ancient Greek notion of Logos (Heraclitus, Plato, the Stoics) is interpreted as an “idea” identical with being itself. The ideas of ancient philosophers laid the foundation for the religious interpretation of the Word, according to which the Divine Word is the creative principle of the world through which the act of creation is carried out. The study concludes that the concept *Word* serves as a fundamental cultural category reflecting the unity synthesizing different mythological and religious senses and meanings. The analysis of complex, multi-layered structure of this concept necessitates a **multidisciplinary approach**, integrating the data of linguistics, philosophy, theology, and cultural studies.

Key words: word; mythological; religious; philosophical; name; conceptualization; interpretation.

About the author: Galieva Margarita Rafaelovna, Doctor of Science in Philology, As. Professor, Head of Linguistics and English Literature Department. Uzbek State University of World languages. ORCID: 0000-0002-4325-4612.

Contact information: 100185 21A, G-9A, St. Kichik Halqa yoli, Tashkent, Uzbekistan; tel.: +998 90 167 67 56; e-mail: m.galiyeva@uzswlu.uz.

Галиева М.Р.

СЛОВО КАК ФИЛОСОФСКИЙ И МИФОЛОГО-РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНЦЕПТ

Статья посвящена исследованию мифолого-религиозного и философского содержания концепта Слово, формирующего его внутреннюю форму. Слово является одним из наиболее значимых понятий присущим всем культурам, т.к. слово является основным средством выражения мысли и коммуникации. В статье анализируются три смысловых уровня концепта *Слово*: мифологический, религиозный и философский. На мифологическом уровне

слово осмысливается как магическая и сакральная сущность, способная к созиданию или разрушению. Приводятся примеры из ведической, зороастрийской, славянской и узбекской традиций, где произнесённое слово, имя или молитвенная формула выступают как инструмент воздействия на реальность. На философском уровне *Слово* сопоставляется с античным понятием *Логоса* (Гераклит, Платон, стоики) и трактуется как «идея», тождественная бытию. Идеи античных философов положили основу религиозной трактовке Слова, согласно которой Божественное Слово есть творческое начало мира, посредством которого осуществляется акт творения. Результаты исследования подтверждают, что концепт *Слово* является ключевым элементом духовной и интеллектуальной культуры человечества, синтезирующим различные мифологические, философские и религиозные значения. Исследование его многоуровневой структуры требует междисциплинарного подхода, учёта как языковых, так и внеязыковых факторов, включающих научные данные лингвистики, культурологии, философии и теологии.

Ключевые слова: слово; мифологический; религиозный; философский; имя; концептуализация; интерпретация.

Сведения об авторе: Галиева Маргарита Рафаэловна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и английской литературы, Узбекский государственный университет мировых языков. ORCID: 0000-0002-4325-4612.

Контактная информация: 100185 Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик Халка Йули, квартал Г9А, д. 21А, Узбекский государственный университет мировых языков; тел.: +998901676756; e-mail: m.galiyeva@uzswlu.uz.

*In the beginning was the Word,
and the Word was with God,
and the Word was God (John 1:1)*

The Word is a unique concept inherent to all cultures that is explained by its ontological nature and interdisciplinary character. Possessing a multidimensional cultural potential on a global scale, this concept has repeatedly become and continues to be the subject of research by various scientific disciplines, such as philosophy, cultural studies, psychology, theology, history, and sociology. In linguistics the research of complex nature of the concept Word was in the focus of many scholars (Stepanov 2004; Degtev, Makeeva 2000; Lebedeva 2003; Zykova 2006; Galieva 2010, Stepanenko 2006). It is conditioned by the fact that the Word being the main linguistic unit is a major tool of communication as well as instrument of representing and transferring culture and information about the world. Yet, the significance of the Word transcends the purely linguistic domain, encompassing mythological, religious and sacred dimensions making it a subject of interdisciplinary research.

The article is aimed at studying the philosophical and mythological-religious conceptualization of the Word that shapes the perception of the Word as both a linguistic phenomenon and a metaphysical category. Special attention is given to the ways in which philosophical thought, mythological and religious worldviews have contributed to the formation of the semantic and symbolic significance of the Word, revealing its dual nature as an instrument of

human communication and as a bearer of sacred and ontological meaning. Through this analysis, the article aspires to elucidate how the interrelation between language, thought, and belief systems are manifested in language.

The mythological conceptualization of the concept Word goes deep into history. As A.A. Potebnya notes, “The word is the main and primordial tool of mythical thinking” (Potebnya 1976). Mythological consciousness, according to N.B. Mechkovskaya, is “a primitive, collective (pan-ethnic), imaginative representation of the world with a mandatory (supernatural) component” (Mechkovskaya 1998). According to L. Lévy-Bruhl, mythological consciousness is characterized by attributing mystical and magical properties to all objects. The researcher asserts that “Since everything that exists possesses mystic properties, and these properties, from their very nature, are much more important than the attributes of which our senses inform us, the difference between animate and inanimate things is not of the same interest to primitive mentality as it is to our own. As a matter of fact, the primitive’s mind frequently disregards it altogether” (Lévy-Bruhl 1985). The word was also endowed with mystical abilities, as it served as a mediator between humans and supernatural entities. Subsequently, this non-conventional attitude toward the Word led to the emergence of various prayers, spells, incantations, etc., through which people ‘communicated’ with the gods. In many religious traditions of the world, the word was perceived not just as a means of communication, but as a sacred energy capable of influencing divine forces. It was believed that the precise, sequential, and rhythmic pronunciation of words opens the way to higher powers, making prayer effective. Thus, for example, in Vedic India, the mantra was considered the ‘sounding Brahman’ (śabda-brahman) – the manifestation of the divine through sound. In the Rigveda (I.164.35) it is said: “Let the words be one, let there be a common sacrifice”, so the harmony of speech and thought ensures connection with the gods. Many commentators on the Rigveda emphasize that it was believed that a mistake in sound or word order could destroy the spiritual effect: an incorrectly pronounced mantra “burns the fruit of the sacrifice”. For example, changing one sound in the formula *agnim īle* (I praise the fire) was considered a violation of the sacred ritual. In the Islamic tradition, correct pronunciation of letters, words (tartil), and observance of the norms of tajweed are considered conditions for the prayer to be ‘heard’ by Allah. Even the slightest distortion of sound or word order changes the meaning and spiritual power of the address. Similar ideas exist in Christianity as well; for example, the order of words in prayers, especially in the Pater Noster (Our Father) (Bible, Matthew 6:9), is considered to have been given by Christ himself, and violation of its form is perceived as a distortion of dogma.

At the mythological level, the Word closely interacts with the Name. In mythological consciousness, the word was perceived as an entity endowed with magical power, since after “naming or designating an object with a word”, the object began to live; consequently, the name in mythological consciousness was seen as a mysterious entity, knowledge of which gave power over the named object (Mechkovskaya 1998). The mythological function of the name, as noted by N.I. Tolstoy and S.M. Tolstaya, is manifested in the fact that the name acts as a mediator regulating a person’s relationship with nature, the cosmos, and the supernatural world. The name “becomes the full representative (substitute) of a person in front of the higher, divine, celestial protectors, at the

same time it also exposes him to dangerous, demonic, otherworldly hostile forces... it is endowed with magical properties and is used in rituals as a tool of magic – protective, expelling, productive, healing; the name is tabooed, concealed, duplicated, subjected to substitution; the choice of a name and process of naming are subjects to strict regulation and magical purposes” (Tolstoy, Tolstaya 2000). In this regard, according to archaic beliefs, knowledge of the true name gave power over its bearer: by pronouncing the name, one could influence a person, summon spirits, or even cause harm. Therefore, in many cultures, the real name of a child was kept secret, and in everyday life a second, ‘protective’ name was used, it should have been neutral or ‘deceptive’ to hide the child from evil forces and spirits. Thus, for example, in the ancient Egyptian tradition, the name was considered part of a person’s essence: destroying the name on inscriptions meant destroying the soul itself. The true names of gods and pharaohs were known only to initiated priests; so, for example, according to legend, the god Ra lost part of his power when the goddess Isis learned his secret name. In Slavic linguoculture, a child was often given a ‘substitute’ name – for example, *Nezhdan* (not awaited), *Nekras* (not handsome), *Plokhish* (the bad one) – to deceive the spirits of illness or death. The true name (if not forgotten) was revealed only in adulthood or during initiation rituals. In ancient Chinese tradition, there was a distinction between “ming” (official name) and “zi” (courtesy name): the real name of a child was not uttered aloud not to attract the attention of evil spirits. Similar beliefs about names still exist, particularly in Uzbek linguoculture, where a child is given the name of a saint or great figure. If the child then often falls ill, the name is changed to a simpler, more ordinary one so that the spirits leave him alone. According to A.A. Potebnya in mythological consciousness there was also a belief that “the mere utterance of a known word can itself produce the phenomenon with which it is associated” (Potebnya 1989). This function is especially vividly manifested in situations where a family faces repeated loss of children, as a result parents try to ‘trick fate’, through the name, instilling the world and otherworldly forces the idea of resilience and life. Parents who have lost several children name the newborn with names like *Ulmas* (will not die, immortal), *Tursun* (let him live), *Urish* (let him take roots), *Tokhta* (stop, ‘so that death stops’), *Jonli* (alive). Thus, in Uzbek linguoculture, such names carry apotropaic (protective) semantics so that name itself becomes a magical speech act shaping the desired reality. Similarly to archaic ideas about the magical-protective function of the name, in a number of cultures there was also the opposite belief according to which knowledge of someone’s or something’s name endowed a person with power over that being or phenomenon, up to the possibility of destroying it. Thus, in Uzbek culture, children born with numerous birthmarks (nor, khol in Uzbek) are often named *Anora*, *Gulnora*, *Dilnora*, *Kholida*, *Kholid*, etc., so that the birthmark does not harm the child or disappear, i.e., the word/name acts as an amulet protecting from misfortune. According to a number of researchers the non-conventional attitude toward the personal name as a substitute for the person himself explains “the widespread use of the name in magical practice, first, as an object of magical operations with the help of which one can influence the bearer of the name; second, as an instrument of magic itself” (Tolstoy, Tolstaya 2000). That is why illness, especially of a child, was explained by an incorrectly chosen or ‘spoiled’ name which required changing the name to a more suitable one.

Thus, in mythological consciousness, the Word is endowed with magical power, possessing certain abilities, since “the name finally forms (creates, gives birth to) a person” (Tolstoy, Tolstaya 2000). Through the word one could create, destroy, revive, so the life and fate of the named object depended on the word. It was enough to know and say name to cast a spell on a person (Zinoviev, 1987:129). These beliefs subsequently led to the emergence of onomastic taboos, customs of double naming, name changes, and euphemisms in language and culture.

According to V.N. Toporov, one of the most ancient civilizations, namely ancient Indian culture, was distinguished by its word-centeredness and retained the deepest understanding of the sovereignty of the Word and Speech. It had a unique awareness and regarded the word as the highest reality, at core of culture (Toporov, 1985). Thus, according to one of the ancient Indian myths the God of Mind competed with the goddess speech and inspiration Vach (literally Word, Speech), who invented Sanskrit and the Indian alphabet. The God of Mind won the competition, but he had to admit that without the goddess of Word and Speech, he cannot carry out his activities. As O.A. Donskikh notes, ancient Indian culture also emphasizes the connection of the Word with reasoning and thought. Thus, in the Shatapatha Brahmana and in the Upanishads, there are passages where it is said “Truly, the Rig and the Saman are speech, word. Truly, the Yajus is thought. Where there was speech, everything was accomplished... .. where there was (only) thought, nothing was accomplished. Truly, they do not understand the one who thinks with thought (but does not speak)... It is precisely thought and speech, like a harness, that bring the sacrifice to the gods” (Donskikh, 1984:15).

Zoroastrian texts also preserve one of the oldest testimonies of how people conceived the relationship of the triad thought – word – deed. According to the Zoroastrian prophet Zarathustra, the word in this triad is central one. The highest and most powerful gods, both of Goodness and Evil, are precisely those gods who possess the power of the Word. According to K. S. Braginsky, here the Word “embodies thought (spirit), is identified with deed” (Braginsky, 1983).

Thus, it can be concluded that mythological consciousness tends to attribute various supernatural properties to the Word. The Word is endowed with magical power, possessing certain abilities to influence the environment and humankind.

The philosophical and religious levels are mainly represented by the necessity to study the concept Word in its interaction with such concepts as Logos, Knowledge, God. Thus, according to the definition given in the philosophical dictionary, Logos (Greek logos – word) is a philosophical term “originally denoting the universal law, the foundation of the world, its order and harmony” (FS, 1986). The study devoted to the concept Word by Yu.S. Stepanov showed that as a philosophical term, Logos (literally Word) was used in ancient Greece by Heraclitus (late 6th–early 5th centuries BC). According to him, Logos is the foundation, the rational principle of the world and nature, which is arranged according to true reasoning, i.e. Logos. According to S. N. Trubetskoy, Heraclitus laid the basis of later idealism: if nature is knowable through “true reasoning,” then “it is in accordance with it Logos as a rational principle lies in its very foundation” (Trubetskoy, 1915). The Stoics (Zeno, Chrysippus) developed Heraclitus's idea, defining Logos as the divine reason and creative principle of the world. It permeates the Universe, giving form to all

that exists (Long, Sedley 1987). Socrates considers Logos as concept since 'the true principle, norm, or objective beginning is the logical thought itself, the concept itself. Socrates saw in Logos the source and criterion of objective knowledge and believed that a system of correct behavior that gives a person a possibility reach true supreme goodness (Stepanov 2004).

Plato, the founder of idealism, views Logos as an 'idea' – a bodiless, eternal, invisible 'form' that is identical to being. The 'idea' (Logos) is eternal, it neither appears nor disappears and does not depend on space and time. Aristotle interpreted Logos as the essence of things, the rational principle, the logical form of reality, through which everything that is knowable by man is determined in the world. He also stated that besides Logos, there also exists 'matter' – a formless, unknowable beginning. If 'matter' in Aristotle is a passive principle, then 'form' is the primary productive force, the active principle of motion, and ultimately its final goal, i.e., the attainment of the 'unmoved mover' – God' (FS, 1986). His thoughts were developed in the philosophy of the Stoics, who believed that if Logos is the essence of things, then it also includes matter. Therefore, according to their teaching, Logos is everything – divinity, nature, reason, the element of the world (Trubetskoy, 1915). Here, according to Yu. S. Stepanov, "the doctrine of Logos for the first time acquires a religious coloring, becoming a moral-theological doctrine of divine providence" (Stepanov, 2004).

The ideas of ancient philosophers, especially Plato, Aristotle, and the Stoics regarding Logos were borrowed by Christianity leading to the emergence of a theological interpretation of the philosophical Logos. Thus, according to S.N. Trubetskoy, the teaching of Philo of Alexandria became a mediator between the ancient philosophical and Christian understanding of Logos. According to Philo of Alexandria, Logos is regarded as a mediator (in the form of Platonic ideas) between God and the world he created, since Logos is a certain combination of Platonic ideas and creative divine power (FS, 1986).

In further Christian philosophy Logos lost its original meanings and acquired a religious connotation, becoming one of the main concepts of Christianity and began to be interpreted differently than in ancient philosophy. Thus, according to the religious, more precisely the Christian doctrine of Logos the Word is the God, the beginning of all beginnings which exists eternally. The Gospel of John begins with the verse "In the beginning was the Word, and the Word was with God, and the Word was God" (Bible, John 1:1-2) (cf. in the Greek original *λόγος* – Logos, word, thought, meaning, concept), which is interpreted as "the revelation of the Essence of God, the eternal image of God" (Trubetskoy, 1915), i.e., according to the Gospel, God is incarnated in the Word in the person of Jesus Christ. Here, Logos is identified with the God Himself – the eternal Word through which everything that exists was created. This radically distinguishes the Christian understanding of Logos from the ancient one: Heraclitus understands Logos as an impersonal cosmic reason, Book of Jonh sees it as the living Divine Word, a personal Mind/Soul incarnated in man. The early apologists and Church Fathers, especially Justin Martyr (2nd century), developed the idea that Logos is presented in every human soul as a foreshadowing of Christ's truth. Clement of Alexandria and Origen united the divine and the human asserting that Christ is the Logos, i.e. enlightening Mind/Soul. Thus, in Christianity, Logos became the name of the second person of the Trinity – the

Son of God, Jesus Christ, incarnated for the salvation of the world. This understanding was the subject of debate among philosophers, theologians, and linguists. From the Christian point of view, the doctrine of the Word presents faith in revelation and in the complete incarnation of God in man, while from the position of philosophy, the Word in this context is understood as thought, reason, the basis of creativity. It should be noted that philosophical understanding is close to some with ideas of Christian and Islamic scholars, since the act of creation is carried out through the creative essence of the Word. In Eastern patristics (the Cappadocians – Basil the Great, Gregory the Theologian, Gregory of Nyssa), Logos is understood as the eternal Word of the Father through which creation and revelation are accomplished. In the Qur'an, the Word is also personified in the name of Jesus Christ (Isa ibn Maryam) who is called the Word of Allah (kalimatullah): – ... “O Mary! Allah gives you good news of a Word from Him, his name will be the Messiah, Jesus, son of Mary... (Imran 45). However, in Islamic theology, unlike in Christianity, Isa (Jesus) is not the son of God, but only His Word and prophet, as emphasized in the following verse: – The Messiah, Jesus, son of Mary, was no more than a messenger of Allah and the fulfilment of His Word through Mary and a spirit from Him (Women 171). The lexeme 'Kalima' (literally, the Word of God) here means that the birth of Isa/Jesus is directly connected with the Word of Allah, creative and generative, which in the Quranic text corresponds to the lexeme كُن – Be! That is why, from the point of view of Islam, Jesus is the embodiment of the creative Word of God, as confirmed by the following verse: Indeed, the example of Jesus in the sight of Allah is like that of Adam. He created him from dust, then said to him, “Be!” And he was! (Imran 59).

However, despite the differences between philosophical and religious viewpoints, according to S. N. Trubetskoy, there is “an undeniable parallelism between them... philosophers either identified their Logos with the Deity or saw in it an emanation of the Deity... On the other hand, theologians see in contemporary revelation and incarnation of the Deity the ultimate goal, and therefore the creative principle of the world”, so “in the development of Christian theology, elements of the religious and the philosophical naturally coincide” (Trubetskoy, 1915). Thus, to summarize, one can conclude that from the Christian point of view, the Word is faith in the complete incarnation of God in man, while from the philosophical position it is thought, reason, the basis of creativity, the beginning of all that is knowable, through the comprehension/understanding of which the ultimate goal is achieved.

Special attention should be given to A. F. Losev's work “The Philosophy of the Name”, which discusses the Word and its hypostasis, the ‘Name’. As Yu. S. Stepanov rightly notes, “‘word and name’ in the main part of his (A. F. Losev's) concept are synonyms (Stepanov, 1985). This treatise generalizes the ideas of imyaslavie, the philosophical doctrine of the mighty power of the Word, which was relevant in the 4th–7th centuries AD and at the beginning of the 20th century, with major representatives such as P. A. Florensky and S. N. Bulgakov. Thus, A. F. Losev, in a peculiar poetic form, wrote: “If essence is name, word, then it means the whole world, the universe is name and word, or names and words. Man is a word, an animal is a word, an inanimate object is a word, for all this is meaning and its expression. Everything lives by the word and testifies to it... every science

is a science of meaning or of meaningful facts, which means that every science is in words and about words” (Losev 1990).

The doctrine of the Logos of Greek philosophers did not go unnoticed in the East, where the dominant religion was Islam. Interest in Greek sciences arose with the rise to power of the Abbasid dynasty. Under the patronage of Caliph al-Ma'mun, who valued the science and arts encouraging the pursuit of enlightenment by a number of scholars, and founded the famous House of Wisdom considered the first academic university in the East. In the House of Wisdom, scholars of various nationalities and beliefs actively conducted their research. Many works from around the world, especially Greek philosophical and scientific texts, were translated into Arabic at this university. As a result of Arab scholars' acquaintance with the philosophical views of Aristotle and Plato, the philosophical-religious movement of al-Kalam appeared in Islam. Notably, the name of this movement is translated as Word. A number of Islamic tenets were subjected to rationalization leading to the development of a system of theoretical Islamic theology. The mutakallimun (followers of Kalam) were the first to attempt to substantiate Muslim doctrine with logical-philosophical arguments treating reason (the Word-Logos) as the highest authority. Many tenets of the philosophy of al-Kalam were also adopted by Sunnis Abu al-Hasan al-Ash'ari and Abu Mansur al-Maturidi, whose teachings remain relevant to this day. Thus, the doctrine of al-Kalam (Logos) made a huge contribution not only to the development of Islamic philosophy but also to world philosophy, as its philosophical and theological concepts and tenets also influenced the rationalization of Christianity in Europe during the Renaissance.

Thus, the analysis of the mythological and philosophical-religious aspect of the Word, aimed at revealing the deep structure of the concept Word, testifies to the conceptual significance of its content, which is characterized by its multifaceted nature, and therefore requires an interdisciplinary approach to the analysis of its complex, multidimensional structure.

REFERENCES

- Braginskij K.S. Drevneiranskaja literatura//Istorija vseмирnoj literatury. Moskva: Nauka, 1983. T.1. S. 252-271. (In Russ.).
- Degtev S.V. Makeeva I.I. Koncept slovo v istorii russkogo jazyka // Jazyk o jazyke Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S.156-171. (In Russ.).
- Donskih O.A. Proishozhdenie jazyka kak filosofskaja problema, Novosibirsk: Nauka, 1984.127 s. (In Russ.).
- Galieva M.R. Verbalizacija konceptosfery Word/Sŷz/Slovo v anglijskoj, uzbekskoj i russkoj jazykovyh kartinah mira. Dis... k.filol.nauk. Tashkent, 2010. (In Russ.).
- Lebedeva L.B. Slovo i slova//Logicheskij analiz jazyka. Izbrannoe. Moskva: Indrik, 2003. S. 365-368. (In Russ.).
- Levy-Bruhl L. How Natives Think. Introduction by C.S. Littleton. Translated by Lucian A. Clare. Princeton University Press. 1985. 452 p. (In Eng.).
- Long A.A., Sedley D.N. The Hellenistic Philosophers. Cambridge University Press, 1987. (In Eng.).

Losev A.F. Filosofija imeni Moskva: Izd. Mosk. un-ta, 1990. 269 s. (In Russ.).

Mechkovskaja N.B. Jazyk i religija. Moskva: Fair, 1998. 352 s. (In Russ.).

Potebnja A.A. Jestetika i pojetika. Moskva: Iskusstvo, 1976. 614 s. (In Russ.).

Potebnja A.A. Slovo i mif. Moskva: 1989. 206 s. (In Russ.).

Stepanenko V.A. Slovo/Logos/Imja – imena – koncept – slova: sravnitel'no-tipologicheskij analiz koncepta «Dusha. Seele.Soul» (na materiale russkogo, nemeckogo i anglijskogo jazykov). Avt. dis...d.filol.n. Irkutsk: 2006. 34 s. (In Russ.).

Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Moskva: Akademicheskij Proekt, 2004. 992 s. (In Russ.).

Stepanov Ju.S. V trjohmernom prostranstve jazyka. Moskva: Nauka, 1985. 336 s. (In Russ.).

Tolstoj N.I., Tolstaja S.M. Imja v kontekste narodnoj kul'tury // Jazyk o jazyke. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S.598-610. (In Russ.).

Toporov V.N. Sanskrit i ego uroki // Drevnjaja Indija: Jazyk. Kul'tura. Tekst. Moskva: Nauka, 1985. S. 5-29. (In Russ.).

Trubeckoj S.N. «Logos», Novyj jenciklopedicheskij Slovar', Petrograd: Lambert – Luboedy, 1915, t. HHIV; stb. 798-802. (In Russ.).

Zinov'ev V.P. Mifologicheskie rasskazy russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri. Novosibirsk: Nauka. 1987. 400 s. (In Russ.).

Zykova I.V. Chelovek – Kul'tura – Slovo (Obzor) // RZh. Social'nye i gumanitarnye nauki. Serija 6. Jazykoznanie. 2006. № 2. S. 69-88. (In Russ.).

© Galieva M.R., 2025

ОТРАЖЕНИЕ ПОДРОСТКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье исследуется отражение подростковой идентичности в художественном переводе на материале немецкоязычной повести для подростков «Anton taucht ab» Милены Байш. Анализируются лингвистические средства формирования образа подростка в художественном тексте и особенности их передачи при переводе. Особое внимание уделяется сохранению аутентичности и психолингвистической глубины персонажа, а также выбору переводческих стратегий, способствующих сохранению индивидуальности героя. Результаты исследования подчеркивают важность комплексного подхода к переводу подростковой литературы с учетом возрастных, культурных и социально-психологических аспектов идентичности. Цель исследования – выявить стратегии перевода, позволяющие сохранить аутентичность и многослойность образа героя при переходе текста в другую языковую и культурную среду. На основе анализа оригинального текста и его перевода рассматриваются примеры, демонстрирующие особенности передачи характера, внешности, речевых черт, поступков и социального статуса главного героя. Особое внимание уделяется сохранению эмоционального и речевого своеобразия подростка: его стремлению к самостоятельности, самоиронии, использованию сленга и сниженной лексики. Исследование демонстрирует, что буквальный перевод нередко мешает полной передаче психологической глубины персонажа и искажает его образ, поэтому эффективными являются стратегии смыслового развития, лексико-семантических замен и адаптации речевых маркеров в соответствии с нормами целевой аудитории. В результате исследования делается вывод, что адекватная передача подростковой идентичности в переводе требует комплексного подхода, включающего учет возрастных, культурных, лингвистических и социально-психологических аспектов идентичности персонажа. Сохранение индивидуальности героя способствует не только эквивалентности перевода, но и сохранению эмоционального воздействия оригинала на читателя другой культуры.

Ключевые слова: перевод; идентичность; образ персонажа; формирование образа; литература для подростков.

Сведения об авторе: Гутникова Ольга Андреевна, магистрант кафедры филологии, лингводидактики и перевода ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет».

Контактная информация: 628609 г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б; тел.: 8(982)5409765; e-mail: olgagutnikoff@gmail.com.

REFLECTION OF TEENAGE IDENTITY IN LITERARY TRANSLATION (BASED ON GERMAN)

Abstract. This article examines the reflection of teenage identity in literary translation on the bases of Milena Baish's German novel for young adults, "Anton taucht ab". The article analyzes the linguistic means of shaping the adolescent character in the literary text and the specifics of their translation. Particular attention is paid to preserving the authenticity and psycholinguistic depth of the character, as well as the choice of translation strategies that help preserve the individuality of the character. The results of the study highlight the importance of a comprehensive approach to translating young adult literature, taking into account age-related, cultural, and socio-psychological aspects of identity.

The aim of the study is to identify translation strategies that preserve the authenticity and multilayered nature of the character when the text is translated into a different linguistic and cultural environment. Based on an analysis of the original text and its translation, examples are considered demonstrating the specifics of conveying the protagonist's character, appearance, speech patterns, actions, and social status.

Particular attention is paid to preserving the emotional and linguistic uniqueness of the adolescent: their desire for independence, self-irony, use of slang, and low-sounding vocabulary. The study demonstrates that literal translation often hinders the full conveyance of a character's psychological depth and distorts their image. Therefore, strategies of semantic development, lexical-semantic substitutions, and adaptation of speech markers to the norms of the target audience are effective.

The study concludes that adequately conveying adolescent identity in translation requires a comprehensive approach that takes into account the age-specific, cultural, linguistic, and socio-psychological aspects of the character's identity. Maintaining the character's individuality not only contributes to translation equivalence but also preserves the emotional impact of the original on readers of a different culture.

Key words: translation; identity; character image; character formation; adolescent literature.

About the author: Gutnikova Olga Andreevna, Master's student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhnevartovsk State University".

Contact information: 628609, Nizhnevartovsk, St. Mira, 3b; tel.: 8(982)5409765; e-mail: olgagutnikoff@gmail.com.

Данная статья рассматривает понятие идентичности подростка как ключевого компонента образа персонажа в художественном тексте и проблемы сохранения и адекватной передачи этой идентичности при переводе. Актуальность исследований в области художественного перевода состоит в том, что, несмотря на значительное количество

исследований в области переводоведения и литературоведения, некоторые аспекты сохранения аутентичности персонажа в переводе остаются неизученными.

Целью статьи является комплексное изучение механизмов воспроизведения подростковой идентичности в переводе художественного произведения, а также выявление эффективных переводческих стратегий, позволяющих сохранить индивидуальность и социально-психологические характеристики героя. Иллюстративным материалом для исследования послужил фрагмент повести для подростков на немецком языке “Anton taucht ab” Милены Байш (Milena Baisch). Данная повесть была опубликована издательством “Beltz & Gelberg” в 2010 году (<https://gclnk.com/oaVDejc6>) и стала лауреатом Немецкой премии в области молодежной литературы (“Deutscher Jugendliteraturpreis”). История повествует о подростке Антоне, отправившемся на каникулы вместе с бабушкой и дедушкой. Нарисованная бурным воображением мальчика картинка не соответствует реальности, ведь вместо бассейна в кемпинге оказывается «грязное» озеро, а общий язык со сверстниками не налаживается. Одиночество Антона помогает скрасить спасенный им от участи быть съеденным окунь, которого мальчик гордо называет Пиранием. Для работы с рассматриваемым материалом были отобраны и проанализированы примеры формирования и раскрытия образа персонажа, а также выявлены средства, позволившие не утратить идентичность героя при переводе.

Многие отечественные и зарубежные исследователи занимались вопросами художественного перевода, создания образа персонажа в произведении и передачи этого образа в тексте. В частности, можно выделить таких лингвистов, как Л.П. Якубинский, Ю.Д. Апресян, В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, Ю. Найда и П. Ньюмарк. Среди литературоведов стоит отметить Ю.М. Лотмана, В.Е. Хализева и Л.А. Капанадзе. Кроме того, данными вопросами занимались ученые, чья область исследований находилась на стыке переводоведения и литературоведения. К ним относятся В.В. Виноградов, Е.Д. Поливанов и К.И. Чуковский.

Понятие идентичности широко используется в психологии, философии, культурологии и лингвистике. По словам Р.Б. Сапожниковой, английское слово *identity* имеет два значения: «узнавание» и «отождествление» (Сапожникова 2005). Эти аспекты отражены в определении идентичности, предложенном американским психологом Э. Эриксоном (Эриксон 1996). Ученый связывает узнавание с ощущением целостности и уникальности личности, а отождествление – с принадлежностью к социальной группе и взаимодействием с другими.

Вопрос о двойственной природе идентичности – индивидуальной и коллективной – рассматривает также немецкий историк религии и культуры Я. Ассман. Он отмечает, что индивидуальная идентичность (я-идентичность) формируется через социальные взаимодействия, тогда как коллективная идентичность (мы-идентичность) реализуется через индивидов (Ассман 2004). Таким образом, идентичность складывается в процессе социализации и формирования культурной принадлежности.

Кроме того, идентичность носит многоуровневый характер. А.И. Ковалева выделяет три стадии ее формирования: наипростейшую, формирующуюся и достигнутую (Ковалева

2019). Подростковый возраст – критический этап, связанный с конфликтами, поиском принадлежности и самоутверждением. Эти особенности делают образ подростка в литературе особенно значимым для анализа.

В переводе художественного произведения важно передать не только сюжетную роль, но и психолингвистическую глубину персонажа: его поиск себя, способы самоидентификации, принадлежность к социальной группе и дистанцирование от нее. Формирование образа персонажа в художественном тексте происходит за счет взаимодействия языковых, стилистических, культурных и психологических факторов (Сдобников, Петрова 2007). В первую очередь, необходимо учитывать индивидуальные речевые особенности героя, поскольку они позволяют читателю «услышать» персонажа. Язык, которым говорит персонаж, создает портрет его личности, рассказывает о его социальном положении, возрасте, эмоциональном состоянии и других характеристиках (Савина, Кривченко 2021).

В подростковой литературе важным элементом образа становится стремление героя к самовыражению – через сленг, нестандартную лексику, эмоционально окрашенные фразы. Переводчику важно воспроизвести эмоциональное звучание, используя подходящие по тону русские языковые средства, соответствующие данному коммуникативному контексту (Ларина 2009). Это может усложнить работу с произведениями данного жанра. Переводчику необходимо помнить о том, что произведение должно способствовать корректной передаче моральных и этических принципов, учитывать целевую аудиторию и соблюдать цензурные и образовательные стандарты (Шишкина, Чернядьева 2023).

Помимо языка переводчику следует внимательно отнестись и к другим составляющим образа персонажа. В литературоведении, помимо речевой характеристики, выделяются такие составляющие образа персонажа, как его характер, внешность, поступки и социальный статус (Борисова 2010). Только точная передача этих элементов позволит сохранить целостность образа и достичь того же уровня вовлеченности и понимания у читателя перевода, что и у читателя оригинального текста.

Рассмотрим примеры реализации данных аспектов персонажа в переводе.

Пример 1: характер (желание быть взрослым).

Нем. яз.: Oma lachte. „Wir sind doch hier am See“, sagte sie und legte ihren Arm um mich. Ich hasse es, wenn sie das tut. Bin ich ein Baby, oder was? Ich schlug ihren Arm runter und **stampfte drei Schritte** von den beiden weg. Meine Schritte waren sehr fest, ich glaube sogar, der Boden bebte etwas.

Рус. яз.: Бабушка рассмеялась. «Мы же у озера», – сказала она и обняла меня. Я ненавижу, когда она так делает. Я что, маленький ребенок? Я скинул ее руку и **сердито отошел** от них. Мои шаги были такими мощными, что подо мной даже земля задрожала.

Данный фрагмент ярко иллюстрирует характерное для подростков стремление к самостоятельности: раздражение Антона – не просто эмоциональная реакция, а выражение его формирующейся идентичности. В условиях межкультурной коммуникации такие нюансы особенно важны, ведь они требуют не буквального, а содержательно точного и

выразительного перевода, поэтому было принято решение использовать прием смыслового развития. Это позволило не только сохранить действие персонажа, но и точнее передать его эмоциональное состояние.

Пример 2: внешность (самоироничное описание).

Нем. яз.: Der Pudel musterte mich von oben bis unten. Ich musterte den Pudel. Er war einen ganzen Kopf größer als ich, hatte breitere Schultern als ich und die Muskeln an seinen Beinen zuckten. Während er meine Beine anglotzte, **an denen das weiche Fleisch ganz ruhig blieb**, wuschelte er durch seine schreckliche Frisur.

Рус. яз.: Пудель посмотрел на меня оценивающе. Я посмотрел на него. Он был выше меня на целую голову, плечи у него были шире, а мышцы на ногах подрагивали от напряжения. Пока он таращился на мои ноги – **на которых вообще ничего не подрагивало, потому что мышц там не было**, – он взъерошил свою ужасную прическу.

Описания внешности играют важную роль в формировании образа персонажа. Как известно, мускулы являются одним из главных показателей лидерства и привлекательности, особенно среди подростков. Антон не раз в тексте акцентирует внимание на мышцах – как своих, так и чужих. Особенно ярко это проявляется в эпизоде встречи с соперником.

Этот фрагмент ярко демонстрирует самоиронию и неуверенность Антона. Сравнивая себя с другим мальчиком и акцентируя внимание на собственной физической слабости, он проявляет типичный подростковый комплекс. Важно передать не только фактическое содержание, но и ироничную интонацию, через которую раскрывается внутренний монолог персонажа и его поиски идентичности.

Пример 3: речевая характеристика (вкрапление жаргонизмов).

Нем. яз.: „Wo, **verdammt**, ist dann der **verdammt**e Swimmingpool?!“

Рус. яз.: «Тогда, где, **блин**, бассейн?!»

Подростки часто прибегают к использованию грубой лексики, что является частью их естественного стиля общения. При переводе такой речи важно найти баланс – использовать сниженные выражения, но избегать табуированной и чрезмерно грубой лексики. В данном примере дважды встречается сниженная лексика, однако дословный перевод сделал бы реплику перегруженной и слишком эмоциональной, особенно учитывая, что разговор происходит с бабушкой Антона. Поэтому было принято решение применить прием опущения, что позволило сохранить аутентичность подросткового стиля без излишней вульгарности. Такой подход отражает реалистичный разговорный стиль главного героя, при этом учитывая культурные нормы целевой аудитории.

Пример 4: поступки (стремление настоять на своем).

Нем. яз.: Sie wollten auf keinen Fall, dass Piranha im Auto mitfuhr.

Ich machte Terror.

Es gab einen meiner **schönen, richtig guten Wutanfälle**. Okay, ich gebe zu, dass es nicht nur reine Wut war. Es war auch ein bisschen Absicht dabei. Aber das wussten sie ja nicht und auf jeden Fall **war es guter Terror**.

Рус. яз.: Они ни в какую не хотели, чтобы Пираний ехал в машине.

Я закатил истерику.

Получилась одна из моих **шикарнейших, обалденных истерик**. Ладно, признаю, я не настолько уж злился. Чутка специально добавил. Но они-то этого не знали, а **скандал вышел что надо**.

В следующем примере мы видим, как Антон решительно идет на конфликт с бабушкой и дедушкой, несмотря на их запрет брать с собой рыбу, и устраивает настоящую истерику. Из его рассказа ясно, что он гордится своим поступком. В переводе мы постарались передать это с помощью эпитетов «шикарнейший» и «обалденный». При этом для более точной и естественной передачи смысла оригинала применили метод лексико-семантической замены.

Этот эпизод становится ключевым в раскрытии активной субъектности героя: через эмоциональные «взрывы» Антон манипулирует взрослыми и добивается своего. Перевод сохраняет живость речи, юмор и метаязык, подчеркивая подростковую стратегию формирования идентичности через поступки. Фраза «скандал вышел что надо» удачно передает ироничный и самодовольный тон оригинала.

Пример 5: социальный статус (принадлежность к социальной группе).

Нем. яз.: Er schaute mich auf die Art an, wie in Filmen die Coolen auf **die Uncoolen** runtergucken.

Рус. яз.: Он посмотрел на меня так, как в фильмах крутые парни смотрят на **лузеров**.

В данном фрагменте мы перевели выражение “die Uncoolen” как «лузеры», поскольку это выражение широко распространено в подростковой медийной культуре и отлично передает их социальный и эмоциональный контекст. Оно отражает восприятие подростком своего окружения через призму социальных иерархий и ролевых моделей, что помогает глубже раскрыть его идентичность. Использование именно такого лексического решения способствует созданию аутентичного образа и делает речь персонажа более живой и узнаваемой для целевой аудитории.

Рассмотрев примеры формирования и реализации подростковой идентичности в повести “Anton taucht ab”, можно сделать следующие выводы. Подростковая идентичность в художественном тексте является сложным феноменом, включающим индивидуальные и коллективные элементы, которые выражаются через речевые, стилистические и культурные особенности персонажа. В переводе подростковой литературы сохранение этих характеристик требует не просто буквального воспроизведения, а творческого подхода, учитывающего контекст и целевую аудиторию. Примеры из повести “Anton taucht ab” демонстрируют, что эффективные переводческие стратегии включают смысловое развитие, адаптацию сленга и эмоционально окрашенной лексики, а также лексико-семантические замены, направленные на передачу аутентичности и глубины персонажа. Таким образом, адекватная передача подростковой идентичности в переводе способствует не только сохранению художественной ценности текста, но и обеспечивает его воспринимаемость и эмоциональный отклик у читателей другой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Борисова Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология–лингвопоэтика–перевод: Дис. ... доктора филол. наук. Самара, 2010. 383 с.

Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89-103.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.

Савина И.В., Кривченко И.Б. Речевой портрет подростка в кинофильме “The Last Song” // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9-3 (111). С. 162-165.

Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «Идентичность»: теоретические и практические основания // Вестник ТГПУ. Серия: Психология. 2005. Вып. 1 (45). С. 13-17.

Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.

Шишкина И.С., Чернядьева В.С. Сохранение образности при переводе подростковой литературы // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023). Киров: Вятский гос. ун-т, 2023. С. 276-280.

Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

© Гутникова О.А., 2025

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблематикой написания и структурной организацией текста научной исследовательской статьи. Выделяются необходимые для начинающего автора научного труда компетенции, позволяющие осмыслить и логически верно выстроить текст, соблюдая необходимые стилистические нормы и требования, предъявляемые к данному типу текстов. Приводятся примеры проблемных ситуаций, характерные для современной публикационной практики среди начинающих исследователей. К таковым, прежде всего, относят проблему создания логически связного научного сочинения, ввиду недостаточной начитанности, опыта работы со структурой такого текста. В качестве решения рассматривается, с одной стороны, научение моделированию научного текста, нахождению связей между элементами его структуры. С другой стороны, важным условием успешного овладения научным письмом является выработанная способность к научной коммуникации, включающая в себя умение вести диалог и полемику, участвовать в дискуссиях, отстаивать точку зрения в рамках заданной научной области. Статья также затрагивает современную и достаточно актуальную проблему активного использования ресурсов искусственного интеллекта в научной деятельности. В настоящий момент в научной среде нет единого мнения в отношении факта применения данных технологий с целью искусственной генерации или обработки текста. Выделяются как позитивные, так и негативные аспекты их использования в процессе написания научных статей. С одной стороны – это веление времени, и перекладывание части задач на плечи искусственного интеллекта существенно экономит время и облегчает работу современному исследователю. С другой стороны, в рамках накопленного опыта работы по созданию текстов инструментами ИИ созданы предпосылки для опасений, связанных с этической стороной вопроса, равно как и с их возможным негативным влиянием на дальнейшее развитие письменной научной коммуникации.

Ключевые слова: научный стиль; научная статья; искусственный интеллект (ИИ); генерация текста.

Сведения об авторах: Зыкова Светлана Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета; ORCID 0000-0002-8547-5368; Антонова Александра Владимировна, магистрант 2 курса по направлению: Лингвистика. Искусственный интеллект в моделировании речевой деятельности; ORCID 0009-0006-3612-105X

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 213; тел.: 8(3466)273510; e-mail: sveta_zyk@mail.ru.

S.A. Zyкова, A.V. Antonova

THE MODERN APPROACHES TO THE SCIENTIFIC TEXT CREATION

Abstract. The article discusses issues related to the problems of writing and structural organization of a scientific article. We highlight here the competencies necessary for a novice author of the article. These allow one to comprehend and logically construct a text, observing all the stylistic norms and requirements for this type of text. Here the examples of problematic situations typical for modern publishing practice among novice researchers are given. These primarily include the problem of creation of a logically coherent scientific essay, due to the lack of erudition and sufficient experience working with the structure of such texts. One of the appropriate solutions is considered to be learning to model scientific text and find connections between the elements of its structure. On the other hand, an important condition for successfully mastering scientific writing is the development of the ability for scientific communication. This includes the ability to conduct a dialogue or a debate, participate in discussions, and defend a point of view within a given scientific field. The article also touches upon the modern and rather pressing issue of the active use of artificial intelligence resources in scientific activities. At present, there is no consensus in the scientific community regarding the use of these technologies for the purpose of artificial generation or processing of texts. Both positive and negative aspects of their use in the process of writing scientific articles can be found. On the one hand, shifting some of the tasks to artificial intelligence significantly saves time and makes the work of a modern researcher easier. On the other hand, the accumulated experience of creating texts using AI tools has created the preconditions for concerns related to the ethical side of the issue, as well as their possible negative impact on the further development of written scientific communication.

Key words: scientific style; scientific article; artificial intelligence (AI); text generation.

About the authors: Zyкова Svetlana Andreevna, PhD in Philology, Associate professor of the Department of Philology, Language Education and Translation, Nizhnevartovsk State University; ORCID 0000-0002-8547-5368; Antonova Alexandra Vladimirovna, Master student of Nizhnevartovsk State University; ORCID 0009-0006-3612-105X

Contact information: 628609, Nizhnevartovsk, st. Mira, 3b, room 213; tel.: 8(3466)273510; e-mail: sveta_zyk@mail.ru.

Любой, кто приходит в науку, рано или поздно сталкивается с проблемой написания научного текста в виде тезисов, научной статьи, курсовой работы или целого дипломного сочинения. Для новичка это своеобразное вхождение в новый вид коммуникации, которое, определенно, сопряжено с целым рядом трудностей. Ученый со стажем, как правило, владеет языком научного стиля и умеет вести как письменную, так и устную коммуникацию по заданной научной проблеме, благодаря многолетнему опыту чтения и просмотра научной литературы, написанию и редактированию большого количества текстов лекций, статей, дипломных работ. Не имея подобного опыта, современный студент, зачастую, не владеет

навыками обработки и анализа большого объема научной литературы, не знает, как компилировать полученную из источников информацию. Так, в работах О.А. Стычевой исследуется степень изученности методического аспекта проблемы освоения научного стиля студентами высших учебных заведений. Автор указывает на то, что, несмотря на высокую степень разработанности теоретических данных о сущности и особенностях такого вида текста, вопросы, связанные с формированием у студентов общепредметных навыков, необходимых для грамотной организации самостоятельной познавательной деятельности в условиях меняющихся идеалов научности являются открытыми и актуальными (Стычева 2012: 150).

Научный текст, будь то объемная диссертация или небольшая статья, всегда имеет четкую, регламентированную структуру. Считается, что следование определенной структуре помогает автору работы сделать упорядоченным ее содержание, излагать мысли более точно и последовательно (Авдеева, Сусь 2016: 81). И это, с одной стороны, на самом деле является преимуществом – есть «каркас», есть примеры, есть своеобразные «мини-ячейки» для заполнения в рамках создания большой текстовой структуры. С другой стороны, жесткая регламентация, требования заданной структуры не позволяют никаких вольных отступлений. В этом случае, непростой задачей, в первую очередь, является необходимость установления логических связей между смысловыми частями текста с целью создания в результате единого логически связного научного сочинения. К этому добавляется необходимость соблюдения общих норм изложения научного текста, таких как: использование соответствующих маркеров формальности, строгости текста (языковые клише, термины); подбор синонимических единиц, оборотов во избежание повторов, умение выстроить правильные и синтаксически выверенные длинные предложения; а также, естественно, соблюдение правил цитирования, принципов оформления текста и библиографического списка.

В идеале научные тексты должны быть написаны самостоятельно и предлагать новую актуальную информацию для научного сообщества. Поэтому, прежде чем дойти до адресата, научный текст проходит много ступеней проверки: рецензирование, проверка на плагиат, проверка на актуальность и новизну представляемого материала и проч.

Нельзя не отметить, что современному молодому ученому, преодолевающему вышеописанные сложности по созданию научного текста, доступны многочисленные ресурсы и современные технологии, позволяющие решить или облегчить многие задачи. Среди них, прежде всего, программы на основе искусственного интеллекта (ИИ), позволяющие создавать тексты любого вида, согласно поставленной задаче.

Рассмотрим, с какими сложностями сталкивается автор научного текста на разных этапах его написания. Большинство текстов научного плана (диссертации, курсовые, научные статьи, тексты монографий), как известно, содержат в качестве обязательных следующие разделы:

- 1) Введение в проблему исследования.
- 2) Обзор теоретических источников по теме исследования.

3) Непосредственное описание научного эксперимента и результатов исследования.

4) Выводы по результатам, изложение предпосылок к дальнейшей работе по заявленной теме.

Введение, как и текст аннотации – это первая информация в научной статье. И, зачастую, именно они являются определяющими в дальнейшей ее оценке. Как известно, корректно написанное введение способствует положительному восприятию статьи и дает хорошие шансы на ее публикацию. Во введении к научной статье формулируется проблема исследования, обосновывается актуальность исследуемой темы, оговариваются цели и задачи работы. Считается, что объем вступительной части – не более 10–15% от общего объема документа. Поэтому, данная часть текста должна быть достаточно ёмкой и максимум информативной. Однако, она же, зачастую является самой сложной – всегда непросто начать излагать научную проблему, находить подходящие фразы и слова, чтобы заинтересовать читающего, показывая при этом и наработанный опыт, и владение нужной стилистикой текста. Следование заданным примерам, образцам написания при этом может, как помочь, так и лишить текст авторской индивидуальности и, в худшем случае, снизить процент оригинальности.

Использование ресурсов ИИ в этом случае является для многих начинающих исследователей своеобразной «палочкой-выручалочкой». Есть мнение, что машине можно доверить оформить канву, в частности, введение, а уже затем будет легче написать все остальное. Как показывает практика работы с программами по искусственной генерации текста на основе, например, нейросети ChatGPT, реализация промпта (команды): «напиши текст введения к работе с названием...» всегда является результативной. Ответ, который выдает нейросеть, может содержать требуемую информацию и подходящие формулировки. Помимо этого, нейросеть может быть использована в качестве стилового корректора написанного текста. Например, на запрос: «*улучшить текст*» онлайн-сервис Sinonim.org в отношении фрагмента текста, взятого из чернового варианта студенческой курсовой работы, выполнил следующие стилевые трансформации:

Из всех основных аспектов иностранного языка, которые должны усваиваться учащимися в процессе обучения, наиболее важным и существенным следует считать лексику, потому, что без запаса слов, хоть и небольшого, владеть языком будет очень сложно или даже невозможно (оригинальный текст).

*Из всех **ключевых** аспектов изучения иностранного языка, лексика, безусловно, является наиболее важной. Без минимального словарного запаса эффективное владение языком становится крайне затруднительным, если не невозможным* (текст, откорректированный ИИ).

Однако, нельзя не отметить, что использование ИИ технологий для генерации текстов, особенно научно-академических, находится под внимательным наблюдением современного научного сообщества. Обсуждаются вопросы этики и правомерности их использования. Искусственно сгенерированный текст, благодаря современным исследованиям, приобрел также отрицательные характеристики, к основным из которых относят:

1. Несогласованность, нарушение связности текста.
2. Наличие большого количества банальностей («эффект жвачки»).
3. Фразы, не несущие смысловой нагрузки.
4. Повторы («эффект рыбки Дори»).
5. Нарушения логики построения текста.
6. Отсутствие ссылок там, где они необходимы.
7. Стилистическая неоднородность.
8. Фразы, характерные для диалога с генеративным ИИ (Иванова 2024).

Помимо этого, выделяют: «упрощенный стиль; ИИ-галлюцинации (выдача ложной информации); немая конкретность (содержательная пустота при чрезвычайной конкретности); значительный объем при «пустой массивности текста»; обезличенный текст, вследствие отсутствия эмотивности; неоправданные избыточные списки; четкое следование орфографическим и пунктуационным правилам» (Черкасова, Тактарова 2024: 2556).

Поэтому, опора на способы искусственной генерации текста не всегда приносит результат. Многие сходятся на смешанном подходе – привлекать ИИ для сложных формулировок, возможно, при разработке плана статьи, однако логические связи внутри текста выстраивать самостоятельно, проверять искусственно сгенерированную информацию.

Важным критерием, определяющим ценность научного текста, является научная новизна. «Определить новизну позволяет обстоятельное изучение литературы по предмету исследования с хронологическим анализом, рассмотрение существующих точек зрения, критический анализ и сопоставление которых в свете задач исследования часто приводят к новым решениям» (Авдеева, Сусь 2016: 83). Хронологически выстроенный и правильно скомпилированный обзор теоретических источников по теме исследования позволяет судить о степени проработанности темы автором, его осведомленности в плане параллельно существующих достижений и подходов в исследуемой области. В небольшой статье достаточно назвать несколько фамилий и работ по схожей тематике. Если же это более серьезный научный труд, теоретический обзор представляет собой достаточно объемную задачу – за ним стоит большая работа по отбору и сортировке источников. А, учитывая тот факт, что в современном мире научных публикаций очень много работ, заимствующих те или иные утверждения, теории, авторам приходится проводить большую работу по поиску первоисточника. Важна также и иерархия авторов, представляемых в обзоре. Благодаря доступному поиску по ключевым словам, неопытный исследователь может за основу взять работы любого малоизвестного автора, пропуская при этом фундаментальные труды ученых, основоположников теории научной области, в которой проводится исследование. Нейросеть в данном случае может быть помощником в составлении списка авторов или теоретических источников, но она не даст точного сравнительного анализа работ, давая лишь общую информацию. В некоторых случаях требуется более тщательная работа по выстраиванию диалога с генератором текста, детальная пошаговая коррекция промптов с целью получения нужной информации. Но даже в этом случае нейросеть не всегда способна предоставить

правильные ссылки на источники или провести сравнительный анализ различных авторских теорий.

Основная, практическая часть научной исследовательской статьи должна представлять собой самостоятельно, корректно изложенный текст, содержащий актуальную информацию в заданной научной области. Описывая уникальные результаты своего исследования, автор должен быть уверенным в их новизне и актуальности, но они также должны встраиваться в уже существующие знания в исследуемой области. Здесь, с одной стороны, исследователю необходимо показать осведомленность в вопросах исследуемого явления, а значит владеть соответствующей терминологией. С другой стороны, использование терминов может быть сопряжено с проблемой неоднозначности или многозначности некоторых из них. Начинающему автору, в первую очередь, необходимо стремиться быть понятым однозначно, а это значит, он должен употреблять только понятные ему и недвусмысленные лексические единицы (Полевой и др. 2016: 99). Каждый из терминов должен быть обязательно определен в работе со ссылкой на первоисточник. Однако, если речь идет о базовых общеизвестных понятиях, не следует нагружать текст лишними пояснениями, объясняя при этом элементарные истины.

В практической части исследовательской работы, как правило, приводятся авторские примеры, рисунки, диаграммы и иллюстрации, а также комментарии к ним. От автора требуется владение параметрами моделирования научного текста, умение выдвигать гипотезу и последовательно представлять доказательства, умение выстраивать логические связи в описании научного эксперимента. К основным проблемам, связанным с представлением практической части исследования, относят: неумение правильно формулировать комментарии к примерам или отсутствие достаточного объема поясняющего текста при большом количестве примеров; логические и смысловые нестыковки в обосновании гипотезы исследования, многословие, тавтологию и плеоназм (Владимирова 2010: 15). Часто бывает так, что за неумением провести четкий, детальный анализ примеров, автор статьи не включает их в работу. Кроме того, можно отметить случаи, когда автору не удается выстроить логически связную структуру текста или, при переходе к практической части работы, он резко меняет стилистику. Если теоретическая часть изобилует сложными предложениями, причастными и деепричастными оборотами, распространенными определениями, то в практической части, где автор переходит к описанию эксперимента, предложения становятся односложными. Во избежание подобного рекомендуется изначально изложить этапы проведенного эксперимента в черновом варианте, сделав акцент на сути излагаемого материала и уже затем приступить к выравниванию стилистики текста. Считается, что одним из текстообразующих маркеров научного текста является использование обобщенно-личных или безличных конструкций, типа: *есть основания полагать, считается, известно, предположительно, следует подчеркнуть, надо обратить внимание* и проч. (Полевой и др. 2016: 99).

Необходимо отметить, что навык видения и понимания структуры научного текста должен нарабатываться не только в теории, но и практическим путем. С одной стороны, это

может быть практика чтения научных работ. Умение правильно читать, понимать научный текст, выделять главное приходит не сразу и требует наработки соответствующего навыка. С.А. Вишнякова в своих работах предлагает концепцию обучения пониманию научного текста на базе моделирования смысловых связей внутри него. Моделирование, в этом случае, – это замена изучения определенного понятия в реальности изучением аналогичного явления на модели. Понимание смысла текста, согласно автору теории, зависит от понимания коммуникативной задачи, которая в этом случае выполняет организующую и упорядочивающую функцию (Вишнякова 2012). Таким образом, при моделировании собственного текста его автор схожим образом осуществляет поэтапную реализацию коммуникативной задачи, стремясь быть однозначно понятым.

Умение же ставить и решать коммуникативную задачу в рамках научного эксперимента может быть приобретено только в условиях непосредственного погружения в научную коммуникацию. Как справедливо считает М.В. Алексеева, «всякое научное творчество есть опосредованная форма речевого общения, оно коммуникативно по своей природе» (Алексеева 2015: 23). О необходимости формирования коммуникативной компетенции начинающего ученого говорят многие исследователи, по мнению которых, развитию компетенции научно-академического письма способствует усвоение особенностей научного стиля речи. И перед тем как научиться грамотно писать научный текст, студенту, молодому ученому необходимо освоить законы научной полемики, научиться излагать свою точку зрения грамотно, последовательно, доказательно, чему способствует участие в конференциях, круглых столах, научных дебатах (Стычева 2012). Поскольку научное выступление чаще всего строится на основе текстов-рассуждений, обучаемый, в процессе подготовки доклада приобретает навыки объяснений, доказательств, рассуждений. Практикуя данные навыки научной коммуникации, начинающий ученый формирует тем самым научный способ мышления.

В заключение отметим, что в настоящую эпоху стремительно развивающихся технологий ИИ, научный мир стоит, очевидно, на пороге смены парадигм, когда наработанные десятилетиями методы исследования становятся малоэффективными, а объекты исследования видятся по-новому. Решение проблем, связанных с определением места и роли ИИ в научном мире предполагает поиск новых междисциплинарных подходов для их решения. В дальнейшем потребуется ещё более тщательный анализ искусственно сгенерированного научного текста, включающий целый ряд аспектов, связанных с этическими нормами, авторским правом, а также оценкой качества научной коммуникации в условиях соединения искусственного и естественного интеллектов.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеева Н.В., Сусь И.В. Практические особенности структурирования и оформления научных текстов // Научная периодика: проблемы и решения. 2016. № 2. URL: <https://clck.ru/3PzwoJ> (18.10.2025).

Алексеева М.В. Типологические особенности научного текста: гипертекстовая типология языка науки: моногр. М.: Изд. дом МИСиС. 2015. 100 с.

Вишнякова С.А. Обучение пониманию научного текста на основе моделирования смысловых связей: теоретические основы концепции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2012. №2. URL: <https://clck.ru/3PzwrT> (18.10.2025).

Владимирова Т.Л. Язык и стиль научного текста. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 2010. 80 с.

Жирова И.Г. Структуральные и содержательные характеристики научного текста // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. Науки. 2019. № 1. С. 39-46. doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.1.39

Иванова Л.А. Искусственный интеллект при написании научных статей – положительный или вредоносный фактор? // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2024. №4. URL: <https://clck.ru/3Pzwu7> (18.10.2025).

Полевой В.Г., Пономарёв А.И., Рыбаков А.В., Мазаник А.И. Методические рекомендации для разработки и представления к публикации научной статьи // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2016. № 1 (28). URL: <https://clck.ru/3Pzwwk> (18.10.2025).

Стычева О.Ю. Научный стиль речи: вопросы дидактического обеспечения // МНКО. 2012. № 3. URL: <https://clck.ru/3Pzwwh> (18.10.2025).

Черкасова М.Н., Тактарова А.В. Искусственно сгенерированный академический текст (лингвопрагматический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 7. С. 2551-2557. doi.org/10.30853/phil20240363.

© Зыкова С.А., Антонова А.В., 2025

THE COGNITIVE ASPECT OF THE LANGUAGE INTERFERENCE

Abstract. In the following article language interference is being investigated from the point of the conceptual integration theory, which proposes two conceptual domains on the basis of similarities to integrate forming a blend. As well, the contact of languages provokes the conflict and then the interpenetration of two linguistic systems in the mind of a user. Two conceptual domains are presented by the contacting languages, which on the basis of the linguistic interference form a blend – a mixed language structure. Various definitions of the language interference have been observed in the article; nevertheless, all the linguists consider that the interaction of the linguistic systems in a speaker's mind leads to the formation of the third integrated system based on the components of both contactors. This assumption has been used to elaborate and present the figure underlying the process of the language interference based on the conceptual integration. To illustrate the theory, the examples on the morphological, lexical and syntactic levels of the mixed language Spanglish have been examined. The given language is the mixture of the English and the Spanish languages, which are interfering in all hierarchical levels. The emphasis in the analysis has been made on the conceptual blending of the two language systems on the levels of Spanglish hierarchy.

Key words: language interference; conceptual blending; conceptual integration; blend; mixed structure; mixed language; Spanglish.

About the author: Yartseva Svetlana Vladimirovna, Philosophy Doctor in Philological Sciences, senior teacher in Linguistics and English Literature Department. Uzbek State University of World Languages. ORCID: 0000-0003-4054-0557

Contact information: 100097, Lutfi-8, Chilonzor district, Tashkent, Uzbekistan. Uzbek State University of World Languages, International Journalism Faculty; tel.: +998909020682; libertine13@list.ru

Ярцева С.В.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию языковой интерференции с точки зрения теории концептуальной интеграции, которая предполагает интеграцию двух концептуальных областей на основании схожих черт с образованием так называемого смешения (бленда). Аналогично этому, контакт языков приводит к конфликту, а затем и взаимопроникновению двух языковых систем в сознании пользователя. Две концептуальные области представлены контактирующими языками, которые на основе лингвистической интерференции образуют бленд – смешанную языковую структуру. В статье были

рассмотрены различные определения языковой интерференции. Тем не менее, во всех освещённых дефинициях, данных лингвистами, указывается, что взаимодействие языковых систем в сознании говорящего приводит к формированию третьей интегрированной системы, основанной на составляющих обеих сторон контакта. Это предположение было использовано для разработки и представления схемы, лежащей в основе процесса языковой интерференции, основанной на концептуальной интеграции. Для иллюстрации теории были рассмотрены примеры на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях смешанного языка «спанглиш». Данный язык представляет собой смесь английского и испанского языков, интерферирующих на всех иерархических уровнях. Основное внимание в анализе уделено концептуальному смешению двух языковых систем на уровнях иерархии «спанглиша».

Ключевые слова: языковая интерференция; концептуальное смешение; концептуальная интеграция; бленд; смешанная структура; смешанный язык; спанглиш.

Сведения об авторе: Ярцева Светлана Владимировна, доктор философии по филологическим наукам (PhD), старший преподаватель кафедры Лингвистики и английской литературы, Узбекский государственный университет мировых языков. ORCID: 0000-0003-4054-0557.

Контактная информация: 100097, Узбекистан, г. Ташкент, Чилонзарский р-он, ул. Лутфи, дом 8. Узбекский государственный университет мировых языков, факультет Международной журналистики; тел.: +998909020682; libertine13@list.ru.

The study of a new language is always connected with the process of language interference, when the native language influences the target one. At a certain moment, when the level of the studied language approaches the level of the native one, the target language starts influencing the mother tongue. In this case, mutual *language interference* is clearly observed, which is, undoubtedly, closely connected with the cognitive processes inside human mind, as language studying is not simply learning its structures, vocabulary and rules, but perceiving the surrounding reality and forming the subsequent concepts through the realm of a new language.

Each language has its own peculiarities, specific vocabulary, non-equivalent lexicon and set phrases, which cannot be literary transferred into other languages. Otherwise, the cultural and cognitive components characteristic of a given nation are lost, and the hidden meaning of the translated phrases is missing. That is why proverbs, set expressions, and phrasal verbs are translated into expressions that are equivalent in meaning but different in composition.

These assertions could be challenged by noting that, for example, multi-dialect languages like English and Spanish, which vary not only from country to country but also from region to region, also have different forms of expressing similar meanings. However, it should be remembered that this very difference demonstrates the influence of human perception and conceptual world picture on the form and content of the language characteristic of a given region.

The individual's perception and classification of the surrounding reality are constructed through the use of the linguistic system, which includes all levels of the language hierarchy. First,

we see, then associate and organize into groups, which is impossible without language use. Even strict grammatical rules, as Langacker R., assumes, are a reflection of the mental structures of a particular nation or even an individual (Langacker 1987: 73). It is not surprising that the emergence of interference provokes interpenetration and even mutual assimilation of the linguistic conceptual systems.

To start with, it is necessary to examine in more detail the definition of the concept of “language interference”. Genuinely the term “interference” was used in physics, chemistry and biology for identifying mutual interaction of waves or species, respectively. Concerning language, the term was firstly applied by the members of the Prague linguistic school (Vachek 2003: 83). According to the Linguistic Encyclopedic Dictionary, interference is an interaction of the linguistic systems in the conditions of bilingualism, which occurs either during languages’ contact or while individual mastering of a foreign language (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 197). However, this definition does not fully take into consideration the cognitive aspect.

If we consider the definition of the process given by Baudouin de Courtenay I., interference is not just borrowing by a language of single linguistic units of another language, but general mutual convergence of two languages (Верещагин 1968: 56-60). Indeed, two linguistic systems, the knowledge and mental perceptions they convey, interpenetrate each other during a linguistic contact. In this case, the same interfering meaning is no longer expressed within a single linguistic system, but within two or more. Thus, a conflict arises in the individual’s consciousness between linguistic systems, influencing each other, resulting in the formation of a new, unified system consisting of elements, meanings, understandings, and knowledge contained in both languages.

This assumption can also be supported by a set of definitions given by other linguists. For instance, the Russian linguist Scherba L. states that interference is a mutual adaptation of the speaker’s language and of the listener’s language, which results in changes of the norms of both contacting languages (Щерба 1958: 42-46). American linguist Haugen E. defines interference as a linguistic interaction, when any linguistic unit can become a part of two systems simultaneously. However, later the scientist doubted whether a bilingual possesses two complete language systems, as exactly the process of interference objects this fact. An individual uses the system of the first language to fill the gaps in the second and vice versa. The process of interference allows it to fill in the gaps in both systems: the languages complement each other, allowing for the mutual substitution of missing words, concepts, and ideas in both languages (Haugen 1956: 185).

The most developed explanation of interference was given by the American linguist Weinreich U. in his monograph “Languages in Contact” (1976). Here interference is explained as a deviation from the norms of a language by a bilingual as the result of knowing two or more languages or of a language contact (Вайнрайх 1979: 36). In the process of a contact the influence on the whole system of a language takes place: it reconstructs to adapt to the received element and to integrate it into its structure. So, languages’ contact is not simply a linguistic contact, but a cognitive process that at its highest and most developed point results in the construction of a new conceptual and, subsequently, linguistic world picture – hybrid and mixed languages.

According to the Russian sociolinguist Fomichenko L., interference is a language phenomenon based on the close interconnection of interfering elements, which are seen in the form of cognition. The interfering influence of cognitive processes, exteriorized via mentality, knowledge structures, linguistic elements, and language abilities, orients towards understanding that language studying and world cognition are simultaneous and inseparable processes (Фомиченко 1998: 112). Uzbek linguist Dzhusupov M. also emphasizes that speech interference is the result of contact in the individual’s consciousness between the language systems of the native and studied languages (Джусупов 2017: 355). Moreover, as the president of the American Pragmatists Association Kecskes I. states, interference is not only mutual adaptation, but it is based on *conceptual blending*, when the concepts within two languages through linguistic channels converge in the bilingual mind, forming a mixed system (Kecskes, Albertazzi 2007: 157).

Conceptual blending itself, also known as conceptual integration, is considered a fundamental cognitive process based on an individual’s ability to absorb information, draw conclusions, evaluate, and infer. As a result of conceptual blending, two independent mental spaces, responsible for information input and linked by a common space, are transferred to a new mental space (a hybrid or a blend) based on elements inherent to both. The hybrid generates a new derivative structure that distinguishes it from the input information (Ashurova, Galieva 2018: 61).

This cognitive operation also serves as the basis for the process of linguistic interference. Having “a common underlying conceptual base (CUCB)”, blending results in forming conceptual and linguistic information that is neither the same as in the native language, nor as in the target one (Kecskes, Albertazzi 2007: 160). Basing on this conception, we have attempted to create a schematic representation of the conceptual integration (Fig. 1), where L1 is a native language, L2 is a target language, and the blend results in the mixed structure, which, depending on the level of bilingualism and interference, can result in simple mistakes, mutual adaptation or creation of a new mixed language.

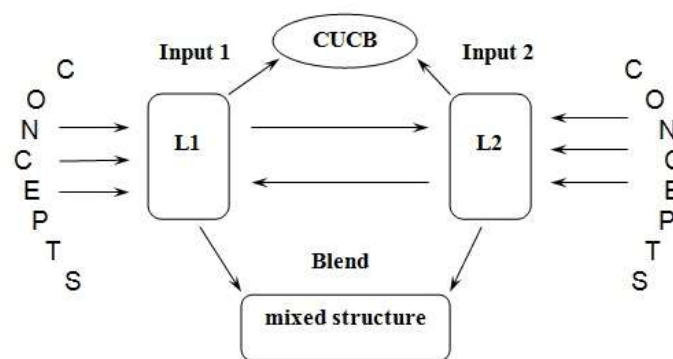

Figure 1. The process of the language interference based on the conceptual integration

Thus, in the common underlying conceptual base of bilinguals two different world visions are blended, resulting in a conceptual domain that is not equal to the content of the conceptual domain in either language (Kecskes, Albertazzi 2007: 161). We should also take into consideration a socio-cultural blending aspect of the language interference. As the language encompasses the conceptual world picture of a nation that speaks it, their mentality and national peculiarities are presented in its

structures and forms. So, the language interference cannot be separated from a cultural component, as understanding a language is learning its nation. Here it should be noted that changes in individual's perception, as the result of studying a new language, are to some extent culturally-colored as the way of world cognition presented via language is also acquired and, colliding with the native vision, results in interference on all the levels of the language hierarchy. Therefore, many scientists put forward the hypothesis about the independent status of the mixed languages, which represent the most deeply developed manifestation of the language interference.

Let us analyze several examples of the mixed structures in morphology, lexis and syntax of a mixed language, based on the interaction of the English and the Spanish languages, namely, Spanglish. Spanglish is a generalized nomination of an overall group of the mixed languages and dialects of the Mexican-American border area, which has presently spread far beyond the initial borderline over the United States and the Latin America, touching simultaneously other world parts, where the given languages come into contact. Spanglish combines traits of English and Spanish in their various combinations depending on the proximity to the border, the individual peculiarities of speakers, the purpose of the contact, etc. and is based on the idea of self-identification and self-representation of the bilingual society in a monolingual world.

Spanglish is characterized by the developed interference of English and Spanish on approximately equal level on all levels of the language hierarchy, not counting the phonetical level, where Spanish influence is stronger. Let us examine the mixed Spanglish structures from the position of the conceptual integration.

On the morphological level of Spanglish, frequent modified words might be observed, which are formed by adding Spanish affixes and inflections to English-taken root morphemes. For instance, this can be seen in such verbs as “colapsar” (from Eng. “to collapse”) or “enjoyer” (Eng. “to enjoy”), or a noun “el asorteamiento” (Eng. “assortment”). In the given examples we can trace the interpenetration of two grammatical systems, namely English and Spanish, where the meaning is taken from the English domain and the grammatical form – from the Spanish one. The formed blend is based, firstly, on the similar properties of the subsequent parts of speech, which is proved by belonging to the same part of speech as in English. Thus, both “colapsar” and “enjoyer” are verbs as their English bases. Secondly, the blend considers the grammatical characteristics of the Spanish domain, which gives verbs, being formed with the help of Spanish verb inflections -ar/-er, the same conjugation and tense characteristics as of Spanish verbs and the noun – the same gender as its Spanish equivalent. That is, similar in sense Spanish noun “el surtido” is of male gender, which gives Spanglish equivalent preference for the male gender, too, which is observed through the male ending -o and the male article “el”.

In lexis such mixture might be noticed even easier as Spanglish lexical system is characterized by the intense code-switching of all types. Let us analyze the following sentence taken from “The Don Quixote of La Mancha” by Stavans I. “*Uno es y slim y rico y single y educado e idealista while el otro es bajo y gordo y pobre y casado y casi iletrado y materialístico, o maybe un mejor término es practical*” (Stavans 2018: V). Here the blending of two lexical systems is visible. Of major interest is that the code-switching concerns not simply the blocks of the

sentence, but the languages are interwoven accurately through all their structure making the forms' blend complex, but smooth. Another proof for the blending to be integrated is that not the particular parts of speech are expressed in one of the languages connected, but the mixture concerns all members without certain preferences.

From the syntactic point, an interesting example might be the usage of a complement in the mixed sentences. For instance, when the complement is presented by the English language, it is put after a verb, as English grammar demands. If it is used in Spanish – then it stands before a verb, as Spanish grammar proposes. Conceptual integration here is expressed not only on the lexical level presented by the code-switching discussed before, but by the underlying grammatical concepts, which oblige English-expressed complement to follow English rules and expressed in Spanish – to follow Spanish rules. It can be seen in the following examples: “Yo *lo* knew”, “I demand that you *le* diga”, “El niño hit *him*” (Stavans 2018: 54-85), where the complements in Spanish “*lo*”, “*le*” are given *before* the verbs “knew”, “diga”, to which they belong, and the complement in English “*him*” – *after* the verb “hit”.

Thus, on the sample of Spanglish we might observe, how two language hierarchies are conceptually integrated into one blend, based on the interwoven properties of two linguistic domains.

To conclude, interference is a linguistic and cognitive process occurring in an individual's consciousness, influencing their perception of reality and reflected in speech. The native and target languages mutually interpenetrate, adapt, and incorporate elements of each other into their linguistic systems. This can result in both simple, periodic errors and – at the most advanced stage of interference – the formation of new hybrid and mixed languages. In this process, the two linguistic systems complement each other, as a bilingual inclined to interference does not possess two complete linguistic systems and uses both languages simultaneously to fill in the gaps. This creates a kind of a mixed structure (blend), which is neither the first nor the second language, but represents a new linguistic entity.

REFERENCES

- Ashurova D., Galieva M. Cognitive Linguistics. Tashkent, 2018.
- Haugen E. Bilingualism in the Americas: A bibliography and research guide. Publications of the American dialect society // University of Alabama Press. 1956. No. 36.
- Kesckes I., Albertazzi L. Cognitive Aspects of Bilingualism. Springer, 2007.
- Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar, Vol. I, Theoretical Prerequisites. Stanford, California: Stanford University Press, 1987.
- Stavans I. Don Quixote of La Mancha. Miguel de Cervantes adaptación. The Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania, 2018.
- Vachek J. Dictionary of the Prague School of Linguistics (Studies in Functional & Structural Linguistics). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: «Вища школа», 1979.

Верещагин Е.М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // Иностранные языки в высшей школе. 1968. № 4.

Джусупов М.Дж. Билингвальное образование: проблема звуковой и лингвокультурной интерференции // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2017. № 3. Vol. 14.

Лингвистический энциклопедический словарь. Под редакцией В.Н. Ярцевой. М., 1990.

Фомиченко Л.Г. Когнитивные основы просодической интерференции. М.: Московский педагогический государственный университет, 1998.

Щерба Л.В. О понятии смешений языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958.

© Yartseva S.V., 2025

УДК 82

doi.org/10.36906/2500-1795/25-2/13

Гусейнова Л.С.

ПОРТРЕТ КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие художественного образа, которое неразрывно связано с термином «портрет». Актуальность исследования обусловлена многообразием подходов к проблеме создания портретов литературных персонажей и неоднозначностью трактовок данного явления в современном литературоведении. Особое значение приобретает изучение портретных характеристик в контексте развития современной литературы и методов её анализа. В ходе работы автором были рассмотрены различные аспекты портретного искусства в литературе. Особое внимание уделено классификации видов литературных портретов, их особенностям и их значению для понимания текста. Были выделены основные виды портретных описаний: статический портрет, динамический портрет, а также формы портрета: характеристический и психологический портреты, портрет-описание, портрет-впечатление, портрет-сравнение. Каждая из этих форм выполняет свою специфическую функцию в тексте. Методологическая основа исследования включает анализ влияния различных факторов на формирование портрета: литературного направления, художественного стиля, жанровой специфики и исторической эпохи. Проведённый анализ показал, что понятие портрета в литературе значительно шире простого описания внешности персонажа. Портрет становится важным инструментом создания художественного образа, помогающим раскрыть характер, социальный статус, внутренний мир героя. Современный подход к анализу портретных характеристик охватывает множество аспектов: черты лица, особенности жестикуляции, специфику мимики, речевое поведение и психологические характеристики. Особое внимание уделяется деталям, которые могут многое рассказать о персонаже: одежде, манере держаться, привычкам. Это позволяет создать многогранный образ персонажа, отражающий как внешние, так и внутренние черты его личности. Портрет в литературе представляет собой многогранное явление, требующее комплексного изучения с учётом всех его функциональных и содержательных аспектов. Исследование портретных характеристик позволяет глубже понять авторский замысел и особенности художественного метода писателя.

Ключевые слова: художественное произведение; художественный образ; портрет; виды портрета.

Сведения об авторе: Гусейнова Лейла Савадхан кызы, учитель иностранного языка МБОУ «СОШ № 14» г. Нефтеюганска.

Контактная информация: 628609 г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 89505359495; e-mail: guseynova202@mail.ru.

L.S. Huseynova

PORTRAIT AS A LITERARY CATEGORY

Abstract. This article examines the concept of an artistic image, which is inextricably linked with the term «portrait». The relevance of the research is due to the variety of approaches to the problem of creating portraits of literary characters and the ambiguity of interpretations of this phenomenon in modern literary criticism. Of particular importance is the study of portrait characteristics in the context of the development of modern literature and methods of its analysis. In the course of the work, various aspects of portrait art in literature were considered. Special attention is paid to the classification of types of literary portraits, their features and their significance for understanding the text. The main types of portrait descriptions were identified: static portrait, dynamic portrait, as well as portrait forms: characteristic and psychological portraits, portrait-description, portrait-impression, portrait-comparison. Each of these forms performs its own specific function in the text. The methodological basis of the research includes an analysis of the influence of various factors on the formation of a portrait: literary trend, artistic style, genre specifics and historical epoch. The analysis showed that the concept of a portrait in literature is much broader than a simple description of a character's appearance. The portrait becomes an important tool for creating an artistic image, helping to reveal the character, social status, and inner world of the hero. The modern approach to the analysis of portrait characteristics covers many aspects: facial features, features of gestures, the specifics of facial expressions, speech behavior and psychological characteristics. Special attention is paid to details that can tell a lot about a character: clothes, demeanor, habits. This allows you to create a multifaceted character image that reflects both the external and internal traits of his personality. It can be concluded that the portrait in literature is a multifaceted phenomenon that requires a comprehensive study, taking into account all its functional and substantive aspects. The study of portrait characteristics allows for a deeper understanding of the author's intention and the features of the writer's artistic method.

Keywords: artwork; artistic image; portrait; types of portrait.

About the author: Guseynova Leyla Savadkhan kyzy, foreign language teacher of MBOU Secondary School No. 14 in Nefteyugansk.

Contact information: 628609 Nizhnevartovsk, 3b Mira Street, room 305, tel.: 89505359495; e-mail: guseynova202@mail.ru.

Художественный образ неразрывно связан с таким термином, как портрет. Портрет как человеческое изображение находили еще в местах обитания первобытных людей, портрет как художественное явление начал зарождаться в XVI в., а в эпоху Возрождения начинает появляться и в литературе. Как писал Л.В. Палойко: «Именно в это время портретные

зарисовки начинают отражать национальные, исторические и социальные черты описываемого героя, а также психологизм его личности» (Палойко 2014: 28).

Сразу начинают выделяться два вида портрета. Первый вид – статический, который направлен на обобщенное представление персонажа, описываются неизменные черты, которые автор старается описать полно и точно, чтобы у читателя сформировалось представление о социальном положении героя, его роли в обществе и о его жизни. С помощью данного портрета автор может через внешность показывать характер персонажа, его психологические особенности. В данном случае статический портрет переходит в психологический. Так, в произведении М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» автор использует статический портрет для описания Бэлы.

Второй вид портрета, который может использовать автор, – динамический. Данный вид описывает героя в момент какого-либо действия, показывает его изменения. В этом случае автор выделяет те детали, которые помогут передать чувства и настроения героя в данный момент. Например, выделяют мимику, речь, жесты. Пример также можно найти в произведении М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», но уже в изображении портрета Мери. То, как она меняет эмоции, как она жестикулирует, как она смотрит на собеседников и как их слушает, выдает ее чувства и внутреннюю душевную драму.

Также портрет можно рассматривать в зависимости от того, к какому тексту относится произведение: авторскому или фольклорному. В фольклоре часто описывался портрет с помощью постоянных эпитетов (добрый молодец, красна девица), которые выделяли одну черту, обобщенно-абстрактные описания, показывающие социальный статус. В данном случае внутренний мир героев, их переживания оставались нераскрытыми.

В эпоху классицизма авторы использовали преимущественно два типа портретного описания: идеальные образы и их полная противоположность – образы героев низкого происхождения. Вплоть до XIX в. у авторов не было необходимости делать анализ каждого героя, поэтому они не нуждались в портретной характеристике. Авторы часто делали лишь несколько замечаний о внешности персонажа, поскольку важна была его социальная роль, но не внутренний мир. Например, в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» образы положительных и отрицательных героев четко разделены по социальному признаку и соответствующим им портретным характеристикам.

Сентиментализм привнес свои изменения в портрет героя. Начинает уделяться внимание именно психологической составляющей портрета, поскольку важно было передать чувства, переживания души (образ Лизы из повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»).

Романтический герой описывался как исключительная личность в необычных ситуациях. Такой эффект создавался с помощью преувеличенного и фантастического описания портрета. Такой подход к портретированию особенно ярко проявился в балладах В.А. Жуковского, где герои изображаются в экстремальных ситуациях, что усиливает эффект преувеличения и фантастичности их облика.

Портрет в реализме использовался как средство для выражения индивидуальности героя. В данном случае внешность и внутренние черты героя переплетаются. Показательным

примером служит портрет Ильи Ильича Обломова из романа И.А. Гончарова. Автор детально описывает его внешность: «среднего роста, приятной наружности», но особое внимание уделяет отсутствию «сосредоточенности в чертах лица». Через описание внешности Гончаров передаёт главную черту характера героя – его безвольность и апатию. «Мягкость» лица отражает мягкость характера, а «беспечность» переходящая в позы тела, говорит об инфантильности натуры.

А.Б. Есин в своих трудах писал, что портрет состоит из нескольких форм портретной характеристики. Этими формами являются портрет-описание, портрет-сравнение, портрет-впечатление, характеристический портрет и психологический (Есин 1999: 50-52).

Портрет-описание – это простейшая форма, которая используется для знакомства с героем. Пример можно увидеть в рассказе А.П. Чехова «Крыжовник», где даётся подробное описание Алёхина. Это классический пример прямого знакомства с героем через его внешность, где автор представляет социальный статус и первое впечатление о персонаже

Следующая форма строится на использовании такого средства художественного изображения как сравнение. Сравнение как средство художественной выразительности играет важную роль в создании ярких образов в литературе. Этот приём позволяет автору усилить впечатление от описываемого явления, сделать образ более наглядным и запоминающимся для читателя. Художественная функция сравнений заключается в том, что они помогают создать яркие визуальные образы, передать эмоциональное состояние героев, усилить выразительность описания и подчеркнуть характерные черты персонажей.

Мастерство использования сравнений особенно ярко проявляется в творчестве Ф. М. Достоевского. В романе «Идиот» писатель создаёт незабываемый образ Настасьи Филипповны, используя точные и яркие сравнения. Описание её внешности: «Черты лица её были красивы и тонки, как у итальянской красавицы с картины; глаза её сверкали, как звёзды» – демонстрирует высочайшее искусство автора в создании портрета героини.

Портрет-впечатление – это когда читателю не дается прямое описание героя. Читателю его представляют через впечатления о нем стороннего наблюдателя, другого персонажа (Есин 1999: 51). Целью данной формы является создание впечатления от образа героя так, чтобы понять его характер. У Ф.М. Достоевского в «Преступлении и наказании» образ старухи-процентщицы раскрывается через впечатления Раскольниковова: её внешность вызывала отвращение, манера говорить раздражала, жадность была очевидна всем.

Характеристический и психологический портреты представляют собой важные инструменты в арсенале писателя для создания объёмного образа персонажа. Эти виды портрета позволяют не только описать внешность героя, но и раскрыть его внутренний мир, характер и индивидуальные особенности. Характеристический портрет фокусируется на внешних чертах персонажа, его привычках и манерах, особенностях поведения, социальном статусе и профессиональных чертах.

Психологический портрет направлен на отображение внутреннего состояния героя, передачу его эмоций и переживаний, раскрытие характера через внешние проявления и демонстрацию изменений в душевном состоянии. Особенности создания портрета

проявляются в том, что писатель использует различные художественные детали, которые помогают читателю понять отношение героя к происходящему, его душевное состояние, внутренние конфликты и эмоциональные переживания (Есин 1999: 52).

Мастерство Ф.М. Достоевского в создании психологических портретов особенно ярко проявляется в романе «Преступление и наказание». Деталь «подрагивающая губа Раскольниковова» становится символом внутреннего раздвоения героя, его душевных мук и борьбы с самим собой. Через эту мелкую, казалось бы, незначительную деталь автор передаёт нервное напряжение персонажа, страх разоблачения, муки совести и противоречивость его натуры.

Также существуют сатирический и иронический портрет, с помощью которых автор делает акцент, высмеивает определенные черты персонажа, которые не соответствуют образу. Данный эффект создается с помощью таких приемов, как метонимия, гротеск и гиперболизация. М.Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках» создает гротескный портрет Порфирия Петровича: «Не высок он ростом, а между тем всякое телодвижение его брызжет нестерпимым величием... Как жаль, что Порфирий Петрович ростом не вышел: отличный был бы губернатор! Нельзя сказать также, чтоб и во всей позе его было много грации; напротив того, весь он как-то кряжем сложен; но зато сколько спокойствия в этой позе! Сколько достоинства в этом взоре, померкающем от избытка величия!» (Цит. по: Вершинина 2005: 212)

Архетипический портрет в литературе представляет собой особую форму портретного изображения. О.Н. Катренко считает, что этот вид портрета обладает уникальными характеристиками и играет значимую роль в раскрытии смысла художественного текста, а также в создании необходимой атмосферы произведения (Катренко 2016: 330).

Особенности архетипического портрета заключаются в том, что он опирается на универсальные образы и символы, культурные архетипы, что помогает создать устойчивые ассоциации у читателя и усилить восприятие текста.

Данная форма портрета создается с помощью ярких и запоминающихся образов, усиление художественной выразительности и формирование особой атмосферы повествования.

Яркий пример архетипического портрета можно найти в повести И.А. Куприна «Олеся». Образ Мануйлихи, представленный через сравнение с Бабой-ягой, создаёт атмосферу мистики и таинственности, подчёркивает связь с народными поверьями, раскрывает характер персонажа через призму фольклорных представлений и формирует определённое отношение читателя к героине.

Также относительно новой является проблема характеристики речевого портрета. Считается, что и речь персонажа всегда обусловлена социальными признаками: социальный статус, возраст, образование, профессия. Все это проявляется в выборе лексико-фразеологических, грамматических и фонетических выразительных средств языка. Так, в произведении И.С. Тургенева «Отцы и дети» речь Базарова насыщена научными терминами, что указывает на его род деятельности.

О.П. Фесенко подразумевает под речевым портретом вербально-семантическое воплощение личности. То есть, данный подход позволяет сделать анализ особенностей языковой личности как динамического явления (Фесенко 2013: 160). А. Гафарова считает, что «речевой портрет персонажей создается посредством прямой, косвенной и несобственно-прямой речи и их смешанными формами» (Гафарова 2006: 7).

Можно выделить еще одну форму портретного изображения – исторический портрет. Это форма литературного портрета, которая отражает изображение персонажа как представителя конкретной исторической эпохи и социальной группы. С помощью данного портрета автор показывает не только образ героя, его чувства, но и влияние исторических событий на героя и общество в целом.

В процессе создания исторического портрета автор уделяет внимание специфике речи персонажа, особенностям внешности, детализации костюма, характеристике поведения и проявлению характера в поступках.

Такой подход к созданию образа позволяет показать взаимосвязь личности и эпохи, раскрыть социальные противоречия времени, создать достоверную картину исторической действительности и сделать образ героя убедительным и запоминающимся. Особое внимание уделяется тому, как через внешний облик и поведение персонажа проявляются характерные черты его времени и социальной среды. Писатель использует различные художественные приёмы, чтобы передать как типические, так и индивидуальные черты героя, создавая тем самым многогранный образ, в котором отражается и личность персонажа, и эпоха, в которой он живёт.

Ярким примером служит образ Емельяна Пугачева в произведении А.С. Пушкина «Капитанская дочка». В образе Пугачева автор раскрывает не только личные качества героя, но и социально-исторические противоречия эпохи. Через этого персонажа показаны причины народного недовольства, мотивы участников восстания, сложность и противоречивость исторических процессов.

Итак, портрет в литературе представляет собой сочетание описания внешности, мимики, жестов, психологического состояния и социального статуса. История развития портрета показывает то, как изменялось понимание функций портретного описания персонажей.

Художественное значение портрета в литературе определяется его способностью создавать яркие образы, формировать целостное представление о герое, раскрывать авторскую задумку.

Это не просто средство характеристики героя, это инструмент раскрытия человеческой личности, углубления во внешние и внутренние черты персонажа с целью раскрытия авторской идеи.

ЛИТЕРАТУРА

Вершинина Н.Л. Введение в литературоведение: Учебник. М., 2005. 416 с.

Гафарова А.С. Речевой портрет. Социолингвистические характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 25 с.

Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 1999. 248 с.

Катренко О.Н. К вопросу о типологии и архетипической основе литературного портрета // *Literretterra*. Материалы V Международной конференции молодых ученых. Екатеринбург, 2016. С. 327-331.

Палойко Л.В. Образ персонажа в оригинале и литературном продолжении англоязычного романа как объект филологического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2014. 216 с.

Фесенко О.П. От языковой личности к речевому портрету, или еще раз о терминологическом разнообразии в лексике // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы международной научно-практической конференции. Омск: Омская юридическая академия, 2013. С. 157-163.

© Гусейнова Л.С., 2025

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ